

БОЛЬ СЕРДЦА МОЕГО

Прошло.

Источило сердце – и кануло.

Остался шрам – потрогайте... война.

"Это чужая война", – думали вы, слушая выпуски новостей.

– Это чужая война, – подтверждали вам Первые лица.

"Ну и пусть", – думали вы.

Вот – потрогайте эту чужую войну.

Д. Туцко

3/2010

БОЛЬ

СЕРДЦА МОЕГО

Игорь Кустов - кавалер 3 орденов Мужества.
Подполковник. Начальник разведки Урус-Мартановского района Чеченской республики.

В 2000м году вся Чечня знала, что на территории республики появился какой-то Леший. Большинство удачных операций разведгруппы комендатуры было связано с этим именем. Чеченские боевики Лешего, мягко сказать, побаивались. О том, что Леший - это позывной начальника разведки Игоря Кустова знали единицы. В должность начальника разведывательного отделения военной комендатуры Урус-Мартановского района Кустов вступил в августе 2000 года. Одна из первых и самых удачных операций - взятие заместителя Масхадова, бригадного генерала Мамади Сайдаева.

В служебно-боевой характеристике подполковника Игоря Кустова характеристике написано: "Успешных операций было проведено более ста". В 2002 году Игорь был ранен: прострелили ноги. После этого он еще полтора часа вместе со своими бойцами вел зачистку района, разыскивая сообщников боевиков. Через три месяца после первого ранения командир Урус-Мартановской разведки был контужен взрывом от гранатомета. Свой первый орден Мужества Игорь Кустов получил в 2001 году, за уничтожение группы полевого командира Ахмадова. Второй - через год. Из Чечни Игорь вернулся в ноябре 2002 года.

Офицеры России

Уважаемые читатели!

Журнал посвящается: солдатам Великой Отечественной; солдатам, воевавшим в локальных войнах; безусым мальчишкам, вставшим в общий строй Войны и жившим ее суровыми законами. Им, узнавшим, отчего были реки солоны, отчего завывали ветры над погостами, отчего были красными дороги. Им посвящается этот журнал, чтобы память все сохранила, не забыла, чтобы восстала против этой бесчеловечности.

Третий номер все-таки вышел из печати, не смотря ни на что. Перед этим редакция, испытывая финансовые трудности, долго и безуспешно пыталась найти поддержку военно-патриотического проекта и понимание у чиновников и депутатов. Но увя... Многие любят говорить красивые речи... Передо мной ни кому ненужная переписка, пачка писем от ряда администраций и министерств с отписками; ведь проще отписаться или перенаправить, чем принять волевое решение. Единственное, что как-то скрашивает безуспешные попытки - это то, что журналы "Боль сердца моего" переданы в Библиотеку Президента Российской Федерации. А самое печальное - это трагическая гибель генерала Трошева, Геннадий Николаевич, ознакомившись в журналом, собирался решить наши проблемы. Светлая ему память!

Двадцать лет назад был осуществлен вывод наших войск из Афганистана. Генерал Громов, возглавлявший колонну, сказал памятные тогда слова, что за его спиной не осталось ни одного советского солдата на территории Афганистана. На самом деле это было не так. Там еще оставались наши военнослужащие. Война закончилась не в 1989-ом, а через два года. Афганская тема представлена: трогательной историей Сергея Погодаева "Тайга" об оечарке, которую автор взял с собой на афганскую войну, которая спасла ему жизнь; репортажем журналиста Сергея Буковского "Бой у кишлака Дури"; мемуарами Владимира Войта "Воспоминания врача батальона".

Мы продолжаем публиковать книгу о спецназе Александра Коломийца "Повесть для внука".

Поэтическая тетрадь начинается с проникновенных стихов Владислава Исмагилова, бывшего бойца отдельного отряда спецназа ГРУ.

С удовольствием представляю читателям нового автора журнала, моего друга, казачьего полковника Сергея Германа. Его рассказ "Солдатская мать" нельзя читать без слез, он посвящается матерям, чьи сыновья никогда не вернутся домой. В следующем номере будет опубликован рассказ Сергея "Чеченский роман".

О полной лишений жизни казаков, оказавшихся в эмиграции на острове Лемнос, передача нашего автора, журналиста радиостанции "Маяк" Армена Гаспаряна. Продолжает тему "Русские вне России", подборка стихов поэта Туроверова. Имя Николая Туроверова было незаслуженно забыто и запрещено. Его стихи, стихи изгнанника, вернулись на Родину уже после его смерти.

В разделе "Неизвестная война" Александр Карцев знакомит нас с книгами своего друга, "афганца", Николая Прокудина "Рейдовый батальон", "Район десантирования!", вышедшими в издательстве "Эксмо".

Заслуживают внимания также исторические материалы: статья Игоря Ладыгина о немцах, служивших в русской армии; статья об ленд-лизе, материал об ордене Святого Князя Владимира...

Раздел "Неизвестная судьба" посвящен летчику, Герою Советского Союза, Якову Антонову, который был сбит в одном из воздушных боев. Долгое время он считался погибшим в том бою. Книга немецкого аса, вышедшая в Германии, приоткрыла завесу неизвестности...

Приглашаю читателей к сотрудничеству, если вы располагаете интересными фотографиями, документами и хотите поделиться ими и своими воспоминаниями.

Всем Добра и Мира!

Сергей Щербаков

Авторы номера:

Александр Коломиец
Полковник, участник БД (Афганистан), автор сайтов «Artofwar» и «Lifecontrary»

Виталий Носков
Писатель, военный журналист

Александр Гак, ветеран ВОВ

Петр Стуков,
полковник МВД, ветеран ВОВ

Владимир Войт
Полковник, участник БД (Афганистан), автор сайта «Artofwar»

Александр Хмурый
Майор, участник БД (Чечня), автор сайта «Artofwar»

Армен Гаспарян, журналист

Олег Валецкий
участник БД (Югославия), автор сайта «Artofwar»

Владислав Исмагилов
Майор ГРУ, участник БД (Афганистан, Чечня), автор сайта «Artofwar»

Вадим Гусев
Участник БД (Афганистан), автор сайта «Artofwar»

Игорь Посевнин
Спецназ ГРУ, участник БД (Афганистан), автор сайта «Artofwar»

Сергей Буковский
Журналист, участник БД (Афганистан), автор сайта «Artofwar»

Сергей Шишков
фалерист-исследователь

Михаил Кошкош
Участник БД (Афганистан), автор сайта «Artofwar»,

Сергей Погодаев
Майор, участник БД (Афганистан), автор сайта «Artofwar»

Александр Карцев
Подполковник, участник БД (Афганистан), автор сайта «Artofwar»

Игорь Ладыгин
Историк

Сергей Герман
Казачий полковник, участник БД (Чечня)

Юрий Беридзе
Полковник ВМФ, военный журналист, автор сайта «Artofwar»

Боль сердца моего

Военно-исторический
литературный журнал

№1 (3), 2009 год

© «Боль сердца моего», 2007г.

Александр Коломиец

http://artofwar.ru/k/kolomeec_a/

Спецназ

Глава из книги «Повесть для внука»

Описываемые события – близкие к реальным. Фамилии действующих лиц изменены, за исключением фамилии майора Решикова Виктора, позывной «Доктор». Глава посвящается светлой памяти погибших сотрудников АЛФЫ

(Продолжение)

По воровским законам «Барсук» не мог быть авторитетом. В зоне не крутился! За ним нет ни одной ходки. Коронован ворами в законе не был. На «сходняки» не ходил, да и не звали. Воровские законы ни во что не ставил. И хотя держался особняком со своими дружками, о нем слышали во всех зонах. Среди «братвы» ходили слухи, что держит он дружбу с начальником уголовного розыска. Даже не слухи, так, догадки.

Одного «барыгу» с «капустой» вроде они прессовали. «Барыга» с девятого этажа выпал, а им сошло все. Говорят, «мокрое дело» – до сих пор «висяк»

На неделе братва «хату» взяла, вепички в отстое были. Так он первый появился со своими. А откуда узнал про «отстой», и кто брал «хату»? Наехал нагло, двух «друганов» били жестко – «раскололи» горячим утюгом. А накой им это нужно было? «Друганы» оба в больнице оказались, те в милицию сооб-

щили – положено. Ну и началась круговерть. Опера набежали, раскрутка пошла. Пальчики на «хате» кто оставил? Так, это чьи пальчики? Вроде и подкопаться не под что. «Ментам» не сдавали. Но подставить-то подставили. А «крысятничать»-то зачем? Свои – законы воровские знают. Свой бы не подставил. На «перо» быстро посадили бы. Тут нужно присмотреться. На зоне появятся – там проще будет. Проверим быстро.

С такими мыслями смотрящий по городу от «общака» воровской авторитет по кличке «Ханя» ехал в сопровождении своих телохранителей на «полковой развод». Под аркой входных ворот стадиона «Северный» собиралась вся вольная «братва» для решения проблем воровского бытия. «Щипачи», «домушники», «бакланы» и «гопстопники» несли в «клювиках» дань от своего бандитского промысла в общую кассу для «грева» зоны и на дела бранные. И хотя из этих не праведных денег только процентов десять пойдет за колючую проволоку,

«Ханя» считал, что остальные тоже идут на пользу дела в собственном кармане. Ему тоже жить надо!

По-другому думать вор со стажем не мог. Все, что можно было украсть, он воровал без зазрения совести. А тут наделенный доверием «братвы» кто же пройдет мимо? Эти все шестерки на него работают! У него ответственность смотрящего! И криминал должен быть бизнесом!

«Ханя» обстоятельно сделал «развод», наметил: того – купить, этого – припугнуть, малолеток на дело поставить. Не забыл поручить своим двум сметливым «шестеркам» походить за Барсуком недельку.

«Барсук» был жаден патологически и по-животному жесток. От вида чужой крови он распаялся. Она приводила его в бешенство. Невероятно силен физически, в исступлении он был страшен и способен на «беспредел». Вчера втроем, со своими такими же «отморозками», они завезли в лес молодого коммерсанта

и подвесили его за ноги. С собой у него была небольшая сумма, и «Барсук» никак не хотел верить, что это все деньги.

— Где зелень? Яйца оторву! — орал он на сильно избитое тело. От вида крови начал сатанеть и уже плохо контролировал себя. Небольшой березовой дубинкой одним ударом, как кролика в забое, в основание черепа он завершил свое черное дело. Жертва задержалась в судороге и сразу обвисла.

Двое накинулись на него:

— Ты что делаешь? Под «мокруху» лезешь? Сматываемся!

Тело коммерсанта нашли случайно на второй день.

Секретно

Управление КГБ СССР по В...скому краю

Дело оперативной разработки №342 «Бешеный» на Жабаева Семена Ивановича, 1968 года рождения

В криминальной среде известен под кличкой «Барсук», чрезвычайно жесток и упрям. Обладая незаурядной физической силой, использует ее для принуждения своих «подельников» к действиям в пользу своих интересов. Жаден. Хитер и изворотлив. Год назад был завербован уголовным розыском под кличкой «Чалый» и состоит на связи у начальника уголовного розыска майора милиции Карасева П.В. Использование агента «Чалого» планировалось для оказания положительного влияния на криминальный мир с ближайшей перспективой занять влиятельные позиции в этой среде. Однако, в силу отрицательных качеств и отторжения среды, продвижение его в этом направлении не удалось. Реально агент используется для раскрытия уголовных преступлений по указанию начальника уголовного розыска (объект дела оперативной разработки «Оборотень»)

Объект «Бешеный» подозревается в убийстве гражданина Самыкина Н.П., истязаниях и убийстве предпринимателя Каравая В.Г.

Имеет намерения поселить свою группу в отдельном доме в загородном поселке, вооружить ее автоматическим оружием, откуда осуществлять грабежи видных богатых коммерсантов и предпринимателей.

***

За «Барсуком» и его сообщниками по пятам уже ходили «братки» и «контора».

Информация, полученная прослушиванием телефонных разговоров, указывала на намерения группы встретиться после недельной «лежки». Установленное наружное наблюдение за тремя адресами позволяло одновременно произвести аресты всех фигурантов банды. Их брали утром.

В интересах следствия это должны были быть негласные аресты. Следователь уже прогнозировал поведение основного подозреваемого. «Барсуку» начнет отрицать свою причастность, если будет знать, что два его дружка-подельника находятся на воле. Главное было сыграть на противоречиях в показаниях и ломать психологически каждого по очереди.

Наружное наблюдение установило, что каждое утро объект разработки «Бешеный» покупал пачку сигарет в соседнем магазине. Туда и поместили заблаговременно трех сотрудников.

«Барсук» на выходе огляделся. Все было пусто. Как и вчера, машина Скорой помощи дежурила третьи сутки — у бабушки на нижнем этаже было тяжело с сердцем — проверял! Точно, вызывали скорую! В магазине покупателей вообще нет. Какой-то «замухрышка» у прилавка стоит да два грузчика холодильную камеру перетаскивают. «Барсук» два раза прошелся перед окнами магазина. Вроде все тихо. Ладно! Пошел «курево» брать. Грузчики возились с дверью, пытаясь открыть верхние и нижние запоры. Как только «Барсук» поравнялся с грузчиками, даже не поняв толком, что произошло, уже стоял с закрученными за спину руками. «Замухрышка» ловко одевал наручники. У него оказались цепкие пальцы. Браслеты были так плотно затянуты, что через некоторое время кисти рук посинели, и «Барсук» с трудом их чувствовал.

В машине начал орать:

— Фашисты, «менты» поганые! За что невинного человека взяли? Выйду, всех резать буду!

У конвоя не было намерений церемониться с ним, и коротким, сильнейшим ударом в живот, в диафрагму, длинная, истеричная тирада была прервана на полуслове. Наряд по «форме сто» еще не оформлялся, во избежание лишней ответственности решили наручники немного ослабить.

Барсука определили в камеру, где уже находились два таких же «невинных» обитателя.

Как затравленный зверь, он лихорадочно соображал, как держаться ему перед «следаком», и какая у них есть «предьява». Расклада не было! Если дружков взяли, и те «расколятся», то «чалиться» придется в зоне ему одному, а за два «мокрых» светит лет двадцать — двадцать пять, а то и «вышка»! Но «зюновская» братва не простит беспредела со своими и работу на «ментов». Опустят сразу. Суки. Зажали.

Ненависть сидела во всех глубинах его грешной души. Он считал, что виноваты «менты» — они сломали его жизнь и все остальные, у кого «бабки» есть. Жалости к убитым им людям он не испытывал. «Зелень» должна быть у сильного!

Барсук еще не знал, что Всевышний уже начал сближать его жизнь с карающим мечом закона. Еще немного и их пути сойдутся.

Группа «Альфа» в третий раз за месяц была поднята по тревоге. Из информации, поступившей на дежурного, следовало, что арестованный и находящийся в следственном изоляторе подозреваемый в двух убийствах гражданин Жабаев С.И. по кличке «Барсук», угрожая «зачочкой», захватил в помещении для досмотра в заложники двух женщин-контролеров СИЗО, из которых одна была беременная. Выставил требования предоставить ему самолет, выпустить двух его «подельников» и привезти из банка миллион долларов.

Металлическая дверь с небольшим окошком, закрытым изнутри, отделяла заложников с преступником от коридора. Переговоры велись через закрытую дверь.

Собранный штаб начал анализировать имеющуюся информацию. Представленные материалы дела оперативной разработки «Бешеный» и уголовного дела по факту убийства, убедили прокурора в высокой социальной опасности Жабаева. Решение о его ликвидации было правильным по нескольким причинам. За совершенные деяния он все равно получит «вышку», рисковать жизнью женщин-контролеров и жизнью не родившегося ребенка — слишком большая цена. Его нейтрализация должна иметь отрезвляющее действие и показательное значение для всех остальных осужденных. Все должны знать, что захват заложников — это тяжкое преступление и, государство церемониться не будет!

Теперь стояла главная задача — заставить «Бешеного» выглянуть в окошко.

Решение о ликвидации тут же довели до спецназа, и оказалось, что оно намного облегчало задачу. Штурм помещения с крепкой металлической дверью был возможен только одним способом — путем подрыва накладным зарядом. Но гарантии, что этот взрыв не сделает никакого вреда заложникам, не было. Особенно беспокоило самочувствие беременной женщины — контролера.

Коллективно поразмыслив, пришли к единственно правильному решению о размещении сотрудника над самим

окошком, который бы был вне поля зрения «Барсука». В мастерской отрезали «болгаркой» трубы и расположили их трапедией над окошком. Двумя отрезками уперли конструкцию в противоположную стенку. Чтобы не было постороннего металлического шума, и устройство не бросалось сразу в глаза, трубы обернули тряпками цвета стены. Очень тихо, сняв обувь, капитана Касатонова, (радиопозывной «Стрелочник») подняли и закрепили на подвеске от СУРа прямо над окошком металлической двери.

Начальник изолятора, (он вел переговоры), принес затребованную сумму денег.

— Жабав! Ты слышишь меня? Я принес тебе деньги, как ты и просил. Миллион! Как брат будешь? В банковских мешках или по карманам рассуешь. Так много же – почти два мешка. Посмотри.

Оба мешка поставил почти под самую дверь. Для того, что бы их увидеть, нужно было высунуть почти полностью голову из окошка.

Жадность и ненасытное чувство обладания деньгами (Все время мало! Мало! Мало!), сыграло с «Барсуком» злую шутку.

— Всем выйти из коридора! — истерично заорал он. — Если не выйдете, заколю бабу.

— Да, ты не волнуйся. В коридоре и так никого нет. Я сейчас уйду. Деньги под дверью.

Окошко открылось и оттуда выглянуло измученное лицо женщины-контролера. Она осмотрела помещение, отметила «трубные» изменения в обстановке коридора и его гулкую пустоту.

— Деньги вот здесь лежат, — она показала пальцем на нижнюю часть двери по направлению мешков. — Два мешка. В коридоре никого.

Все еще опасаясь, «Барсук» быстро выглянул в окошко – взгляд вправо-влево и сразу закрыл его. Уже уверенный, что в коридоре никого нет, он выставил голову по шею и с победным торжеством, (мой деньги!) начал рассматривать два мешка, одновременно лихорадочно соображая, что делать, если они туда что-нибудь заложили.

Эта последняя мысль в его жизни была прервана сухим щелчком pistolетного затвора, исправно вытаскившего гильзу использованного боеприпаса. Молибдено – кобальтовая пуля, вытолкнутая штоком из специального патрона, без звука, пламени и дыма пробил толстую кость черепной коробки «Барсука»,

пронизала все тело, выйдя через ягодичную мышцу. С глухим стуком уткнулась в бетонный пол и отколола небольшой осколок.

Тело «Барсука» осело мешком и завалилось на спину. На бетонном полу, возле головы, сразу образовалось черное густое пятно. Стеклянные, неподвижные глаза, устремленные в потолок, сразу заострившиеся, резкие черты лица в свете тусклой лампочки провожали на небеса беспутную душу.

Всевышний, наверное, гордился своей работой. Одним грешником на земле стало меньше. Да-а! Не зря он говорил:

— Да воздастся за дела ваши!

Обитатели всех «хат» СИЗО очень быстро узнали, кого, как и за что «завалили» в коридоре. Перестук по камерам о том, что в изоляторе находится «Барсук», был еще вечером — пришла «малыа» (записка, письмо) от «Хани». Это был единственный случай, когда обитатели изолятора на допросах получали обстоятельный ответ следователя.

— Слышь! Начальник. А за что завалили «беспредельщика»?

В остальном – все было, как обычно.

***

Старший лейтенант Полинцев (радиопозывной «Бусидо» – взял радиопозывной по названию кодекса чести самурая) стоял на страховке спусков. Предварительно, а под воду шел «Квадрат», он проверил заправку 14 литровых баллонов АВМ-7. Остаточный воздух позволял быть под водой на глубине до 7 метров минут пять. Он проверил на открытие поясной и центральный замки. Подогнал плечевые ремни акваланга и сделал продувку легочного автомата.

«Квадрат» стоял уже в маске и неопреновом гидрокостюме, растопырив руки в черных перчатках. Утяжеленный дополнительным грузом для придания массы телу, вместе с размещенным на нем оборудованием и пористой резиной нулевой плавучести, он обе ноги всунул в водолазные боты со свинцовыми подошвами и ждал когда «Бусидо» затянет на них резиновые пражки.

— На сколько воздуха хватит? — спросил он у выпускающего.

— Минут на пять! Железно! Как почувствуешь затруднение дыхания — переходи на резерв. У тебя три минуты на выход. Сигналы те же.

«Квадрат» взял резиновый загубник в зубы и в прыжке спиной ушел на

воду.

«Бусидо» привычно держал один конец страховочной веревки — второй был привязан к поясу аквалангиста.

Тщательность в подходе к проверке оборудования диктовались условиями нахождения в иной — не воздушной среде, где любая оплошность могла привести к плачевным результатам и даже к трагедии. Теория парциального давления весьма однозначно трактовала правила поведения человека под водой. С давлением шутки плохи!

Обычный воздух в своем составе содержит только 28 процентов кислорода, азот – почти семьдесят. И на остальные газы — около 2 процентов. Соотношение сохраняется в обычных условиях при давлении в 1 атмосферу. Но под водой давление воды резко изменяет это соотношение из-за разной степени сжимаемости газов. До четырех атмосфер (30 метров) изменение соотношения газов в воздухе незаметно, однако на большей глубине необходимы другие смеси для дыхания.

Выход из глубины тоже имеет жесткие правила. Если аквалангист будет опережать всплывающие воздушные пузырьки, то растворенный в крови кислород будет вести себя так же как выделяемый газ при вскрытии бутылки шампанского. Необходимы обязательные останки и адаптация организма.

Экстренно всплывающему с глубины 30 метров водолазу срочно нужна барокамера. Или можно навсегда потерять здоровье.

«Бусидо» помаленьку вытравил страховочный фал до отметки семь метров. Он знал, что на дне есть выступающие предметы для обследования и закрепления навыков работы водолаза на глубине. Страховочный фал плавно ушел на полметра. Резкий рывок означал сигнал «срочный подъем».

«Зацепился за предмет! На резкий рывок не похоже!» — подумал лейтенант.

Пока секунд пятнадцать «Бусидо» соображал, что значит этот выбор фала, из воды стремительно как поплавок, почти по грудь высочил «Квадрат».

Выплынул загубник и на глубоком вдохе выкрикнул:

— И-и-и! Какая с... забивала баллоны? Где мои резервных три минуты?

Ненормативная лексика «курсанта» выбросила из своей «кандейки» инструктора ДОСААФа, где сотрудники спецназа проходили учебу на курсах «легководолазников».

Оказалось, «Квадрат» выработал воздух в основных баллонах и, почувствовав затруднение дыхания, спокойно решил перейти на резерв. Сжав две симметричных скобы на ручке открытия резерва, вытянул трос и не почувствовал облегчения дыхания. Не ожидая такого поворота событий, дал сигнал фалом «Экстренный выход» и на выдохе стал ждать подъема.

Когда стало совсем невмоготу, и он уже потерял надежду дождаться подъема фалом, сам схватился за рядом уходящие вверх прутья лестницы. В одно мгновение оказался в другой физической среде с живительным воздухом.

Ситуация вызывала улыбку и наводила на грустные размышления.

Кольцов очень быстро разобрался с причинами невнимательности и несоблюдения технологии «забивки баллонов воздухом» и заставил офицеров еще раз пройти сигналы оповещения.

Все сотрудники готовились работать на базе боевых пловцов подводников ВМФ «Птичий Остров».

***

Капитан второго ранга Серебров считался гордостью спецназа ВМФ.

В черной куртке, с обветренным бронзовым лицом он стоял на «палубе» своей учебной базы — затопленной по самую рубку списанной подводной лодки, в которой были оборудованы несколько помещений — классов для обучения боевых пловцов.

От старого корпуса лодки остались и носовые торпедные аппараты, которые использовались для экстренного выхода на поверхность. С глубины 12 метров, на которой были навечно упокоены устройства для выброса торпед, выход был весьма прост, но психологически преодолеть эту процедуру удавалось не каждому матросу. Дизелей на лодке давно не было. Все механизмы приводились в движение с берегового электропитания.

Командование ТОФ с прохладцей относилось к его службе. В использовании спасателей не так часто была нужда. По сравнению с экипажами всех надводных кораблей флота финансово «любили» Сереброва по остаточному принципу. Оборудование учебной базы — это была его заслуга.

Однажды он предложил заместителю командующего провести показательную порку всех командиров кораблей первого ранга.

Противодиверсионные мероприятия включают постоянный режим проверок корпуса и периодическое проворачива-

ние винтов. Находящийся под днищем диверсант должен быть увлечен стремительным потоком воды и «пошинкован острыми лопастями винта».

Но ведь не соблюдают режим! Мирная жизнь убаюкивает.

Его предложение было поддержано контрадмиралом, и в течение одних суток Серебров заминировал все стоящие на рейде и у стенок корабли.

«Разбор полетов» начался в Доме Офицеров, куда был собран высший командный состав флота. На сцене была вывешена специально доставленная с Черноморского флота картина — «Взрыв крейсера Новороссийск».

— Товарищи офицеры! — начал заместитель командующего.

— Эта картина висит в Италии в штаб-квартире боевых пловцов-подводников. Спустя почти двенадцать лет после окончания войны артиллерийский крейсер «Новороссийск» был взорван в Севастополе, погибло почти полторы тысячи человек. Сегодня из-за вашего разгильдяйства мы могли потерять все корабли потому, что они были легко заминированы.

Командиры кораблей не держали зла на него. Все понимали, что эти меры необходимы.

После такого доказывания необходимости своей службы даже в мирное время, Серебров получил приказ сделать все возможное для обустройства учебной базы. Первые полгода действительно чувствовал поддержку и успел выхватить лодку с утилизации. Потом все пошло по-прежнему, «на тебе, боже, что

нам не гоже». Начальство вспоминало о нем только тогда, когда надо было проводить спасательные работы. Но по приезду очередных клерков из министерства его «утопленную» лодку все время показывали как весомое достижение мысли, а передовой опыт старались передать всему флоту страны.

На теоретических занятиях в группе курсантов, собранных со всех флотов, Серебров čekал слова:

— Запомните! Работа боевого пловца-подводника сродни работе разведчика. Он должен появляться там, где никто не ждет! Если его обнаружили, это провал и конец всей работе и даже жизни! Достаточно взорвать приличный заряд в радиусе пары сотен метров от водолаза, и он будет не способен выполнить свою задачу. Вы все видели оглушенную рыбу? Вот так же и вы будете всплывать, если вас обнаружат!

***

Все обучение на «Птичьей Острове» заканчивалось итоговым занятием. Курсанты за сутки получили маршрутный лист, расчет «проходки» по азимуту на «Протоне» (средство доставки) с двумя контрольными точками. «Квадрат» с «Бусидо» получили одно основное задание — заминировать корабль, стоящий на рейде, и должны были в паре его выполнять.

Вечером долго переговаривались, лежа на диванчиках в гостинице.

«Квадрат», как старший по званию, озвучил свои раздумья:

— Слава! Ты понимаешь, что нам

по указанному маршруту нельзя идти! Если этот маршрут знает кроме нас еще кто-то, то его могут «оседлать» и ждать там заранее. На контрольных точках и, самое главное, на рейде, в момент нашего подхода, я бы посадил четверку бравого ребяты. И все! Наше задание «пшик».

— Согласен с тобой. Это же армия. На контрольных точках нас будут ждать, дабы убедиться, что все в порядке. Что мы с тобой живы и здоровы! Ты представляешь, какую они будут «икру метать», если мы сделаем хоть шаг в сторону? Нам потом такую бумагу напишут!

— Да пусть пишут. Наша задача заминировать эту посудину. Мы ее выполним! Предлагаю маршрут пройти «наоборот». Смотри! На «Протоне» на «быстрых ногах» сначала «магнитим днище» (постановка мины на магнитных держателях), а потом идем на контрольные точки. Сначала выполняем задачу, а потом им доказываем, что мы живы и здоровы. А то, что напишут... Да и хрен с ним! У себя-то мы «отожмемся». Давай прикинем маршрут «наоборот». Покричат немного и успокоятся. Смотри: прохождение второй контрольной точки по времени такое же, как если бы мы шли «прямой дорогой».

«Квадрат» и «Бусидо» стояли уже в гидрокостюмах мокрого типа и делали продувку легочных автоматов. Пористая резина плотно облегла по окружности переднюю часть лица. Стекло маски уже смазано специальным жировым составом от запотевания, резиновые ласты подогнаны. У каждого на поясе прозрачная планшетка с маршрутом движения и там же по одной магнитной мине. На запястьях обеих рук компас с часами, и глубиномер со светящимися циферблатами.

Удерживая зубами «загубник» и толкая впереди себя индивидуальный дыхательный аппарат (ИДА) (для того, что бы не демаскировать пловца всплывающими пузырями воздуха от выдоха, используются аппараты с замкнутым циклом, где специальный регенерационный патрон отделяет углекислый газ и возвращает кислород для дыхания), «Квадрат» протиснулся в трубу. Перебирая локтями продвинулся на размер своего роста. Почувствовал, как закрылась задняя створка торпедного аппарата, и вода постепенно стала заполнять все пространство. По возросшему давлению на уши он определил, что соединение водной среды на глубине 12 метров закончено, и передняя створка сейчас откроется. Тусклый про-

блеск света показал на освободившийся путь в морское пространство. Медленно работая ластами и помогая себе локтями, вышел из тела торпедного аппарата. Сделал «продувку» ушных раковин, зажав нос через маску и создав напряжение в носоглоточных пазухах. Надел на спину ИДА и закрепил его поясным и центральным замком. Поднятым со дна небольшим камешком два раза ударил по обшивке лодки, тем самым, известив руководителя об отсутствии каких либо происшествий при осуществлении сложной операции перемещения из одной среды в другую. Стал ждать выхода «Бусидо».

На глубине 12 метров было сумеречное освещение. Громада подводной лодки угадывалась темным контуром. Водоросли едва волновались от покачиваний воды. Металлический корпус лодки густо оброс мидиями. Уже давно никто не очищал от них поверхность, и корпус представлял собой какую-то шероховатую кожу подводного чудовища. Только выход из торпедного аппарата чистым эллипсом сопряжения, словно глазом, задумчиво смотрел в толщу мрака.

«Квадрат» замер, ожидая выхода «Бусидо». Тело медленно опустилось

на дно. Свобода перемещения в трехмерном пространстве давала восхитительные эмоции. Если бы не давление и ощутимое сопротивление среды, состояние можно было бы сравнить с полетом и невесомостью.

— А космонавты первое знакомство с невесомостью как раз в воде и делают, — подумал он, — они мины на себе не таскают. У каждого своя работа!

Майор прислушался к шорохам моря. Издалека доносились искаженные звуки работающего вспомогательного дизеля. А вот громкие и размеренные звуки — работа основной машины. Звук ударов камней друг о друга, шум разбивающейся о стенку волны, далекие и гулкие удары молота о металл, потрескивания и посвистывания. Безмолвие подводного мира было только в сказках. На самом деле водный океан полон жизни и симфонии звуков.

Из выхода — эллипса торпедного аппарата, сразу после небольшого выброса светлого переливающегося воздушного пузыря, показались скругленные края акваланга. За ним медленно выплыло темное тело «Бусидо». «Квадрат» помог ему закрепить ИДА за спиной. Глядя в маски, почти одновременно показали друг другу сформированную двумя пальцем букву «О».

«Все хорошо», — и, работая ластами, проплыли вдоль борта лодки к стоянке их подводной техники — средств доставки.

На специальной площадке уже были приготовлены и лежали свинными тушками механизмы быстрого передвижения под водой, именуемые среди подводной братии «Протонами». В сигарообразном корпусе располагались аккумуляторы, приборная доска с подсветками шкалы показателей и небольшой винт. Это чудо техники могло доставить держащегося за него пловца со скоростью 3 узла на приличное расстояние. Все зависело от заряда аккумуляторов. Майор разворотом «Протона» установил показания стрелки компаса по направлению на основную цель — стоящий на рейде корабль.

Держась рядом на расстоянии вытянутой руки, по пологой восходящей линии вышли на глубину шесть метров. Посветлело заметно. Тугие струи воды от работающего винта мягкими толчками уходили в колени. Майор изредка ластами подправлял направление по компасу. Через некоторое время звук вспомогательного дизеля стал четче. Чтобы не быть замеченным с борта корабля, они сразу ушли на глубину десять метров. Корпус судна перед ними возник

внезапно. По деформации металла между шпангоутами майор сразу определил, что это крейсер старой постройки. За свой долгий век его изрядно трепала и била морская волна. А вот и вырезанный кусок обшивки... и наложенная заплатка, в отдельных местах обросшая ракушкой. Ремонтировался в доке.

Отцепил от пояса одну мину (чтобы не нарушать баланс нулевой плавучести, муляж магнитной мины был подобран по плотности воды). Осторожно придерживая за край и стараясь не издавать звук, прилепил ее к металлу. Опустившись метров на четырнадцать, под килевой балкой прошли на противоположную сторону корпуса, где и поставили вторую мину.

Если бы это был настоящее минирование, флот бы лишился боевой единицы. Всего два пловца-подводника против такой махины и вооружения!

«Квадрат» скрестил руки, показывая, что это конец первой части операции, и указал направление на вторую контрольную точку.

Они еще не знали, что эта точка для них будет и первой, и последней.

***

Капитан второго ранга Серебров, не получив доклада о прохождении двух пловцов по первой контрольной точке, сразу объявил тревогу.

Две группы спасателей уже сидели в готовности обследовать дно бухты от торпедных аппаратов подводной лодки до первой контрольной точки.

— Понабрали дилетантов, мать их..., — крыл ненормативной лексикой пропавших пловцов главный специалист.

— Да вроде и не мальчишки. Люди в возрасте. Грамотные и, судя по обращению с аквалангами, никто не очищал опыт есть работы под водой.

Наверное, учитывая эти обстоятельства, он не стал докладывать заместителю командующего о пропаже и решил подождать до времени отметки на второй контрольной точке. Оставалось каких-то пяток минут!

Служба сидела в напряженном ожидании. Все хорошо понимали мрачные последствия и вполне прогнозируемые выводы, если два пловца — подводника не будут найдены живыми.

Ровно в обозначенное время второй контрольной отметки раздался звонок телефона. Серебров схватил толстую трубку из специального зажима, сначала приподнял ее вверх и вытащив из гнезда.

— Товарищ капитан второго ранга! Докладывает старший мичман Кайданов! Отметка на второй контрольной точке номером первым и вторым.

На душе у Сереброва отлегло. Внутреннее напряжение стрельнуло разрядной молнией между двумя шарами и выплеснулось в крике,

— С маршрута снять! Немедленно! Быстро доставить ко мне «героев» для задачи «аплодисментов».

Далее шли словечки, упоминавшие многие предметы обихода, все сферы обитания и имевшие глубокий философский смысл. Божественный — где упомянутые апостолы уже стояли в стройном флотском строю. Материнский — где освещение детородности тоже было отражено на хорошем уровне. Душевный — что свидетельствовало о настоящих внутренних переживаниях. Из всего набора философских выражений наиболее подходящими для слуха оказались только последние слова главного подводника:

— Козлы и салаги!

«Квадрат» и «Бусидо» смиренно стояли, опустив головы перед Серебровым, Молча выслушали все, что о них думал Тихоокеанский флот в выражениях капитана второго ранга. Немного успокоившись, он перешел на нормальный разговор. ЧП небольшое. Командующему не доложил правильно. Огласки не было. А так — чего зря словами волну гнать?

— Ну, рассказывайте. Орлы!

— А что рассказывать? Задание по уничтожению артиллерийского крейсера выполнено.

— Как выполнено? — лицо старого морского волка просветлело. — Так Вы шли обратным маршрутом? Хвалю! Если бы было настоящее задание, сам пошел бы таким путем. Но «пилюлю» я вам все-таки вставлю.

Отходчив и справедлив был главный специалист Тихоокеанского флота.

Он дал превосходный отзыв о подготовке двух пловцов-подводников, а майор Старков и старший лейтенант Польшцев по возвращении в группу получили благодарность.

Серебров же на своих последующих курсах ставил в пример оригинальное решение по выполнению учебного задания двумя курсантами.

(Продолжение следует)

Возвращение с боевой операции

Владислав Иσμαгилов

http://artofwar.ru/i/ismagilow_w_g/

Плач матери

Закатилось солнышко красное
И сокрылось за черным за облаком,
Поседела я вся в ожидании
От тебя хоть какой-нибудь весточки.

Ой, не зря нынче каркали вороны,
Ой, не зря выл кобель до полуночи.
Из дружины твоей добрый молодец
Мне привез злую весть рано утречком.

На чужой стороне на чужбинушке
Ты сложил свою буйну головушку,
Пал, сраженный неведомым врагом,
Окропил камни красною кровушкой.

Как же мне тебя больше не слыживать?
Как же мне тебя больше не видывать?
Не трепать твои волосы русые,
Не встречать тебя возле калитушки.

Мне обнять бы сейчас твои косточки,
Светик ясный, моя ты кровиночка.
Я б от холода от подземельного
На груди бы согрела их, сыночка.

Да омыла б слезами горячими,
Да обтерла подолом бы каждую.

Ты совсем ведь один там, в могилушке.
На кого же покинул ты матушку?

Отнесла бы я их в нашу церковку,
Попросила бы батюшку Сергия,
Чтоб отпел их по чину церковному
Да предал бы земле по обычаю.

Но остались родные косточки
Во стране той погибельной спрятаны.
Не под деревом нашим березою,
А под камнем большим упокоились.

Смерть тебя забрала, проклятушая.
Будь же проклята ты, ненасытная,
Что косою своею наточенной
Покосила Святой Руси воинов.

За царя ли, за нашего батюшку,
Иль за веру взяла, православную?
Не за землю за нашу за Русскую -
За чужую страну басурманскую.

Пресвятая Ты Мать, Богородица,
Утоли Ты печаль материнскую,
Помолись Своему Сыну, Господу
За погибших во ратном во подвиге.

Военным медикам (300-й)

Пить. Так хочется пить,
Но даже и думать об этом мне надо забыть –
Так сказала сестричка.
Жить. Как же хочется жить!
Я душою кричу, ну а телом молчу.
Эх, глоток бы водички.
Боль. Растекается боль.
Онемело в брюшной, и остаток руки перетянут жгутом выше лок-
тя.

Соль. На губах только соль.
Знаю то, что тяжел. Отошел промедол.
Я, наверно, в аду и свои вижу кости.

Здесь, в медсанбате лежу,
На Варлама гляжу, говорят он со смертью на ты. Он от Бога хи-
рург.

Жду. Избавления жду.
А в глазах то круги, то бесцветье, то этот проклятый с сюрпризом
«Симург».

Вновь ухожу в забытье,
Сверху вижу я тело свое, и Варламыч с сестрою колдует над ним.
Эх, он сегодня запьет,
Даже если заштопает дыры и мне доведется остаться живым.

Вниз. Сверху падаю вниз,
Будто я за карниз сделал шаг. Темнота.
Или так, или эдак.

Взлет. Борт над базой повис.
Меня ветер обдул, значит, жив и в Кабул.
Ну, Варламыч, с победой.
Там, под спиною, Афган.
Этот борт не «тюльпан», по пути завернули пилоты к нам. Жив. Ну,
спасибо, Варлам.

Ты меня сторговал и опять ты до рвоты от этой работы.

Вам, дорогие сестрички, медбратья, врачи, фельдшера, санин-
структоры,

Вам, вся родная медслужба, кто нас, как конструкторы день за днем
собирал по частям;

Вам, кто среди стона и крика, кровавых бинтов выполняет свой
долг,

Дай вам Бог! Дай вам Бог! Дай вам Бог!

Дай вам Бог за тяжелую вашу работу,
Дай вам Бог за спасенные жизни и вашу заботу;
Дай вам Бог за в бессоннице страшные ночи;
Дай вам Бог! А Он даст обязательно, точно.

Вам, дорогие сестрички, медбратья, врачи, фельдшера, санин-
структоры,

Вам, вся родная медслужба, кто нас, как конструкторы...

Вам от сестер, матерей, дочерей, сыновей,

Жен, братьев и друзей, и, конечно же, нас вам поклон.

Тот, кто может, так прям до земли, нашей Русской земли. Все, что
может солдату солдат, не смотря на погон. Дай вам Бог! Дай вам Бог!
Дай вам Бог!

Мечты

Если наступит завтра,
Я в баньку, пожалуй, схожу.
Если наступит завтра,
Домой я письмо напишу
Да в гости зайду к разведке –
Спиртягой разжились братишки.
На закусь сухпай и конфетки
Любимые мамины «мишки».

А может, коль завтра настанет,
Я выплюсь за несколько суток.
Комар сигареты достанет
И парочку новеньких курток...
Ну, вот и команда всей группе.
Мечты разлетелись как дым.
Нет, ежели завтра наступит,
Я лучше останусь живым.

‘11’ (Под Атагами)

Под Атагами. Под Атагами
Мы месим глину под сапогами
Нам генералы почти как боги.
Все ничего бы, да плохо ноги –

Не заживают, гноятся раны,
Ведь сыро нынче – дожди, туманы
Вскрывают тропы, снега съедая.
Весна приходит. Она такая.

И ей неважно, что трудно будет,
Что снова горы стрельба разбудит,
Что обнажает врагу дороги.
Кому – то время, кому – итоги.

У нас предгорье, темнеет рано
Да воздух, правда, от гари странный.
Пусть ногам плохо, да мы не ропщем,
А так нормально, терпимо вообще.

Под Атагами. Под Атагами
Не бросят наши, придут за нами.
И все нормально, сгодится в целом
И шут с ногами, лишь были б целы.

Войсковой священник

В отряде радость – есть у нас священник
войсковой,
И в черной рясе каждый раз ходил он с нами
в бой.
«Разгрузка» сверху, и всего, ну точно Пере-
свет.

Поэтическая тетрадь

Просить устали мы его одеть бронезилет.

В своей «разгрузке» он носил походный целый храм,
Штук пять аптекчек разместил, и Требник рядом там.
Во флягу влил святой воды, а в пузырек елей.
Так и служил наш войсковой, отрядный иерей.

Он с боя раненых ташил, собою прикрывал.
Не помнить зла он нас учил, и всех благословлял.
Новопреставленных ребят по чину отпевал.
Он поминал, крестить был рад и даже раз венчал.

Напоминал он нам о том, чтоб размышляли, как живем,
Что две присяги мы даем, за них ответ несем:
Одну пред Богом, отрекаясь сатанинских дел,
Другую — Родине служить, такой у нас удел.

И вот в один из тех боев в окрестностях Шали
Он пулю снайпера поймал повыше чуть брови.
Прости, отец, за то, что мы тебя не сберегли.
Спасти хотели, донести, спешили, как могли.

Но снайпер-демон, дело знал, гаденыш, хорошо.
Он точно знал, в кого стрелял и выстрел рассчитал.
Наш капеллан был не жилец, пред тем, как отойти.
Христос Воскресе! — нам сказал, и больше не дышал.

Прощался с ним отряд наш весь, его лобзая крест.
Пред строем он в гробу лежал под отданную честь.
В Седмицу Светлую почил наш брат и наш отец,
И как в признание ему – Воистину Воскресе!

Михаил Кошкош

http://artofwar.ru/k/koshkosh_m_w/

Баллада об Афганской жене

1
Она мечтала о любви
Красивой, чистой и высокой,
Но первый только пригубил
Бокал души ее глубокий.
И был восторженным второй –
Он становился на колени.
И по ночам храпел шестой,
Напоминая о терпении.
Потом был вдруг военкомат.
Слова единственной подруги –
И согласилась наугад
Работать где-то там на Юге.
И были горные хребты,
И лед, по-утреннему звонкий,
И чьи-то грязные бинты
У края солнечной бетонки,

И красный новенький Камаз,
Попутка к месту назначения
И обстоятельный рассказ
В письме о всех ее волнениях.

2
Вначале охватила грусть.
Тоска по родичам, знакомым.
За Гиндукушем весь Союз
Казался ей огромным домом.
И краем света был Баграм –
Три сотни книжек и отчеты.
И пустота по вечерам,
Когда ни писем, ни работы.
Когда нет рядом никого
И пахнет дустом одеяло...
Однажды встретила Его -
Того, которого искала.

3
Он был особенно красив,
Тот лейтенант из разведбата:
По-деревенски молчалив,
По-деревенски грубоватый.
О том, что где-то есть жена
И даже два его пострела
Почти не помнила она.
И как могла. И как умела.
Когда Он спал «без задних ног»,
Она склонялась к изголовью,
И ревновал его Восток
Своей особенной любовью.
У той любви такая власть,
Что ей перечить – мало проку:
Он не вернулся с группой в часть
К давно назначенному сроку,
И ей твердил семь дней комбат
Слова: тяжелое задание.
А на восьмой сказал: «... в санбат
ты поезжай
на опознание».

4
Давно закончилась война.
Я вдруг о ней услышал снова:
О том, что замужем она,
Есть дом, хозяйство и корова.
И на порог меня впустил
Ее хозяин седоватый.
По-деревенски молчалив.
По-деревенски грубоватый.

Если вернусь

Если вернусь ...
 Часто не верю, что можно вернуться.
 Если вернусь ...
 Мне бы от радости не задохнуться.
 Если вернусь,
 То помолюсь обязательно Богу,
 Если вернусь
 С этой чужбины к родному порогу.

С легким
 Сердцем
 Распахну я настежь двери
 Дома,
 Чтобы в возвращение поверить...
 С небом
 Синим
 Обопрюсь о подоконник.
 Спрячу слезы
 В огрубевшие ладони

Если вернусь.

Вадим Гусев

http://artofwar.ru/g/gusew_w_w/

Выросла ромашка-цвет на краю траншеи

Выросла ромашка-цвет на краю траншеи,
 К солнцу потянулась, к синим небесам.
 Лучики над облаком ярко заалели.
 Посмотреть на это всё я б поднялся сам.

Я б поднялся, сбросив с ног сапоги истлевшие,
 И шагнул бы радостно прямо в дождь грибной.
 Где же вы - все павшие, заживо сгоревшие,
 Сгинувшие без вести сразу вслед за мной.

Вслед за мною встали вы, рать единокровная,
 Кто перекрестившись, кто и с матерком.
 Так и полегли мы все в это поле ровное,
 Где трава колышется свежим ветерком.

Выросла ромашка-цвет, золото душистое,
 Ты не рви её в венки, дочка, подожди.
 Видишь, лепестки её смотрят в небо чистое –
 То медаль наградная на моей груди.

Он ушел

Он ушел, не вовремя... и быстро.
 Взрыв, огонь, прощальный взмах рукой.
 Только чтоб не «двести», лишь бы – «триста»,
 Там уж откачают за рекой.

Нет... ушел, прощанье было кратким,
 Не дала судьба нам перерыв.
 В книге жизни вынута закладка
 На странице, где раздался взрыв.

Ветер разметал обрывки дыма
 Обнажив от неба синий скол.
 Та, что им была до слез любимая,
 Тоже поняла, что он ушел.

Вместе с ней мы отскорбим, отплачем,
 Молча выпьем, вставши, третий тост.
 Получилось так, а не иначе,
 И окоп давно травой зарос.

В час, когда и мы с зажженной свечкой,
 Вступим на Харона мрачный плот,
 Ты, за той другой, печальной речкой
 Встретишь нас с улыбкой у ворот.

Игорь Посевнин

http://artofwar.ru/p/posewnin_i_w/

173

Посвящается солдатам и офицерам
 173 отдельного отряда спецназа ГРУ,
 погибшим, при выполнении своего долга.

Кровь — она красная, мама .
 Боль рвёт меня, словно зверь.
 Рваная, рваная рана –
 Смерти открытая дверь...

Кровь – она тёплая, мама .
 В небо тоскливо глаза .
 По подбородку устало
 Катится капля – слеза.

Кровь – она горькая, мама .
 Хочется, хочется жить.
 Стиснуты зубы упрямо :
 «Я не хочу уходить!»

Голос сквозь боль, как сквозь вату:
 «Поздно, уже не спасти ...»
 Кровь – она алая, мама!
 Мама ... Я умер ... Прости ...

Кандагар , 1986 год .

**АФГАНСКАЯ
ВОЙНА 1979
1992**

Сергей Погодаев

http://artofwar.ru/p/pogodaew_s_g/

ТАЙГА

В канун Нового года в нашем городе установилась не по-дальневосточному теплая погода. Дни стоят пасмурные, а по вечерам, когда стихает легкий ветерок, ажурные снежинки, медленно вальсируя в воздухе, тихо опускаются на давно остывшую землю, сверкая своими гранями при свете уличных фонарей. Изящные иномарки бесшумно двигаются по улицам города, отражая в своих стеклах свет бегущих реклам и украшенные к новогодним праздникам многочисленные витрины магазинов. По пешеходным дорожкам степенно фланируют влюбленные пары. Шум веселья слышится из открытых форточек многоэтажных домов, и легкая музыка доносятся от мест массовых гуляний.

Пользуясь подарком зимы, на своем авто вывожу семью на ледовый городок, расположенный перед центральным Дворцом Культуры. Дети взяли с собой Джима — спаниеля, который живет в нашем доме больше десяти лет.

Высокая елка, поставленная в центре площади перед дворцом, переливается разноцветными веселыми огоньками. Дети с визгом катаются на ледовых горках. Старшая дочь Настенька тут же встречает шумную компанию своих школьных друзей, и они с хохотом и ги-

каньем исчезают в праздничной толпе.

По не по зимне-теплому воздуху плывет новомодная песенка «Как упоительны в России вечера». Наша маленькая трехлетняя доченька хохочет упругим струям воздуха, сидя на моих ногах. Мы летим на куске орголита с самой высокой горки. Спаниель захлебывается лаем, оставшись наверху. Вставая на ноги, мы видим, как Джим, хлопая крыльями-ушами, сбегает по ступенькам вниз и несется навстречу нам, идущим совершать очередной полет с горы.

Машенька возбужденно, на одном дыхании, кричит:

— Зим, фу! Зим низя! Зим коме!

Баба-Яга, простужено похохатывая, высовывается из ступы и поздравляет всех с Новым годом.

Машенька тянет меня к Кошею Бесмертному. Ей очень нравится, когда Кошей, сверкая зелеными лампочками своих глаз, поднимает над головой огромный меч и произносит:

— Ну, вы, блин, даете!

Ребенок смеется, смотрит на родителей. Да, доченька, да, я разделяю твою радость. Мы с тобой одно целое в этом мире.

Снега навалило по пояс. Северным сиянием он переливается всеми цветами

радуги. Его много, и он пушист.

Нам всем очень хочется, чтобы наши дети помнили нас большими и сильными, добрыми и всемогущими. Подобные впечатления складываются из таких вот теплых жизненных моментов.

Яркие новогодние фейерверки, ласковый снег, тающий на улыбающихся лицах наших детей, искрящиеся глаза любимых женщин. Все это обязывает всех нас созидать, сеять ту доброту, которую мы хотим видеть в этом мире... Дай нам Бог.

Джим с веселым лаем нарезает круги вокруг восторга нашей семьи.

Тогда, осенью 1990 года, я был против его появления в нашем доме.

— Лучше не будет, а хуже не надо, — говорил я, напоминая жене о нашей овчарке по кличке Тайга, но, как бы то ни было, в нашем доме появился маленький спаниель по имени Джим.

Пока Машенька, схватив мать за руку, утащила ее кататься на качелях, у меня появилась возможность выкурить сигарету...

***

После окончания танкового училища я был направлен для дальнейшего прохождения службы в Ордена Ленина Забайкальский военный округ. Через

год мотания по полигонам и караулам на станции Шерловая, что в Борзинском районе Читинской области, меня перевели в Приаргунский укрепленный район – на первую линию границы.

Жили мы в уютном, чистеньком военном городке, стоящем среди голой степи, в 12 км от села Богдановка. Городок наш состоял из трех одноэтажных двухподъездных панельных домов, где жили семьи офицеров и прапорщиков; казармы, клуба, штаба, столовой, и спортзала. Своя кочегарка, своя котельная – в общем, полная автономия. Два раза в месяц я уходил на неделю со своими подчиненными на «Боевое Дежурство по охране и обороне Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик».

Тогда-то жена и попросила меня взять в дом овчарку. Дескать, ты неделями не бываешь дома, а нам с дочерью и поговорить не с кем. Тем более у тебя есть знакомые на погранзаставе, так неужели же они не смогут «отбраковать» хорошего щенка. У них, у женщин, все как-то очень просто.

Не мог я тогда предположить, что слова жены окажутся пророческими, и у нас в доме появится именно «отбракованный» лучший щенок от лучшей суки Забайкальского пограничного округа. И я благодарен судьбе, что случилось так.

Недалеко от нашего батальона, километрах в семи, посреди бескрайней забайкальской степи располагалось подразделение ПВОшников - «рота локаций», как их называли в округе. Приехал я как-то к ним на комбатовском УАЗике по каким-то делам и увидел там маленького овчаренка, который бегал по территории. Решив вопросы, ради которых приехал, спросил про собаку:

— Мужики, отдайте мне ее за килограмм водки.

— Да ты в своем ли уме? Меня же солдаты разорвут. Это же любимец всей заставы, — всполошился командир роты.

— Все равно украду, а так литр поставлю. Отдайте.

— Нет, не получится. Пойми правильно.

Мы пожали друг другу руки и разошлись. Я пошел к машине понимать все правильно. По пути подхватил очень кстати подвернувшегося щенка, сел с ним в УАЗик и был таков. На другой день, захав в роту локаций, я зашел в канцелярию, поставил на стол две бутылки «Русской» водки перед онемевшим от такой наглости ротным и, четко, по-уставному развернувшись, вышел.

Меня никто не остановил.

Нашей дочери в ту пору шел третий годик. Вот и стали два детеныша воспитываться вместе. Тайга, так мы называли нашу собаку, оказалась на редкость умной.

Всего один раз за все время она пописала в доме, и то, когда жена не поняла, почему псина скулит. Позднее от начальника погранзаставы я узнал о происхождении этого щенка. Ротой локаций командовал офицер, родственник которого был начальником питомника в Приаргунском погранотряде. По его команде первенца лучшей суки «отбраковали». Как-то раз, оказавшись в погранотряде, довелось мне познакомиться с матерью нашей Тайги в питомнике. При моем приближении она с таким ревом кидалась на сетку вольера, что подойти ближе пяти метров я не решился. Звали эту волчиху Вербой, и титул она имела подходящий – Чемпионка Забайкальского пограничного округа.

Весной 1985 года над нашей территорией вдоль строящейся второй линии обороны пролетел АН-2 с китайскими опознавательными знаками. Пройдя над нашим батальоном, над казармой Боевого дежурства, над ротой локаций, он помахал крыльями над погранзаставой и ушел на сопредельную территорию. После этого у ПВОшников произошли большие перемены. Командир роты уехал к другому месту службы, а щенок остался на территории части.

Теперь, когда дочурка находилась под присмотром овчарки, моя жена могла себе позволить, не отвлекаясь, беседовать с соседками, решать какие-то, нам, мужикам, неведомые женские проблемы. Тайга не отходила от Настены ни на шаг. Собака определила границы, где ребенку дозволялось гулять, и дальше его не пускала. Она молча вставала поперек дороги, и обойти ее маленькому человеку не представлялось возможным. Так один раз на моих глазах Тайга не пустила дочь к открытому колодцу, несмотря на то, что он находился на дозволенной для прогулок территории.

Место в квартире Тайге было определено у входной двери напротив кухни. Детский стульчик нашей дочери стоял так, что ребенок сидел к собаке спиной, дабы не отвлекаться во время приема пищи. Я сидел напротив. Жена хлопотала у плиты. Мы обедали. Вот Настена берет левой ручкой косточку от куриной лапки, и опускает руку вниз, искоса, с лукавинкой в глазах глядя на меня. Молчу. Тайга, понимая, что большего ребенок позволить себе не может, ползком

подбирается к опущенной ручонке девочки, нежно берет косточку и так же ползком, стараясь не издать ни звука, пятясь задом, возвращается на место. Чаше подобное пресекалось, но было очень трогательно наблюдать за их дружбой.

Как-то раз мы собрались идти в гости. На улице шел дождь, я только что прогулял собаку, вытер ей лапы и отправил на место. Она всегда так аккуратно ложилась на свою подстилку, что вздрагивал весь дом. «Слон», — с умилением говорила жена. Настенька в ярком лимонного цвета роскошном платье с рюшечками, огромными бантами, в люминесцирующих желтых колготочках и того же цвета сандаликах стояла перед зеркалом и любовалась своим отражением. Мы уже собрались выходить, когда я увидел нашего «цыпленка», лежащего в обнимку с Тайгой на собачьей подстилке. Ребенок лежал, плотно прижавшись к далеко не стерильному брюху собаки, крепко обняв ее за шею. Светлая головка дочери покоилась на щеке четвероногой подруги, а правая ножка была закинута сверху. Тайга, в свою очередь, передними лапами обнимала нашу дочь. Полная идиллия. Войдя в комнату, я подготовил жену, чтобы она не ахнула от увиденного, и мы вышли к детям. Моя умница-жена, взяв себя в руки, подошла к ним и спросила:

— Доченька, зачем же ты здесь легла? Нам идти в гости, а ты испачкала свое красивое платье.

— Мамочка, ну как же ты не понимаешь? Ей же холодно, вот я ее и грею, — совершенно невозмутимо ответил человеческий детеныш.

На охрану границы Тайга уходила вместе со мной. Там, в степи, она познавала и другой мир – мир дикой природы. В то время я каждый день с бойцами бегал по два-три километра. Собаке такие тренировочные прогулки были просто необходимы. Сейчас мне грустно видеть, как вырождается порода восточно-европейских овчарок, и ожиревшие от безделья собаки становятся предметами домашнего интерьера. Мы пробегали три километра, собака много больше. Она гоняла куропаток, зайцев, корсаков и прочую живность, населяющую бескрайнюю забайкальскую степь.

В зоне нашей ответственности, как раз перед наблюдательным пунктом, жила лиса-чернобурка. Солдаты часто видели ее, и мы знали, где входы в ее нору, ее повадки, ритм ее жизни. Захотелось мне сделать жене подарок ко дню рождения – лисий воротник. Казалось бы, чего проще – степь кругом, я про

лису знаю все и, в конце концов, я – человек! К тому же у меня великолепная овчарка!

Но как же эта лисица при всем при этом над нами издевалась. Умница! Мы с овчаркой часа три гоняли ее на квадратном километре, но «воротник» нам так и не достался. После этого случая лису мы больше не беспокоили.

Казарма Боевого дежурства была расположена внутри высоты, господствующей над местностью. Под землей находились танковые боксы, спальное расположение, столовая, баня, кочегарка, дизельная - все, что необходимо для длительного несения службы. Подземными проходами можно было пройти на наблюдательные пункты.

Стал я замечать, что в нашем рационе стало появляться мясо, которое мы на складе не получали. Повар объяснял это тем, что, якобы, бараны частенько попадают в проволоку ограждения, запутываются в МЗП – путанке – и там замерзают. Так как отдыхать я должен был утром, а в светлое время суток передвижение наверху было строго ограничено, то не мог этого видеть - приходилось верить на слово.

В зоне видимости располагалось до 20 кошар, и каждый день баранов гоняли пастись. Однажды, проверяя несение службы на постах, я обнаружил источник мяса на нашей кухне.

Оглядывая местность, увидел свою овчарку. Собака не человек и ее передвижение по степи не ограничивалось инструкциями, а посему днем Тайга, как правило, резвилась на воле. По этой причине особого внимания бегающая по степи собака не привлекала.

Но вот наблюдаю такую картину. По степи, сопровождаемое всадником и сворой собак, плетется стадо баранов. Тайга ложится в яму на пути огромного стада и ждет. Бараны запахи не позволяют собакам кошарщика учуять овчарку, к тому же Тайга довольно грамотно выбирает свою позицию. После того как стадо проходит это место, собака поднимается из ямы, за ней молча выходит баран. Тайга берет безропотного барана за холку, забрасывает его себе на спину и бежит к нам. При этом она успевает следить за кошарщиком, который следует за стадом верхом на лошади. Чувствуя, что всадник должен обернуться, Тайга ложится, пережидает некоторое время, потом все в том же порядке.

После того, как я это увидел, ни один повар потом не мог мне сказать, что баран запутался в МЗП и к утру замерз. Впрочем, бывало и такое.

За все время несения службы Боевого дежурства Тайга задержала пять нарушителей пограничного режима. Так что мы там не только баранину кушали.

Свою смелость и преданность хозяйину Тайга первый раз выказала в нашем родном городе, когда мы приехали в отпуск перед моей командировкой в Афганистан. Был месяц март. Мороз был небольшой, но, как всегда в это время года, в наших местах слегка вьюжило. В городе при такой погоде можно с удовольствием прогуливаться по улицам. Высотные дома местами надежно защищают вас от ветра. Главное – правильно выбрать маршрут. Бродишь по скверам и паркам, изредка пересекая широкие улицы, где приходится почувствовать упругую силу ветра, слушаешь его завывание, и все твое существо наполняется

силой и мощью. Такое чувство испытывает любой человек, в ком есть чувство Родины. Особенно остро это ощущается, когда долгое время пребываешь в отрыве от родных мест.

Мы медленно идем с женой под руку по очищенным дорожкам парка, давая возможность дочери поиграть с Тайгой среди сугробов. В парке светло от искрящегося снега и электрического света, проникающего сюда сквозь белые стволы берез. Иногда, искрясь в свете уличных фонарей, сверху слетает шлейф колючего снега, сбитый порывом ветра. Угрюмый вой ветра в проводах уличного освещения и антеннах домов дополняют веселый лай Тайги и смех нашей дочери. Никого больше.

Так, наслаждаясь мартовской погодой и чудесной прогулкой, мы доходим

до родительского дома. Заснеженные газоны позволяют ребенку и собаке продолжить игру на проспекте. Настроение у всех прекрасное.

Из арки высотного дома появляется одинокая фигура. Следом вылетает огромный кобель восточно-европейской овчарки и кидается к резвящимся в сугробах детям. Тайга, принимая поведение кобеля за игру, корпусом заслоняет ребенка и клацает зубами в сторону незнакомой собаки. Дескать, не мешай, мы заняты, не до тебя. Хозяин кобеля пытается подозвать свою собаку, но тот уже не шутейно накинулся на суку. Не ожидавшая такого оборота Тайга, еще пытающаяся заслонить собой ребенка, не успела встать грудью к сопернику, и обе собаки кубарем летят к Настене. Ребенок, сбитый с ног дерущимися псами, заплакал. Я буквально выхватил ее из-под вновь приближающегося клубка сцепившихся собак.

Когда Настенька уже стояла около растерявшейся жены, я кинулся разнимать псов. Хозяин кобеля, сам, видимо, не ожидавший такого оборота дел, беспомощно стоял и наблюдал, как уже пришедшая в себя Тайга буквально рвала обнаглевшего пришельца. Кобель, уверовавший было в свою безнаказанность, совсем не ожидал получить такой мощный отпор, и теперь высокий жалобный визг вырывался вместе с кровью из его пасти. Наша собака сцепила свои клыки на его шею и, судя по грозному рычанию, которого я никак не ожидал услышать от своего восьмимесячного щенка, совсем не собиралась прощать его вторжение в наш мир. Лишь только после того, как я сам издал звериный рык и пнул ее в бочину, Тайга выпустила обреченного наглеца и, с обидой взвизгнув в мою сторону, отбежала к моим девочкам. Кобель, оставшая кровавый след, молнией метнулся назад в арку мимо своего хозяина. Настроение было испорчено. Но, в то же время, я гордился Тайгой. Такого проявления бойцовского характера от своей собаки я не ожидал. Впоследствии не было случая, чтобы Тайга спасовала перед другой собакой, а таких случаев впереди было немало.

На наше счастье Настенька уже успокоилась, а жена пыталась убрать лицо ребенка от морды собаки, которая своим большим языком слизывала еще не успевшие высохнуть слезы на щеках дочери. Настена уже смеялась. Инцидент был исчерпан, но меня все еще колотило от собственного бессилия и зудящего, не прошедшего еще желания зарядить по флегматичной физиономии нерадивому

хозяину этого бестолкового, скорее всего больного пса.

* * *

Когда мы возвращались из отпуска, в Читинском аэропорту жена разговорила с женщиной, ожидавшей тот же рейс. Попутчица поведала о том, что муж ее недавно вернулся из Афганистана и остался в живых исключительно благодаря своей овчарке. Раненого хозяина собака вытащила из боя и дотащила до своих. Насколько это соответствует истине, не берусь судить, но когда стал вопрос о моем отъезде в Афганистан, жена настояла, чтобы Тайга ехала со мной.

7 мая 1986 года мы с Тайгой пересекли советско-афганскую границу на борту самолета ИЛ-18. Видимо, навсегда я запомнил угрюмое приветствие командира экипажа: «...Парашюты не выдаем, два ноля не работает, приятного полета», - рубанул он на одном дыхании и скрылся в кабине пилотов, хлопнув дверью так, что вздрогнул самолет. До сих пор мне кажется, что после этого никто не сказал ни единого слова до самой посадки.

В Кабуле Тайга вместе со мной прислушивалась к канонаде и впитывала запахи войны. Казалось, что собака сразу поняла, для чего она здесь. Взгляд насторожен, движения резкие, нервные, шерсть дыбом. При приближении к нам людей верхние губы собаки поднимались, обнажая мощные клыки. Из пасти пытался вырваться наружу звериный рык, но видимое спокойствие хозяина заставляло его оставаться внутри. Нельзя сказать, что мы не привлекали внимание, но охотников приблизиться не было. Вид собаки вызывал уважение военной братии. Ночь на Кабульской пересылке Тайга провела в парке боевых машин.

Восьмого мая на вертолете МИ-8 мы прилетели на аэродром Баграм.

Очень четко помню свое состояние и все свои чувства, испытанные в первый день пребывания в Баграме. Началось все с того, что на аэродроме, куда мы, заменики, прилетели на вертолете из Кабула, нас никто не встретил. Никто из нас понятия не имел, куда идти. Кто-то из членов экипажа вертолета посоветовал идти к диспетчерской. «Там вас наверняка ждут». Но и там нас не ждали. Люди мы военные, поэтому решили сидеть и не дергаться. Через час афганские летчики показали нам, по какой дороге идти в дивизию, и мы, обливаясь потом, поплелись по ней. В форме, волоча за собой огромные чемоданы, на радость

проезжающим мимо солдатам царандоя. Вскоре нас подобрал попутный грузовик и довез до КПД дивизии.

Поселили нас в гостиничном модуле, с крыльца которого была видна, как я узнал потом, «Чарикарская зеленка». В дивизии уже мы были окружены заботой и вниманием. В столовой накормили человеческой пищей, которая на порядок отличалась от кенгурятины Кабульской пересылки. Оно и понятно - в Кабуле «воры-администраторы» пересыльного пункта должны были делиться с «ворами» из штаба армии (я имею в виду «честных и скромных» тружеников тыла), и поэтому воровать вынуждены были больше, дабы себя не обидеть. После обеда всех вновь прибывших пригласили на торжественное собрание, посвященное Дню Победы. Командир дивизии генерал-майор Исаев вручал боевые ордена и медали солдатам и офицерам, отличившимся в боях. Впервые я присутствовал на чествовании героев. У меня все было впервые, поэтому нет ничего удивительного в том, что все спиртное, которое я привез из Союза, у меня быстро-быстро выцгыгнали.

Очередной шок я получил, когда после торжественного собрания дивизионный ансамбль «Каскад» исполнял свои песни. В то время таможня не пропускала через границу кассеты с подобными записями (это считалось контрабандой), и, служа в отдаленном приграничном гарнизоне, я не мог их слышать. Через полгода эти же парни подарили мне две магнитофонные кассеты со всеми своими песнями. Позднее эти кассеты были также изъяты непреклонными «узбекскими» таможенниками.

Вечером, стоя на крыльце под лампочкой, горящей над входной дверью, смотрю на сполохи артиллерийских разрывов. Звездное небо беспрестанно чертят пунктиры трассирующих пуль. Стою и думаю о тех людях, что там под огнем. Кто они? Простые советские солдаты или одурманенные пропагандой гордые афганцы? А может, там отпетые бандиты, опьяневшие от крови? Пытаюсь понять и не могу — зачем люди стреляют друг в друга? Думаю обо всем этом, а сам знаю, что приехал на эту войну не чай пить, что в любой момент шальная пуля может прервать мои размышления, и все равно стою...

Тайга сфинксом замерла у моей левой ноги. Судьба каждого из нас с этого момента зависела от другого, и мы оба это понимали.

— Так-то, Тайгуха, — сказал я.

— Знаю, хозяин, — сказали глаза

собаки.

9 мая 1986 года.

Баграм. Утро. Чищу зубы. В умывальник заходит офицер с капитанскими звездочками на погонах и спрашивает: «Шопотов здесь есть?»

— Во-первых, не Шопотов, а Шорохов, во-вторых, это я, в-третьих, кто вы такой и что вам надо? — изрек я сквозь пену зубной пасты.

Капитан хмыкнул:

— Я ваш начальник штаба, товарищ старший лейтенант, так что побыстрее приводите себя в порядок, и едем в батальон.

Умывшись, я пошел собираться. Капитан молча наблюдал за моими неторопливыми действиями. Минуты через две-три он спросил:

— Вы, случаем, не БВТэКу заканчивали?

Я поднял глаза:

— Да, а что?

— В каком году?

— В восемьдесят втором.

— Сухоплюева знаешь?

— Где он? — вырвалось у меня.

— Да, дела, — буркнул капитан, развернулся и вышел.

Глянув на свой вид в зеркало, взяв чемодан, где, согласно приказу, должно было находиться обмундирование всех видов на два года вперед, я вышел из модуля. Капитан курил, стоя ко мне спиной.

Тайга, привязанная к дереву, радостно повизгивала, увидев меня.

— С тобой? — уточнил капитан.

— Да.

— Толково. Пошли.

После проведенного на крыльце Баграмской гостиницы вечера было странным ехать теперь сверху на БТРе по этой тревожной местности.

Тайга гордо сидела на броне и смело смотрела вперед навстречу своей смерти.

Вдоль дороги груды сожженной техники, обелиски, развалины глиняных строений. Не видно ни одной стены, которую война не изрешетила бы осколками и пулями. Здесь мне предстояло выживать почти два с половиной года. Теперь в моей жизни есть такая дата - сто пятое мая. (Май - месяц моей замены, а этот месяц по традиции «не кончается» до самого отъезда в Союз).

Наш БТР съезжает с асфальтированной дороги в реку пыли, которая, поднимаясь сзади, надежным пологом накрывает нас от всего мира. Ничего, кроме пыли. Вот мы ее обгоняем, и впе-

реди, метрах в пятистах, вижу глиняную крепость с красным флагом. Река пыли вытекает именно оттуда — значит, скоро приедем.

По мере приближения вижу, как из крепости выходит человек с голым торсом. В нем узнаю своего Француза. Так я еще в училище окрестил Юрия за изысканность манер, независимый характер и изящность, которая сквозила в каждом его взгляде и жесте. Взгляд его действительно всегда был снисходительно-надменный, что приводило всех наших командиров в «неописуемый восторг». Юрку они всегда считали в чем-то виноватым. Наверное, нас и сблизило то, что и я был не очень, мягко говоря, примерным курсантом. На этой войне Француз стал моим учителем.

БТР останавливается. Спрыгиваю на землю. Юрка с обалденно-лучезарной улыбкой, какая есть только у него, хватает меня в объятия и задает наиглупейший вопрос:

— Во! А ты-то что здесь делаешь?

Мы были очень рады видеть друг друга.

Капитан, сидя на люке БТРа:

— Я не понял, доклад будет или мне можно уехать?

Юрка, не выпуская меня, поворачивает голову к начальнику штаба:

— Александр Иванович, это друг, понимаете? Друг! Одного не могу понять — Шорохова и в такое говно. Дурдом.

— Смирно! — Выручил своего командира сержант с повязкой дежурного. — Товарищ капитан, во время несения службы происшествий не случилось. Дежурный по заставе старший сержант Федутик.

— Вольно. Разкурдяи. В гости-то пригласишь?

Широко расставив руки, Юрка протяжно произнес:

— Товарищ капитан, какие проблемы? Прошу. Только вот пока нечем угощать. Предупредили бы.

— Пойдем, доложишь обстановку. А с другом к вечеру разберетесь.

Вскоре начальник штаба покинул заставу. До вечера я Юрке не мешал. Просто ходил и смотрел, дышал этим воздухом, знакомился с обстановкой.

Тайге пришлось уживаться с двумя своими сородичами. У Юрки жили две овчарки сомнительного происхождения - Мухтар и Чара. Из трех собак Тайга была самая здоровая. У Мухтара были проблемы с задними лапами, а у Чары - с передними. Сука была ластиной, а кобелю, видимо, когда-то повредили таз. Две суки на одной территории - это уже

конфликт, а присутствие кобеля усугубляло положение. С первого дня Чара с Тайгой стали драться. Часто их приходилось разливать водой. Закончилось их соперничество, как и должно было закончиться. В одной из таких схваток Тайга располосовала череп Чары от ушей до глаз. Чара погибла.

Жизнь на боевой заставе сама по себе определяла обязанности служебной собаки. Когда мы проверяли посты, Тайга обходила все амбразуры, осматривала местность, стригла ушами, приносивалась к воздуху, и уж если начинала нервничать, рычать или лаять — с этой стороны жди обстрела. Не помню случая, чтоб она хотя бы раз ошиблась.

9 июня 1986 года.

Из-за участвовавших обстрелов заставы и из-за того, что духи стали слишком уж близко к ней подходить, к нам прибыли саперы из дивизии для установки минных полей. За старшего на заставе Француз оставил сержанта Федутика, а мы с саперами пошли в зеленку. Чтобы собака не мешала работать и не путалась под ногами, я запер ее в нашем офицерском флигельке.

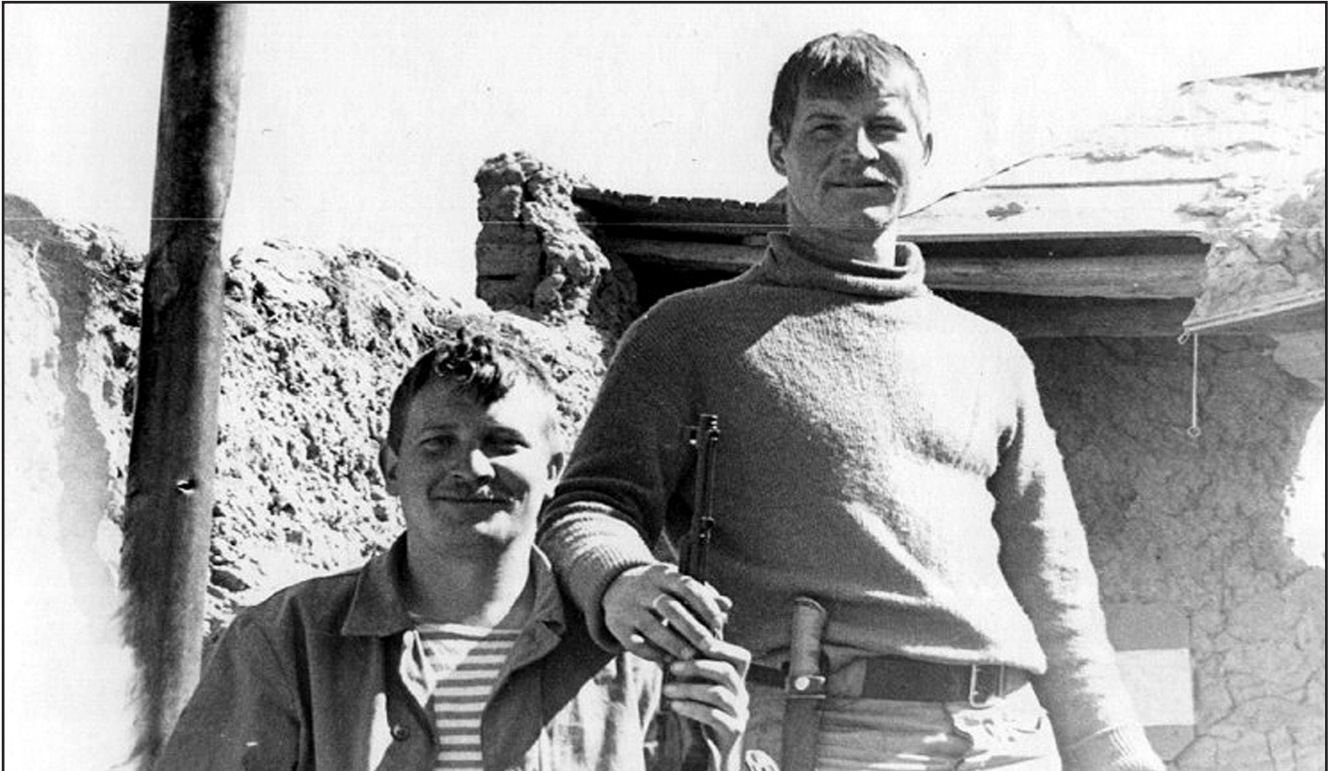
В зеленку пошло десять человек: команда саперов из Баграма вместе с офицером, я, Юрка и приданный заставе сапер Аскир Трахов. Юрка повел саперов по северной окраине кишлака. Там, где он указывал, мы занимали круговую оборону, а командир взвода саперов с двумя — тремя солдатами ставили мину. Мины, в зависимости от местности, применялись разные. На открытых площадках устанавливали ОЗМки на замыкателях (их называли «лягушками»), в виноградниках — на растяжках, в проходах ставили МОНки, в проломах дувалов — ПМН. Пройдя больше половины маршрута, мы вышли к проходам, ведущим к духовским комитетам. За собой мы оставили одних только мин на растяжках около десятка.

Когда мы подошли к развилке проходов, и саперы поставили очередную мину, я с ужасом увидел, как к растяжке мчалась моя Тайга. Внутри похолодело. Еще метров десять, и от всех нас останутся одни воспоминания. Радиус сплошного поражения ОЗМ-72 — до пятидесяти метров, а мы от нее в трех метрах.

— Сидеть! — моя команда прозвучала хлестко, и все повернули головы в мою сторону, потом по направлению моего взгляда.

В полной тишине кто-то из саперов изрек:

— Все. Отвоевались.

Тайга выполнила мою команду, наклонила голову на бок и, виляя хвостом, ждала, что скажет хозяин. Я соображал, что делать дальше. Решение могло быть только одно.

— Юра, уводи саперов, я вас догною.

В это время по проходу, ведущему к комитету, метрах в 20 от нас, пробежал душман с пулеметом в руках. Нам не хватало сейчас только этого. С противоположной стороны из-за дувала высунулась бородастая рожа и произвела гортанный звук. Из пролома в дувале еще один дух помахал нам рукой. Нас обложили, но боя не затевали, хотя очень просто могли забросать гранатами. Видимо, пока либо не готовы, либо ждут команды, либо у них другая задача.

За этими событиями мы отвлеклись от Тайги. Когда я посмотрел в ее сторону, она уже ползла под растяжкой. Уши прижаты, хвост тянется по земле. Преодолев препятствие, она ткнулась носом в мое плечо, подошла к проходу, где за валуном спрятался дух с пулеметом. Потянула воздух носом, подошла к другому проходу, посмотрела на меня, вильнула хвостом и, не издав ни звука, прыгнула в пролом дувала.

Юрка нарушил тишину первым:

— Серега, за собакой. Сапер, уводи людей за ними. Я с Траховым прикрываю. Вперед.

Тайга высунула морду из пролома и, увидев, что я двинулся за ней, исчезла.

Медленно, шаря стволами автоматов вокруг себя, мы шли за собакой. Она не торопилась. Тщательно обнюхивая воздух, вела нас к дороге.

Юрка подал команду «все ко мне» и завел группу в развалины крепости.

— Командир, — обратился он к командиру саперов. — Расставь людей по проходам, перекурим пока чуть-чуть.

В кишлаке сработала мина.

— ОЗМка, — отметил старший сапер и, повернувшись к Юрке, добавил. — Прикрой, начальник, я тут со своими еще парочку бакшишей поставлю.

— Валяй, пехота.

И уже после установки мин, потрепав Тайгу по холке добавил:

— Ну что, Тайгуха, выводите дальше, родная. В прежнем порядке. Вперед!

Обстреляли нас уже на выходе к дороге. Один сапер был легко ранен в плечо. В кишлаке, пока выходили, было еще два взрыва.

На заставе, когда саперы уехали, Юрка сказал:

— Славно поработали. Теперь долго не сунутся близко.

Он открыл банку тушенки и вывалил всю Тайге в миску:

— Тайгуха, это тебе. Заслужила.

Как собака оказалась в зеленке, мы узнали от Федутика:

— Вы как ушли, она все в окно смотрела. Ну, думаю, смотришь, ну и смотри. Тут Филимон (наш повар) пошел за водой, я стою в дверях, а эта сучка увидела,

что дверь открыта, вышибает раму со стеклами и мимо меня в зеленку. Я ей «назад», куда там. Чуть с ног не сбила. Корова.

Это был первый раз, когда Тайга нас «вытащила».

16 июля 1986 года. 7-я сторожевая застава. Кишлак Карабаг.

Дорога дышит проезжающими КА-МАЗами, БТРами, ярко раскрашенными «бурбухайками» с гроздьями свисающих с них людей.

В 7.30 духи подожгли первый наливник. Тревога.

Командирский танк стоит в окопе между выходом из заставы и дорогой, так что командир на обстрел вылетает первым. Бегу к машине и вижу, как мои орлы, не задевая края люков, влетают в танк. (Меня до сих пор бросает в дрожь, когда я вижу танковые экипажи, выполняющие команду «К бою!»). С отработки именно этого элемента начинается боевое мастерство танкиста.)

Впереди меня на танк прыгает Тайга и становится между люками на башне. Собака никогда до этого не прыгала на танк без команды. Сюсюкать нет времени — обстрел. Занимаю свое место, подсоединяю тангенту к шлемофону, команду: «Вперед!». Пытаюсь скинуть овчарку с башни танка. Механик включает передачу, танк дергается, Тайга скребет броню башни, сопротивляясь моим попыткам сбросить ее на землю. Взрыв на правом бруствере окопа. Взвизг со-

баки, падение ее на землю, танк вылетает из окопа. Все это происходит в одно мгновение. Оборачиваюсь, смотрю на Тайгу — она пластом лежит на земле. Вижу кровь. Внутри защемило, но времени на сопли нет — обстрел. «Разбор полетов» потом.

После боя, вернувшись на заставу, вижу Тайгу, лежащую на земле в той же позе. Задним ходом ставлю танк в окоп, даю команду «к машине». Весь экипаж подходит к Тайге. Собака шумно дышит, мутные глаза полуприкрыты. Из правой лопатки торчит длинный осколок эРэСа.

— Рычаг, пассатижи!

Славка мигом выполняет команду. Вижу слезы в глазах Додона. Он уже стоит с индпакетом в руках. Осколок врезался в тело собаки слева и, пробив ее тело насквозь, вышел с другой стороны. Пассатижами резко выдергиваю железо, накладываем повязку на сквозную рваную рану.

Когда собака уже лежит у меня в комнате, выхожу к парням. После боя святое дело выпить по стакану чая, заботливо приготовленного нашим поваром — рядовым Усмановым, да выкурить по сигарете. На войне она всегда может стать последней.

— Не будь Тайги, потеряли бы командира, — говорит мой заряжающий Гена Додонов.

— Да-а-а, — протянул Слава Рычков, — если бы не она, осколок в аккурат бы вошел под левый сосок командиру. Вовремя сиганула. Выживет ли?

Тогда Тайга выжила. Выжила для того, чтобы жили люди, ее окружающие.

Сколько лет уже прошло, но я никак не могу объяснить себе, не могу понять, — как собака могла предугадать этот взрыв? Ведь она вскочила на танк без команды, еще даже до момента выстрела. Но ведь это было! Было!

Как-то раз вернулись мы после обстрела на заставу, я принял душ и, обмотавшись полотенцем, шел в свою комнату. Вдруг я увидел огромное, лохматое чудовище, которое направлялось ко мне.

— Тайга? — Но не мог я в этом чудище узнать свою собаку.

Шерсть ключьями торчала в стороны. Голова страшилки представляла собой огромную лохматую чурку с глазами, по бокам висели маленькие ушки. Такого я не видел ни до, ни после даже в фильмах ужасов. Было жутко, и к себе в комнату я ее не пустил.

Теперь, когда читаю младшей дочери сказку «Аленький цветочек», прекрасно понимаю состояние Тайги. Чуди-

ще, понимая, какой ужас оно наводит на Настеньку, не показывается ей на глаза.

Моя собака ушла в зеленку. Я думал о ней, и было стыдно за себя. Я понимал, что собака ушла умирать. И ушла с обидой на хозяина — не признал, не обнял, не благословил.

На третий день, ближе к вечеру, я услышал крик часового первого поста:

— Товарищ старший лейтенант, кажется, наша Тайга!

«Не может быть», — мелькнуло в голове, и я выбежал навстречу своему другу.

Тайга, увидев меня, попыталась бежать и кинуться мне на грудь, но сил на это у нее не было, и собака, неловко подпрыгивая, шевеля хвостом, медленно приближалась к своему хозяину. Я подбежал к ней и обнял. Говорил что-то ласковое, и собака отвечала мне легким постукиванием и облизыванием моего лица. Врать не буду — стыдно до сих пор.

Очень скоро Тайга оклемалась вовсе и так же, стоя наверху, нюхала воздух, предупреждая нас об обстрелах, так же ждала меня из боев.

В конце сентября 1986 года прошла информация о гибели Карима. После этого одно из самых агрессивных и непримиримых формирований душманов практически прекратило свое существование. Часть группы перешла в другие подразделения моджахедов, часть просто разбежалась, а наиболее убежденные бойцы газавата под руководством одного из командиров групп ушла в Пакистан на переформирование.

Честно говоря, нам всем думалось, что теперь наша жизнь несколько изменится к лучшему. Не скоро найдутся охотники войти на чужую вотчину и устанавливать свои порядки. Ведь где-то в Пакистане подрастает младший из пяти братьев — он-то и должен будет продолжить джихад в этом районе. Но наши надежды на перемены к лучшему не оправдались. Нашу роту перебросили на участок первой роты, а их — в Аминовку.

До последнего момента офицеры подразделений не особо верили этим слухам, ведь такая передислокация была сопряжена с обострением обстановки на обоих участках. Наши солдаты не патрулировали ночью, а люди первой роты не знали толком оперативную обстановку в Аминовке. Чем уж руководствовалось управление дивизии при принятии такого решения, не знаю, но 27 сентября в срочном порядке нас все-таки поменяли местами.

12 декабря 1986 года. 11-я сторожевая заставка. Кишлак Лагмани.

Мы уходим на операцию. Я знал, что эта операция может продлиться около месяца, и Тайгу взять с собой не мог. Во-первых, слишком уж она мне дорога, а во-вторых, внутри танка будет только мешать, да и выстрела танковой пушки она не выдержит. Это бывает только в кино.

Рядом с нами, на заставе стояли «трубачи». Командовал ими мой боевой товарищ — лейтенант Александр Белкин. С ним я и договорился о том, что Тайга поживет у него некоторое время. Перед отъездом я привел овчарку к Сашке в комнату, мы выкурили с ним по сигарете, поговорили с Тайгой, и я ушел, сказав ей напоследок:

— Ждать, Тайга. Жить будешь здесь. Место! — Я показал ей подстилку, заботливо приготовленную хозяином 44-й ГНС (гарнизон насосной станции).

Покидая заставу, я почувствовал, что собака меня поняла. Сидя на танке, я поднял вверх сжатый кулак — знак прощания с пожеланием удачи. Сашка стоял у своей калитки, Тайга сидела рядом с ним, и серьезно смотрела вслед уходящим в неизвестность танкам. Я успокоился — поняла.

По возвращении с боевой операции я увидел Тайгу, летящую навстречу танкам. За ней тянулся шлейф поднятой пыли.

— Дождалась наша «танкетка», — восторженно проговорил по внутренней связи Слава Рычков.

«Суровый» командир расставил танки по местам и, отдав команду «к машине», прыгнул с танка. Тайга за все это время, не позволив себе без команды прыгнуть на броню, с восторгом глядя на хозяина, подметала хвостом бруствер танкового окопа.

Облизав хозяина, собака с лаем кидалась к бойцам и каждого солдата «целовала» в губы. Так Тайга встречала нас после каждой операции.

Вечером, сидя у Сашки Белкина за чашечкой «Арарата», я слушал его рассказ об их жизни в мое отсутствие.

— Как ты сказал ей «место», так она здесь и жила. Побегает по заставе, а есть и спать — ко мне. Встречала каждую броню. Обезит вокруг, убедится, что наших нет, и больше не подходит. А вот службу несла, как всегда. Так же бегала по постам, лаяла при приближении духов. Часами сидела у ворот и смотрела на дорогу. Умница.

В нескольких километрах от нас в сторону «Баграмского перекрестка», между дорогой на Кабул и горами дислоцировался 45-й отдельный саперный

полк. В армейской среде его называли «Чарикарским» – по территориальному признаку.

Зимой 1987 года решением штаба дивизии два танка из нашего батальона были переброшены в саперный полк на усиление. Недалеко от танковых позиций на территории полка были поставлены палатки для личного состава, в которых отдыхали свободные от несения службы солдаты. Старшим от нашей роты был назначен молодой командир взвода – лейтенант Калин.

Как-то летом, после одной из операций, командир роты старший лейтенант Летнев направил меня в саперный полк заменить на несколько дней Калина:

— Отдохни там немного, порядок наведи, а то Женя там, я чувствую, несколько расслабился на вольных хлебах. Заодно запах пороха немного почувствует.

Честно говоря, я этому был рад – хоть выплещусь.

В саперном полку в это время проходили армейские сборы служебных минно-розыскных собак, где собрались кинологи со всей 40-й армии, а у Тайги, очень кстати, только что закончилась течка.

Каких пород там только не было! Огромные сенбернары, лохматые кавказцы и московские сторожевые, вертявые пудели и спаниели, агрессивные доберманы и ротвейлеры, но основную массу, к моему удивлению, все-таки составляла порода восточно-европейских овчарок.

В один из дней, ближе к вечеру, когда поводьры служебных собак после занятий ушли на ужин, оставив своих питомцев на попечение дежурной смены, я вывел Тайгу на длинном поводке для знакомства с «аудиторией». Что тут началось! Почти 200 породистых кобелей разного калибра со звериным рыком и пеной на губах стали швырять свои массивные тела, привязанные надежными поводками к столбам ограждения, на галечный грунт и навзрыд, с остервенением, рассказывать о своих достоинствах!

Тайга степенно, даже, на мой взгляд, более степенно, чем следовало бы, вышагивала вдоль строя, почти не реагируя на происходящее. Правда, иногда она без всякого предупреждения клацала своими бивнями у слюнявой морды какого-нибудь зазевавшегося и совсем потерявшего над собой контроль кобеля и порой небезрезультатно. Особенно досталось одному ротвейлеру. С истошным визгом этот кобель зарыл свою разорванную морду в грунт, накрывшись передними

лапами. Впрочем, Тайга редко кого удаивала своего внимания – даже таким образом.

Впереди неподвижно стоял выделявшийся своим экстерьером огромный кобель восточно-европейской овчарки. Мое внимание на себя он обратил сразу по прибытии в полк. Еще утром я подошел к его хозяину и уточнил происхождение красавца. Хозяин – молодой, интеллигентного вида солдатик охотно пошел на контакт и поведал мне, что призвался в армию вместе с собакой. Сам москвич, а его четвероногий друг с витиеватой родословной – трехкратный чемпион Москвы. Кандидатура для моей Тайги более чем подходящая. Но так решил я, а что решит овчарка? Ведь она все-таки сука!

Итак, мы приближались к Лорду (так звали собаку). Он стоял спокойно, выгодно отличаясь от своих собратьев, с вождением смотрел на Тайгу и тихонько поскуливал, выказывая свое нетерпение лишь выразительными наклонами головы и переступанием передних лап. Тайга, как я не старался, так и не удостоила красавца своим вниманием. Поравнявшись с чемпионом, она приостановилась, понюхала землю, писнула и грациозно проследовала дальше, выпятив грудь и гордо поставив голову. «Ох, и сука же ты», — подумалось мне. Впрочем, я ей не мешал. Выход ее был великолепен!

Чтобы не дразнить больше служебных собак, я увел Тайгу внутрь палатки.

Рано утром овчарка была самостоятельно отпущена на прогулку. Разминая затекшие за время сна мышцы танковыми траками, я исподволь наблюдал за собакой. Привязанная к забору свора при виде Тайги начала неистовствовать.

Огромное, поднимающееся из-за горизонта солнце залило всю Чарикарскую долину сказочным светом. Утренняя прохлада игриво переливалась росой на кончиках травы, анимационно резко очерченные горные вершины с космическим величием возвышались над миром. В подсобном хозяйстве саперного полка похрюкивали свиньи, и чисто по-русски, по-хозяйски, орал время от времени петух. Умиротворенное пение жаворонков дополняло красоту раннего пейзажа. До полной идиллии не хва-

тало бряцания подошников на колхозной ферме да самих доярок с подоткнутыми подолами.

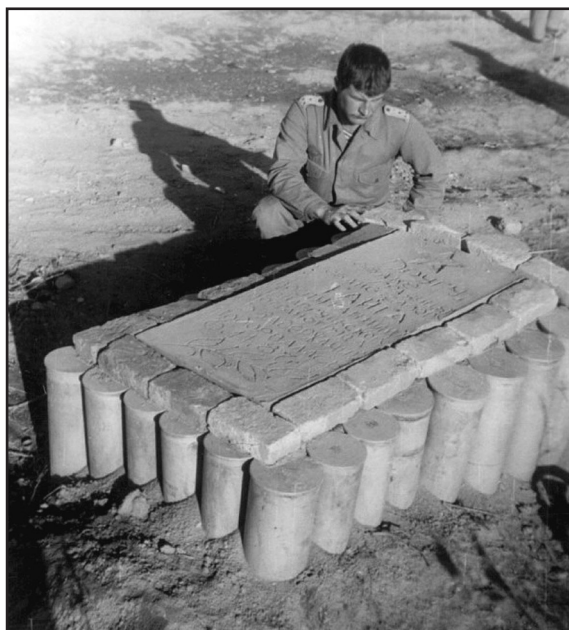
Любуясь всей этой красотой и впитывая мирные мгновенья, совершенно случайно выпавшие на мою долю, я несколько отвлекся от наблюдения за Тайгой. Когда же я отыскал ее глазами, моя собака нежно тыкалась носом о морду «чемпиона». Ближайшие к ним псы с тихим, грустным поскуливанием наблюдали за их любовной игрой, безнадежно повиливая поникшими хвостами.

Через два месяца Тайга принесла 13 щенков. Она вырыла нору в блиндаже, приспособленном под склад для танковых снарядов, и там охраняла свое потомство. Щенков мы, естественно, раздали по заставам, а одного, самого крепкого, оставили для себя.

Пока мы как-то раз воевали в «зеленке», нашего щенка, которого бойцы называли Сапером, украли. Через несколько месяцев мои друзья сообщили, что наш щенок живет у советников в Баграме. Солдаты постановили – забрать Сапера назад. При первой же возможности заезжаем за собакой. Советники не стали оправдываться. Ваш? Забирать? Забирайте.

Чтобы забрать собаку, нужно, как минимум, к ней подойти, но на этот отчаянный шаг никто из нас не решился. То, что несколько месяцев назад было щенком, теперь превратилось в красивого, но свирепого зверя.

— Слушай, командир, — обратился ко мне один из советников, — не пойдет он к тебе. Сам видишь, вырос он. Давай мы за него лучше тебе килограмм поставим?

— Пожалуй, так будет справедливо. Да и пес вам действительно нужен. Мне в свое время его мать так же досталась.

Мы хлопнули по рукам, и остался наш Сапер жить у советников.

Сентябрь 1987 года. 5«А» сторожевая застава. Кишлак Калакан.

Попав на пятую «А», Тайге пришлось ужиться с афганской собакой по кличке Наташка. Это была умная и красивая сука с обрубленными ушами и хвостом. Шерсть у нее была белая, длинная и очень плотная. У начальника заставы Володи Бабенко, которого я здесь заменял, она ночью несла службу с внешней стороны крепости.

По ночам Наташка несла караульную службу с внешней стороны, Тайга – внутренний караул. Она всегда была рядом со мной.

Стали эти две суки жить на одной территории. Днем они старались не встречаться, вернее, не замечать друг друга. Наташка оказалась мудрее Чары. Она, видимо, чувствовала превосходство Тайги, а Тайга, в свою очередь, понимала, чья это территория. Так они и существовали рядом.

Как-то днем я прилег отдохнуть — выпала возможность. Разбудил меня дикий бабий визг. Первая мысль – «женщина» – пришла во сне, но я уже хватал автомат, всегда стоящий рядом.

У многих народов входная дверь несколько ниже человеческого роста и, входя внутрь, приходится нагибаться. Такие же двери в крепостях Афганистана.

Александр Иванович Федорашко (начальник штаба нашего батальона), убежденный, что Тайгаотреагирует на его появление нормально, вошел в мою келью.

Хозяин спит! Тайга с ревом кинулась на вошедшего, накинута свои лапы на его плечи, обхватив ими шею, и прижалась своими огромными клыками к шее начальника штаба. При этом ее поведение сопровождалось тигриним рыком. Александр Иванович так и застыл в позе пловца, приготовившегося к прыжку в воду.

— Тайга! — крикнул я.

Собака тут же сменила гнев на милость, лизнула капитана в лицо, подошла ко мне, вильнула хвостом и с шумным вздохом хлопнулась семидесятикилограммовой тушей об пол.

Некоторое время Иваныч находился в позе пловца.

Сквозь хохот я начал доклад:

— Товарищ капитан, во время несения службы...

— Да пошел ты... — при этом на-

чалник штаба выпрямился, и уже мимо меня: — Тайгуха, ты что, не узнала меня?

Ему было неловко за свою беспомощность, а мне за то, что не сумел сдержать смех. Так-то вот. Дружба дружбой, а служба службой.

7 ноября 1987 года ко мне на заставу со своим подразделением прибыл Юра Петров, который стал командиром первой разведроты Баграмского разведбата вместо получившего повышение Отара Давитадзе.

— Хочу, пока ты здесь, поднатаскать молодое пополнение – провести боевое слаживание роты. Начальник разведки дивизии одобрил. Вот мы и прибыли, — сказал, поздоровавшись, Петров.

С этой ротой мы с моими солдатами работали уже больше года, поэтому решение молодого ротного мне было и понятно, и приятно. Решив не откладывать дело в долгий ящик, взяв с собой двоих бывалых разведчиков, моего сапера и Тайгу, я пошел в «зеленку» на рекогносцировку.

Завершив работу на местности, мы согласовали наши действия и, нанеся на карту маршруты выдвижения и отхода, возвращались на «базу». Группа уже подходила к развалинам, от которых до заставы было рукой подать, когда бегущая впереди овчарка вдруг остановилась и зарычала. По моей команде все залегли. Собака замолчала. Обернувшись к Петрову, я провел горизонтально рукой по воздуху. Юрка, поняв меня, рассредоточил бойцов по винограднику. Я привстал, Тайга слегка зарычала. Зная, что собака ни разу не ошибалась, снова приник к тропе. Прошло несколько секунд. Понимая, что долго мы не можем торчать в «зеленке», я начинаю продвигаться к углу дувала. Тайга подошла к повороту тропы и села, перегородив мне дорогу. Я выглянул за угол — ничего подозрительного. На крыше заставы виден наблюдающий за местностью часовой. По его поведению понятно, что ничего подозрительного в секторе его наблюдения не происходит. Привстаю и делаю шаг вперед.

— Тайга, в чем дело, милая? Успокойся. Хватит. Пошли.

Овчарка прыгнула, толкнула меня в грудь передними лапами так, что я отлетел к стене дувала, заскулила, развернулась к заставе и прыгнула на тропу. Мощный взрыв перевернул весь мир...

...Развороченное тело собаки несут на плащ-палатке к заставе. Двое разведчиков, поддерживая меня за руки, ведут следом. В голове зуммер... Какая-то не-

понятная, неземная мелодия издевательски пульсирует в воспаленных мозгах. Распухший, тяжелый от пыли язык не хочет поворачиваться во рту. Окрестности плавно переливаются багровыми тонами.

* * *

...Огонек сигареты прижег пальцы, возвращая меня в праздник мирной жизни. От качелей в мою сторону бежит моя младшенькая. Она подбегает ко мне, хватая ручонками, одетыми в пуховые рукавички, жмень искрящегося снега и со смехом бросает мне в лицо. Снег рассыпается в воздухе и осыпает лицо ребенка. Маша хохочет.

— Вот я тебя сейчас! — дурачась, делаю вид, что поскальзываюсь, и падаю рядом с дочкой, подставляя свое лицо.

Маша с визгом осыпает меня пушистым снегом. Я хватаю ее в охапку, и мы катимся под ноги нашей маме.

— Ну что, поехали домой? — спрашивает жена. — Уже поздно. Завтра еще приедем, да, Маша? А то папе еще машину в гараж ставить. Настя, пора! — зовет она старшую дочь.

Семейство усаживается в машину, и мы тихо едем по уютным улицам нашего города под гитарный перебор Франсиса Гойи. Эту кассету я записал с диска, который мы купили, еще служа в Забайкалье. Джим положил свою голову на ноги старшей дочери и задумчиво смотрит на проплывающие мимо фонари...

Дома, пока жена накрывает на стол, Машенька смотрит добрый мультфильм, который называется «Король Лев». Мое внимание привлекает фраза, сказанная с экрана телевизора: «...и далекие короли прошлого смотрят на нас с небес».

«...Конкорд» в гараже, я иду по искрящемуся при лунном свете заснеженному полю, изредка поглядывая на звездное небо... Как же там у Думбадзе? О звездном небе, как о зеркале: «...И мир узнал бы меня. Мы увидели бы, кому на свете живется хорошо, а кому плохо, и первые помогли бы вторым... Люди увидели бы друг друга и поняли бы, что не такие уж мы плохие, как нам это иногда кажется, что нет у нас основания ссориться и враждовать меж собой, и не стало бы на Земле войн и кровопролитий...».

* * *

О гибели Тайги я не писал. Для старшей дочери она надолго осталась выполнять суровый собачий долг на этой непонятной для многих войне...

Декабрь 2001 - ноябрь 2003. Комсомольск-на-Амуре

<http://www.obd-memorial.ru/Memorial/Memorial.html>

Проект Министерства обороны Российской Федерации по созданию обобщённого электронного банка данных советских воинов, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (ОБД «Мемориал»). Реализация этого проекта осуществляется силами специализированного Центра сканирования и ретроконверсии Корпорации «Электронный Архив» при участии Фонда «Союз поисковых отрядов». Координацию работ со стороны Минобороны осуществляет Тыл Вооруженных Сил РФ в лице уполномоченного органа – Военно-мемориального центра ВС РФ.

Целью настоящего проекта является установление судеб защитников Отечества, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

Создание банка данных ведется путем сканирования, обработки и занесения в информационно-поисковую Интернет-систему имеющихся документальных данных из официальных источников.

Объединенная база данных	★ Поиск	Результаты поиска	☐	Помощь	Показать
--------------------------	---------	-------------------	--------------------------	--------	----------

Поиск

[Скрыть область поиска](#)

- В сводных записях по всем документам (5087300)
- В донесениях о безвозвратных потерях (4505300)
- В документах госпиталей и медсанбатов (42363)
- В поименных списках захоронений (85236)
- В документах о военнопленных (297680)
- В электронных Книгах Памяти (156721)
- В печатных Книгах Памяти (~300000)
- Поиск захоронений (975)

20

Владимир Войт

http://artofwar.ru/w/wojt_w_p

Воспоминания врача батальона. Часть четвертая.

Посвящается живым и мертвым солдатам и офицерам 3 Десантно-штурмового батальона 56 Десантно-штурмовой бригады.

(Окончание)

Организация питания

Как только я попал в батальон, первый комбат майор Каленов повел меня в полевую кухню-столовую показывать как организованно питание личного состава. Питались прямо на открытом воздухе. Под навесом стояли столы и лавки. Офицеры ели сидя, из тарелок. Солдаты получали пищу в личные котелки и, как правило, употребляли её стоя, для них в Бараках были сооружены столы, но без лавок. Пища готовилась в полевой кухне, были как прицепы, так и целый автомобиль, внешне похожий на командно-штабную машину. Управлял этим хозяйством прапорщик Бауэр, комбат представил мне его как немецко-фашистского прапорщика, на что он обиделся. Комбат добавил, что это мой самый большой враг (все это было сказано, конечно, в шутку).

На одной из операций душманы приняли его автомобиль-кухню именно за командно-штабную машину и обстреляли. Бауэр потом с гордостью рассказывал, как он отстреливался, лежа под машиной, а каша лилась на него из пробитых котлов. Другой раз машина наехала на мину, и кусок покрывки, пробив кузов, ударил повара по мягкому месту, что тоже считалось боевым ранением.

Наши кашевары готовили пищу из того, что им выдавали. Иногда были сбои в снабжении продуктами, в такие дни кушали, в основном, консервированный борщ из банок. Сухие пайки присылали довольно сносные, особенно десантный, но они не давали чувства насыщения, хотя были вполне вкусными и калорийными. Мясо, в основном тушенка в банках, сильно надоедала. Однажды с колонной поступила кенгурятина (мы её так звали, на самом деле это были ляжки сайгаков). Это мясо казалось противным, как я считал, напоминало что-то среднее

между собачатиной и свинятиной.

Народ баловался и собачатиной. После операций по территории батальона бегали до поры до времени шенки, потом вдруг появлялось жареное мясо. Меня один раз накормили. Было довольно сносно, похоже на баранину. В батальоне бегала взрослая дворняга - сука. Ее кушать не разрешали, так как она почему-то не любила душман и, гавкая ночью, подавала сигнал тревоги. Однажды поздно вечером вдруг прилетает солдат из 9-й роты и с диким выражением лица говорит, что у них раненый. Я хватаю медицинскую сумку и бегу в расположение роты, меня отводят в офицерский кубрик, на полу которого лежит наша дворняга с ножевым ранением в грудную клетку. Какой-то голодный боец решил ее скушать, но ей удалось удрать и пожаловаться командиру 9-й роты. Бойца потом долго и упорно воспитывали. Собака выжила.

Баранина тоже иногда появлялась в

рационе питания. На нашей местной горке паслась батальонная отара, но лишь до первой прилетной комиссии. Один раз я видел, как привязанная за рога корова резво бежала за БМД в колонне, ее подарили местные власти.

Было и диетическое питание в виде курятины. О его появлении свидетельствовал летящий пух и перья из возвращающейся с войны колонны батальона.

Рыба была «белая» и «красная», весьма регулярно, то есть минтай в масле и томате. Одно время пошла мода, ловить при помощи гранат рыбу-«маринку». У нее ядовитая брюшина, которую перед приготовлением необходимо удалить. Я ее не ел, но народ сушил её, видимо, под брагу. Ловили речных крабов, но это была чистая забава, так как в них есть практически нечего.

Некоторые солдаты думали, что пища для офицеров готовится отдельно, и она лучше. Я как-то опоздал на обед, зашел позже в офицерскую столовую. А там двое нерусских солдат мутузили нерусского повара и приговаривали: «Офицерская пайка давай, блядь этакая!».

В осенне-летний период баловались фруктами и овощами. Летит БМД на огромной скорости за грузовой машиной, груженной виноградом, и боец-каскадер, стоя на краю БМД (за заднее место его страхуют другие бойцы), тащит ящики с виноградом и передает их товарищам. Мальчик-бача в кузове всеми силами пытается воспрепятствовать этому. Один раз такая машина остановилась, и водитель предъявил нашим бойцам бумагу, где было написано: «Дорогие советские бойцы! Не трогайте виноград! Его везут для советского посольства».

На полях копали какую-то репку и хрумкали ее, толком не помыв.

Хлеб выпекали сами, была собственная пекарня. Белый у нас был очень хороший, так как хлебопек имел некоторый опыт в этом деле, а чёрный... Когда с очередной колонной привезли муку с маркировкой на мешках 1938 года, и стали переводить дрожжи на приготовление браги, качество хлеба резко упало. Он тогда стал напоминать пластилин.

Выдавали сгущенное молоко, но чрезмерное одномоментное употребление последнего вело к профузному поносу.

Картошка была, естественно, пошковая – типа клейстер, она никому не нравилась.

Как-то раз вдруг кому-то сбрендило вырастить собственную грядку с бахчевыми: арбузами и дынями. Они уже

лежали на грядке почти готовые к употреблению. В этот момент мне вдруг привезли для проведения мероприятий по борьбе со вшами порошок ДДТ. Целых три мешка, каждый по 60-80 кг. Я приказал санитарному инструктору спрятать мешки в отдельном помещении под замок. Зная крайнюю ядовитость данного вещества, я не хотел его употреблять вообще. Какой то «умный» боец, несмотря на предупреждающие надписи на обложке мешков, доложил командиру своей роты о «цементе» у доктора. Командир роты тут же отдал приказ об изъятии докторского «цемента» для строительства инженерных водопроводных коммуникаций к бахче батальона. Стою я в медицинском пункте, уже вечер, вдруг заходит солдат с характерным запахом ДДТ и предъявляет мне претензии: «цемент» не схватывается. До меня постепенно все доходит, бегу к месту стройки, солдаты размазывают ДДТ руками, штукатуря стенку. В итоге разрушение строительства и вытаптывание бахчи.

На одной из операций местный житель предложил нашим офицерам и бойцам некий кисломолочный продукт. Стоит комбат около тазика и ложкой хлебает его, а потом другие по очереди. Предложили и мне, но я отказался.

Зимой опять проблема. Не было в достаточном количестве горячей воды для мытья котелков. В итоге пища в них замерзала, и бойцы выкидывали котелки на минное поле. Позже, весной, саперы их доставали оттуда. Бойцы находили какой-то общий тазик или котел и загружали пищу в эту тару. Сидят вокруг котла-тазика, кушают, одна ложка ходит по кругу, а в этом кругу, кроме здоровых и пара гепатитчиков...

Организация водоснабжения.

С водоснабжением были огромные трудности и особенности. Многие кишечные инфекции передаются водным путем. А они там, как известно, широко распространены: болели инфекционным гепатитом, диаррейными заболеваниями, паразитарными заболеваниями. В Афганистане явно ощущается дефицит питьевой воды. На операции брали запасы питьевой воды во флягах, термосах, но иногда она быстро заканчивалась, и приходилось искать водоисточники на месте. Один раз меня подвели под белые руки к колодцу и с некоторой шут-

кой попросили первому испытать оттуда водицы. Испил, все посмотрели на меня – сразу не сдох. Стали вырывать ведро с водой из моих рук. Попил, дай другим. Другой раз мы влетели в какой-то дувал. На коврике стояли четыре чашки с горячим чаем, а душманы убежали в кяриз. Кинули туда гранату, попили чая и пошли себе дальше. В одном из домов наш боец при мне схватил какой-то кувшин с длинным соском и стал из него пить. Хозяин дома стал жестами показывать, что кувшин предназначен для подмывания некоторых частей тела.

Пантоцидом пользоваться народ не любил, так как вода приобретала хлорно-солончатый привкус. Поначалу им пытались активно пользоваться, воду фильтровали, это делал практически каждый индивидуально, добавляли пантоцида.

Пытались ездить на водоисточник в горах, воду качали в водовозку насосами, но тоже не без приключений. В первых, это были, по существу своему, боевые операции, душманы мин не жалели. Один раз бойцы умудрились качать воду насосами, которыми ранее качали солянку. Естественно, вода стала непригодна для употребления.

Вода во всех случаях требовала обеззараживания, мы добавляли в нее хлорсодержащие препараты на глазок. Остаточного хлора оставалось довольно много, а за это могли и побить. В конце концов появилась механизированная автофильтровальная станция, вода стала чище, но я стал писать рапорта командиру о необходимости организовать охрану водоисточника, так как первоначально никто эту машину не охранял, а она стояла за пределами части. Душманы могли теоретически применить биологическое оружие в виде фекальных масс. К концу моего пребывания в батальоне появился геолог с пистолетом на боку и бурильной установкой, стал делать скважину, результатов я уже не дождался.

Жидкий стул все равно был. Одно время поступила телефонограмма с рекомендациями по ликвидации поноса. Было предписано готовить отвар из верблюжьей колочки и пить его. Мне и Бауэру дали команду организовать сбор последней. В расположениях рот появились бачки с отваром верблюжьей колочки. Бойцы с надеждой в глазах шли с кружками к бочкам. Вызывают меня к одному из офицеров 9-й роты, сидит почти зеленый офицер, перед ним 3-х литровая банка с зеленым раствором отвара, ему не лучше, а наоборот хуже. Дело, как выяснилось, в том, что надо было зава-

ривать не зеленую колочку, а сухую.

О банно-прачечном обслуживании, отоплении и вещевом довольствии

Поначалу банно-прачечное обслуживание было совсем неудовлетворительное, так как практически не было доброкачественной воды. Батальон только обживался на новом месте дислокации, также был дефицит дров для разогрева воды. Вообще практически не было ничего. Как емкости для воды использовались большие жестяные банки из-под консервов. На одной из операций я в одном из брошенных домов нашел глиняный тазик и автомакс, с разрешения комбата одолжил для текущего потребного пользования. С помощью автомакса Курбаниязов производил нужную дезинфекцию, а тазик использовали совместно с комбатом для стирки и мытья, но потом его случайно разбили.

Дрова добывали методом поиска на окружающей местности с топорами и пилами. Для этих целей снаряжались подразделения батальона на дровяные операции. Разбирали крыши брошенных домов и изымали все деревянное из них, пилили и деревья. Естественно, все это не приветствовалось местным населением. Освобожденные ящики из-под боеприпасов делились между подразделениями батальона, я тоже был в доле. Их разбирали, и поначалу я использовал их для отделки медицинского пункта, а зимой постепенно Курбаниязов под моим руководством разбирал все построенное на дрова, я указывал ему какую часть медицинского пункта отправить в топку печки. Некоторые топили печки толовыми шашками, но это в крайнем случае. Использовали как энергоносители солярку и авиационный керосин. Печки модернизировали: емкость с энергоносителем помещали в стороне от печки, через систему трубопроводов и медицинскую капельницу (как дозатор) солярка-керосин поступали в печку-буржуйку, в которой устанавливали каску. Промышленных печей работающих на керосине, у нас в батальоне не было, но они были в бригаде, зарекомендовали себя плохо, так как иногда воспламенялись, что вело к пожару. Стерилизатор с инструментами я кипятил на печке. Будучи в отпуске, купил два примуса «Шмель», которые у меня часто воровали для использования в производстве самогонки. Правда, я их сразу находил по характерному звуку при работе, и со мной расплачивались

произведенным продуктом. Постепенно батальон обустроился на постоянном месте дислокации, артиллеристы и роты построили себе бани, воду использовали из протекающих рядом речек. Каждый стирал белье, как мог, летом это было проще. Ощущался дефицит нательного белья и носков. Солдаты вдруг оказались практически голыми, обувь надевали без носков и портянок, что приводило к потертостям стоп и гнойным осложнениям. Я стал писать рапорта об этом безобразии, придавая делу политический оттенок. Не может же советский боец воевать только в маскировочном костюме. Как-то одна из рот тормознула караван, разогнала душман, появились трофеи. Трофейные сигареты раздали солдатам в качестве награды, так как с этим тоже было хреново. С афосками сходили в местные дуканы и приобрели носки для солдат, потертостей стало меньше. С тельняшками были тоже проблемы. Мне одну подарили, носил я ее довольно долго и после Афгана. Первоначально на мне была связанная женой жилетка, которая грела мне не только тело, но и душу. Тельняшки были далеко не у каждого, якобы машина с ними подорвалась на mine, отсюда и появился дефицит. Постепенно произошло улучшение снабжения вещевым имуществом. Зимой появились тулупы и валенки, что заметно скрасило наше существование. Появились даже стиральные машины в ротах. Они тут же загудели в закрытых помещениях: кто-то попытался быстрее доводить брагу до готовности, используя стиральные машины.

О снабжении медицинским имуществом

Когда я прибыл в батальон, то обнаружил, что необходимого медицинского имущества в достаточном количестве не было. Пакет с промедолом комбат отдал мне в первый же вечер. Отдельно у Курбаниязова я обнаружил полмешка индивидуальных аптечек. В коробочках находились лечебные антитоксы, применяющиеся при поражениях фосфорорганическими отравляющими веществами, пеналы с противорвотными средствами, пеналы с радиопротекторами. В последующем стало понятно, почему был изъят промедол. Его использовал иногда не по назначению личный состав, по этой причине пришлось переукомплектовать содержимое аптечек. В коробочке убирались перегородки и вкладывались

шприцы-тюбики. Такую одну аптечку я выдавал на группу солдат, которая действовала в бою совместно. Ответственные за хранение аптечек солдаты и офицеры отчитывались мне по количеству израсходованного промедола. С перевязочными средствами особых проблем не было. Мы выдавали иногда каждому солдату по два индивидуальных перевязочных пакета. Но некоторые солдаты умудрялись их приводить в негодное состояние, пришивали пакеты к одежде, нарушая стерильность. По этому случаю приходилось проводить дополнительные разъяснения. Один раз в медицинский пункт привезли санитарные сумки старого образца: все наркотические препараты были в ампулированной форме, в сумке отдельно находился шприц в специальной упаковке, который заливался для стерилизации спиртом. Пользоваться такими сумками на поле боя было крайне неудобно. Одноразовые шприцы были в дефиците. Для иммобилизации конечностей имелись лестничные шины. При переломах позвоночника и таза в условиях боя я давал команду, чтобы мне несли полотно дверей с брошенных домов. При поездках в медицинскую роту я старался привезти в батальон буквально все, что дадут. Все могло пригодиться. Один раз были сложности с обслуживанием тяжелораненого солдата: ему оторвало ногу на уровне коленного сустава взрывом гранаты гранатомета. Он просто захотел в туалет, а подкладного судна не было. Вместо перевязочного стола я использовал деревянную кушетку, на которую положили матрац и укрыли клеенкой. Были сложности с трансфузионной терапией: все жидкости были в стеклянных флаконах, из бинтов делали держалки, в стенку медпункта вбивались гвозди, на которые вешали флаконы. В вертолет загружался раненый, и одновременно приходилось передавать флаконы. Попадались трофейные системы для инфузионной терапии, сделанные из пластика. Солдат и офицеров батальона я просил, чтобы они, если найдут медикаменты и медицинские предметы, приносили мне. Как-то в медпункт зашел солдат с упаковкой таблеток. Он сказал мне, что принимает их уже неделю, думая, что это витамины. По характерному виду упаковки я понял, что это противозачаточные средства. Солдат был сильно смущен. Изредка привозили и спирт. Его привез раз начмед бригады, но вечером он попросил меня достать «антигрустин», я сразу не понял, но потом до меня дошло.

Непонятно зачем привезли ящик

с антистенокардическим препаратом «Сустак-мите», ишемической болезнью в батальоне никто не страдал. Данный препарат я отсыпал генералу, который убежал в вертолет слишком быстро. Генерала увидели душманы, поставили миномет, стали обстреливать расположение нашего батальона среди белого дня, надеясь подзаработать.

Были проблемы с освещением. Пришлось разжиться керосиновыми лампами. Пленные несли их мне в медпункт с поднятыми вверх руками. Когда появился электрогенератор, стало легче работать. Будучи в медицинской роте в последний раз, я привез в батальон вертикальный автоклав, стоматологические и хирургические инструменты.

О передвижении по дорогам

Спланированное передвижение по дорогам Афганистана было наиболее опасным. Когда все перемещения были без предварительного планирования, как правило, все заканчивалось благополучно. Когда планировали операции, противник, почему-то, об этом знал. Устраивал на дорогах засады.

У меня были случаи, когда надо было отправить в госпиталь в Кабул раненых и больных незамедлительно.

Один раз солдату своей же товарищ прострелил бедро, кровотечение было довольно сильным. По локализации ранения можно было подумать о повреждении бедренной артерии. Был уже вечер.

Мне пришлось обратиться к командиру батальона с просьбой эвакуировать раненого, не дожидаясь утра. Комбат дал команду, и одна из рот отправилась в Кабул. Выезд был быстрым и неожиданным для душман. Они не успели заминировать дорогу и выставить засады. Поездка в Кабул окончилась благополучно.

В другой раз у солдата заболел живот, и я диагностировал аппендицит. Поступили, как и в первом случае. Все закончилось благополучно.

На прием пришел солдат, и я поставил диагноз: флегмона голени. Солдат был отправлен на лечение в медицинскую роту бригады. Кто-то его в медицинской роте «обидел». А солдат уже выздоравливал. Он решил проявить «геройство» и отправиться в расположение батальона пешим порядком. Предварительно солдат вооружился: в вещмешок набрал наступательные гранаты РГД. Никто не заметил, как солдат покинул расположение бригады. Он шел по дороге и, когда считал нужным, приводил гранаты в действие. Так достиг перевала, где его остановили солдаты афганской армии на стационарном посту. Скоро пришла на перевал наша колонна, в которой находился начальник штаба бригады. Естественно, на этом геройский поход солдата закончился. Видимо, у него наблюдалось некоторое реактивное состояние.

Однажды, будучи в медицинской роте, пришлось долго ждать колонны на Кабул. Вертолетов тоже не было. В бригаде также оказались наши офицеры

и солдаты, они прибыли для получения различного имущества и обмундирования. Я тоже набрал медицинское имущество для медпункта батальона. Мы приняли решение следовать в расположение батальона на ГАЗ-66. Всё загрузили в кузов. Там разместились несколько солдат с оружием на изготовку. Я, водитель, офицер батальона разместились в кабине автомобиля. Я сидел по центру, непосредственно на двигателе, слегка упираясь ногами в лобовое стекло, справа от меня находился офицер. Он посоветовал мне, если кто-нибудь появится на дороге, стрелять прямо через лобовое стекло. Мы лихо доехали до перевала, а когда миновали его, вдруг выяснилось, что у машины отказали тормоза. В итоге мы скатились с перевала прямо в расположение батальона. Комбат нас долго ругал за такое безрассудство.

О воспитании личного состава.

Проблема поддержания воинской дисциплины всегда была и, видимо, останется в будущем. В комментариях я увидел замечание товарища о мордобитии с воспитательными целями, его это несколько удивило.

Я служил поначалу в военно-строительном отряде, посмотрелся этих чудес вдоволь. Естественно, в армию приходят разные люди: различного воспитания, интеллекта, склада характера. За мою практическую деятельность у меня не

было серьезных конфликтов с подчиненными и до рукоприкладства никогда не доходило. Вообще врач, естественно, не должен бить больных и подчиненных, это было бы дико, но встречались и такие врачи. Один раз я наблюдал, как военный врач мутузил подчиненного за воровство. Конечно, могут быть срывы. Я как-то выволок солдата с медицинского пункта на плац за чрезмерные, необоснованные и наглые требования ко мне. Правда, быстро остыл, и мы с миром разошлись.

Некоторые военнослужащие умышленно и провокационно доводили офицеров и своих сослуживцев до конфликта, чтобы потом найти причину для ухода из армии. Один из наших солдат довел своих товарищей до того, что они стали просить офицеров убрать этого солдата из казармы во избежание более серьезных осложнений. Но солдат, попав под опеку и защиту офицеров, решил воздействовать и на психику офицеров, испытывая их терпение.

В другой раз я вдруг увидел, что наш замполит размахался пистолетом около головы Курбаниязова, правда, в тот момент замполит был не совсем трезвым. Пришлось вмешаться и взять Курбаниязова под свою защиту.

Один из замполитов был человеком со странностями. Я был вызван к нему и должен был выступить в качестве свидетеля. Привели солдата, он что-то натворил. В руках солдат держал два ведра. Замполит отдал солдату приказ в воспитательных целях очистить туалет.

Подобный случай был у меня и в военно-строительном отряде. Начальник штаба отряда воспитывал солдата, находясь в пьяном состоянии. Он гово-

рил ему, что он офицер и имеет право выпивать, а солдат не должен пить. Так как они были оба пьяные, быстро договорились и стали к вечеру друзьями. А я при этом был свидетелем.

Сам воспитатель должен быть примером для подчиненных, но не отрицательным примером.

Заменщик Курбаниязова был весьма трусават. Этот горе-водитель то карбюратор разберет броневика, то коробку передач. Я долго ему внушал, что ему придется все равно ехать вместе со мной, не на «таблетке», так на БМД. Мои устные внушения иногда срывались на крик, и я шумел на весь батальон.

В Афганистане было весьма опасно перегибать палку при воспитании подчиненных, так как в руках всегда оружие.

Воспоминания врача батальона. Часть пятая.

Приключение русского в Афганистане.

Незаменимых, как известно, у нас нет. Есть незаменимые.

Был в батальоне лейтенант-двухгодичник, честно отслужил свои два года.

Пришло время ехать в Союз, а уехать он не может, так как его личное дело где-то потеряли. Было принято дембелей не трогать, на боевые операции не брать. Вот и сидит наш дембель в расположении, чай пьет, анашу курит и периодически ходит к связистам звонить в бригаду с требованием быстрее его уволить. Начальство меняется, и никто ничего не

делает для этого.

Он часто приходит ко мне пить чай: перед отъездом в Афганистан я купил большой брикет зеленого чая, так как знал, что именно он утоляет жажду в жару. Брикет был очень твердый, поэтому кусок чая от него можно было только отпилить или отбить молотком.

Через некоторое время в батальон прибывает очередной генерал с проверкой. Мы сидим в комнате и пьем чай. Дембель за столом – в белом солдатском нижнем белье. Вдруг дверь открывается, входит генерал с командиром батальона. Я встаю и представляюсь, а дембель отхлебывает чай из пиалы и спокойно ложится в постель. Генерал несколько оторопел, комбат тут же доложил о печальной судьбе человека. Генерал пообещал разобраться, но когда уехал, все осталось по-прежнему.

В один морозный зимний день наш дембель с горя напился и, видимо, усугубил свое состояние курением анаши. Никто не заметил, как он рано утром сел на ремонтную машину и один поехал в сторону Кабула. Но не знал он, что на ночь солдат-водитель слил воду из системы охлаждения двигателя. Лейтенант проехал километров десять, и двигатель заклинило. Через некоторое время к КПП батальона подкатил афганский автобус, водитель которого протянул часовому записку. В записке дембель писал, где он находится, и просил быстрее его забрать: дурь у него прошла, и он начал трезво оценивать обстановку. Сразу снарядили экспедицию по его спасению.

Комбат сильно ругался, дембель после долго чинил и перебирал двигатель.

Как то раз дембель вернулся с «охоты», поставил трофейный дробовик в угол и бросил на пол оконечный труп шакала, назвав его лисой.

В конце концов, его контрабандным путем отправили в Союз. На таможне у него опять были приключения.

Основной инстинкт.

Мы все уходили в Афганистан на два года без семьи. Отпуск предоставлялся только раз за весь срок.

Непосредственно в нашем батальоне женщин не было. Меня все пытались уговорить выписать медицинскую сестру в медпункт батальона, якобы, только я остался «лопух-простофиля», а у остальных медицинские сестры уже есть. Я упорно медсестру не выписывал.

Естественно, медсестры в медицинской роте бригады были. А наши мужики страдали. Их страдания проявлялись в разных формах.

Один из офицеров под ковром на стене налепил картинки полуголых женщин. По батальону гуляла колода карт с соответствующим содержанием...

Раз к нам прилетели какие-то дамы, вокруг них побегали, дали стрельнуть из гранатомёта и автоматов, на этом всё и кончилось.

В медицинской роте было веселее. Когда я приехал туда однажды, то вдруг заметил у двоих офицеров-медиков «фонари» под глазами. Накануне вечером они не поделили медицинскую сестру, устроили пальбу из пистолетов, бегая друг за другом вокруг расположения роты. Их, естественно, разняли и отделили друг от друга. Со слов комбата нам было известно, что в одном из гарнизонов устроили подобную дуэль майор и лейтенант, в результате лейтенант застрелил майора.

В военном госпитале в Кабуле оперировали прапорщика, который вместе с товарищем попытался зайти в местный публичный дом. В итоге товарища убили, а прапорщику прострелили череп, но он остался жив.

Дети вдоль дороги кричали: «Шурави, баба хочешь». Естественно, с такими последствиями никто «баба» не хотел, с женщинами в батальоне был «сухой закон».

На отдаленной точке два прапора купили себе жену из местных. Она жила с ними два года, потом прибыл вертолет, и прапора улетели. Женщина расстроилась и пошла жаловаться в Кабул. Нам зачитывали об этом случае приказа.

Бакшиши на дембель.

Все прекрасно знают, что наша страна в те времена была страной дефицита. Конечно, хотелось каждому что-нибудь привезти в качестве подарка жене, детям... Основными, конечно, были кожанно-меховые изделия: кожаные плащи, пиджаки, дублёнки, шапки. Смешно было смотреть, как мужики вспоминают габариты своих жён, примеряя дублёнки на себя, отложив автоматы в сторону. Конечно, хождение за подарками по дуканам было небезопасно, ни в коем случае нельзя было ходить одному, и всегда надо было брать оружие. Покупали также и некоторые украшения, я, например, привёз пару бус из гранатовых камней.

В отпуске некоторые спрашивали

меня об алмазах. Ходили слухи, что мы гребём алмазы лопатой.

Один раз моя супруга написала письмо с просьбой привезти кусок сандалового дерева для запаха в квартире. Мы долго смеялись, где это у нас растут сандаловые деревья. Ещё к джентльменскому набору покупали обычно джинсы и трусики-«неделька».

Для себя мужики покупали другой набор: радио, магнитолы и часы. При нынешнем изобилии обо всём этом смешно вспоминать, но тогда это было очень актуально!

О наркотиках и наркотической зависимости.

В Афганистане достать наркотические вещества особых проблем не составляло.

Душманы, по слухам, имели приказ снабжать наркотиками советские войска без ограничений. Выходишь за пределы расположения батальона, ловишь первого же бачу, спрашиваешь: «Бача, чарз аст?». Через 10-15 минут бача приносит кусок анаши за мизерную плату – банку сгущенного молока, к примеру. По этой причине приобрести анашу мог каждый. Были случаи, когда брали в плен душман, а те предлагали анашу солдатам в обмен на свободу.

Конечно, анашу употреблял не каждый солдат и, тем более, офицер. Один раз я застал за этим делом своего Курбаниязова, он сидел в углу медицинского пункта в заторможенном состоянии, его зрачки были сильно расширены. На мой вопрос: «Что с тобой?» — он ответил: «Анаша, маленько пробовал, начальник».

Вечером, когда шел по расположе-

нию батальона, зачастую чувствовался характерный сладковато-приторный запах. Один из офицеров двухгодичников откровенно увлекался курением анаши. Решил затариться и на дембель. В итоге на таможне он не только отдал анашу, но и все то, что заработал.

В батальон для помощи мне прибыл «эпидидимиолог». Умышленно делаю ошибку в этом слове, так как этого «специалиста» по другому назвать нельзя. О его прибытии мне доложили с утра, но встретить его я смог только вечером. Он слонялся по расположению батальона и пил брагу там, где наливали. Вечером два солдата, смеясь, втащили его под руки в медицинский пункт. С порога он крикнул: «Наливай! Я твой начальник». Мы с Курбаниязовым ему не налили, а уложили спать. Ночью я услышал журчание, затем ворчание Курбаниязова на нерусском языке и звук передернутого затвора автомата. Я успел только крикнуть: «Курбаниязов, не стреляй». Зажег керосинку: наше «чудо» помочилось на Курбаниязова и почему-то стало искать партийный билет. Мы с большим трудом его успокоили, отобрали оружие, спрятали свое.

Утром я обнаружил под его кроватью множество упаковок из-под барбитуратов и один использованный шприц-тюбик (промедол). Его начало трясти, он стал просить, чтобы мы ему дали промедолу ещё. Пришлось дать, но он не мог попасть себе в вену, тогда я сам сделал ему укол в заднее место, он успокоился и осмотрелся. На стене он увидел фотографию моей жены с дочерью и заявил мне, что учился с ней в одной группе в Куйбышевском медицинском институте. Потом он просил дать ему промедола в

дорогу для оказания медицинской помощи раненым, мы ему ничего не дали. В дальнейшем я слышал, что этого горедоктора уволили из рядов Вооруженных Сил.

Досуг

Поначалу было довольно тоскливо, особенно зимой. Телевизор был только у местных хадовцев. Естественно, просмотр телепрограмм был возможен не для каждого и в редких случаях. Впоследствии появилась спутниковая антенна, с отпусков привезли портативные телевизоры и, когда работал электрогенератор, мы смотрели телепередачи, в том числе из Союза.

Потом вдруг приехала библиотека, замполит её долго готовил. Я пошёл посмотреть ассортимент литературы. Что мне больше всего запомнилось, там было полное собрание сочинений вьетнамского государственного деятеля – товарища Лезуана в три десятка томов.

Также пытались крутить киноустановкой какое-то кино, но сеансы были редки.

У меня любимым занятием было хождение в гости в подразделения, ко мне все относились хорошо.

Новый Год мы встречали по полной программе, с фейерверком. Душманы тоже, видимо, сочувствуя нам, проявляли солидарность в этом отношении.

Раз, после очередного вечера отдыха, прилетел комбриг на вертолете. Застал некоторых офицеров в горизонтальном положении, лежащих веером по направлению к емкости с брагой. Солдаты бродили по территории, группа из них пыталась выдернуть 120 мм мину из земли. Ночью, видимо, ствол миномета поставили слишком вертикально. Увидев меня на ногах, комбриг очень удивился.

Один из комбатов как-то заставил меня открыть «Таблетку» на предмет поиска емкости с брагой. Кто-то у него ее увел. Ставили брагу не только офицеры, но и солдаты. Естественно, это все пряталось.

Настрелялся я, как и многие, с различных видов оружия. Это тоже было временем препровождения. Конечно, особенно было интересно стрельнуть с трофейного оружия, так как некоторые образцы были весьма экзотичны.

По батальону ходила трофейная белая лошадь. Народ любил, взяв в руки саблю, поскакать на ней, изображая буденновца. В итоге лошадь зашла на минное поле и подорвалась.

Было увлечение вырезать что-нибудь по дереву резцами, я увлекался этим делом и раньше. В 7 роте у старшего лейтенанта Мирджанарова это дело выходило особенно хорошо.

Иногда просто маялись дурью, пытались накормить афганцев свинятиной, поили брагой, потом отправляли на дорогу и долго смотрели вслед считающему углы дороги афганцу.

Замполит решил поставить флажки с флагами наших республик, потом загнали на постамент БМД и написали: «Слава советским десантникам». Работая памятником, БМД периодически постреливал...

Соорудили плац с трибуной, устраивали строевые смотры с парадами. Строительство было также формой досуга.

А летом были сплошные боевые операции, особо расслабляться было некогда.

Об учебе и стажировке по хирургии в Кабульском госпитале.

Во время пребывания в Гардезе, в медицинской роте, я использовал время для совершенствования своих теоретических и практических навыков в области военной медицины. Несмотря на мой небольшой хирургический опыт, приходилось заниматься довольно серьезными делами. Ведь медиков, кроме меня, в нашей провинции не было.

Пришлось мне в некоторой степени приобрести практические навыки и в области стоматологии. Один раз ко мне пришел командир артиллерийской батареи Ларионов Валерий, у него сильно болели зубы. Он прямо с порога медицинского пункта предложил мне удалить их. Было непонятно, какой зуб конкретно болит. Я пригласил для консультации одного из санитарных инструкторов, который до службы в армии работал зубным техником. Он отговорил меня от радикальных мер. Я взял шприц с промедолом и сделал укол Ларионову. Он ушел в свое расположение, а я стал надеяться, что, возможно, скоро прилетит вертолет, и я отправлю Ларионова в военный госпиталь в Кабул. Вертолет не прилетел ни на второй день, ни на третий. Ларионов стал систематически посещать медицинский пункт, а я стал наращивать дозу наркотических веществ. В конце концов, Ларионов усугубил действие наркотиков алкоголем, и у него начались галлюцинации. Уже на четвертый день прилетел вертолет, и Валера убыл в Кабул лечить

зубы. Будучи в медицинской роте, я взял несколько уроков по удалению зубов у нашего стоматолога и инфекциониста бригады Валеры Левченко, который был стоматологом-любителем.

Приходилось выполнять непосредственно в медицинском пункте сложные первичные хирургические обработки ран. Как-то ко мне в гости заехал Валера Левченко. Мы вечером сидим в медпункте, вдруг открывается дверь, входит солдат с панамой на руке. Солдат спрашивает, можем ли мы сделать ему сейчас небольшую перевязку? Я снимаю панаму с его кисти и вижу, что на ней отсутствуют практически все пальцы. Солдат говорит, что подобрал с земли предмет, похожий на зажигалку, произошел взрыв. Пришлось выполнить новокаиновую блокаду и произвести щадящую первичную хирургическую обработку кисти.

После отпуска, через некоторое время, мне вдруг предложили отправиться в Кабул на стажировку в военный госпиталь. Добирался я до Кабула с приключениями: подсел в санитарный автомобиль провизора нашей бригады Виктора Гниденко, он ехал пополнять запасы медикаментов. Начиная от нашего расположения, ехали довольно весело. Повесили на правую дверцу автомобиля два бронежилета для защиты от возможного попадания пуль. В конце концов, колону обстреляли. Мы со страху выпили грамм по сто спирта, я подавал магазины с патронами, а Виктор стрелял по кустам почти до самого Кабула.

В госпитале, в основном, я работал как ассистент с врачами-хирургами. Особенно мне запомнился травматолог госпиталя полковник медицинской службы Кукуруз Ярослав Степанович, который был специалистом высокой квалификации. Он виртуозно оперировал раненых обычно под какую-то музыку. Другой его коллега специализировался на ампутациях. В дальнейшем мое знакомство с ними очень понадобилось.

Участвовал я в операциях на грудной клетке, брюшной полости и черепе. Нейрохирург брал на операцию крайне тяжелых раненых. Мне очень запомнились операции при огнестрельных ранениях черепа, когда пуля пробивала одновременно два полушария мозга. Это были безнадежные раненые, они быстро умирали после отсоединения системы жизнеобеспечения.

Однажды доставили раненого в живот, пуля пробила ему прямую кишку и задела позвоночник. В отдельном медицинском батальоне молодые хирур-

ги не выполнили операцию наложения противоестественного заднего прохода. Поэтому развился перитонит, швы передней брюшной стенки разошлись, сформировались гнойные затеки, в момент операции открылись эрозивные кровотечения. Несмотря на все усилия раненый погиб. Видел я и другие случаи смерти...

Как осложнение заболевания брюшным тифом наблюдались перфорации кишечника, в результате развивался перитонит. Естественно, мне не доверяли выполнять что-то сложное. Один раз выполнял практически самостоятельно первичную хирургическую обработку огнестрельного ранения правой голени. Солдат выстрелил в себя сам.

Кроме огнестрельных ранений лечили и хирургическую патологию, то есть выполняли плановые операции: грыжесечение, аппендэктомии и т.д. Естественно, толк от хирургической стажировки был, но в условиях медицинского пункта батальона выполнять что-то сложное невозможно. Нет оснащения, нет стерильности, нет ассистентов. Не имея ампутационного ножа, мне приходилось выполнять транспортные ампутации конечностей с помощью ножниц. После завершения стажировки я убыл в свой батальон.

О ранении, лечении и судьбе в целом.

Как-то открывая банку с тушенкой, я случайно порезался и подумал: дай Бог, чтобы это было моим единственным ранением в Афганистане, но судьба распорядилась по другому. В меня не попадали пули при обстрелах, граната, выпущенная с гранатомета, не причинила мне вреда, взорвавшись рядом, я не наехал на своей «таблетке» на противотанковую мину. Чувство постоянной опасности было всегда. Кто говорит, что страха нет, говорит неправду. В процессе боя чувство страха несколько притупляется, начинаешь делать свою работу. А после постепенно осознаешь, что был недалеко от возможной гибели. Как и все, снимал состояние стресса, обычно употреблял ликероводочные изделия после боя. День проходил один за другим.

В феврале 1983 года я уже готовился отметить свой очередной день рождения, осталось 8 дней. Предстоял запланированный боевой выход батальона с целью проводки очередной колонны.

Посмотрев на Курбаниязова, я сказал, что еду сегодня последний раз. Если будет еще какая-либо боевая операция, поедет он. Потом вдруг я добавил: если со мной что-нибудь случится, то привезете мой рюкзак с вещами в госпиталь.

В начале операции все было нормально, я ехал сверху на своем бронетранспортере, как мишень. До нужного места добрались хорошо, я слез с бронетранспортера и присоединился к небольшой группе солдат. Мы сошли с асфальта основной дороги и двинулись по грунтовке между двумя домами, я обратил внимание, что грунтовка была усыпана соломой. Ранее наши солдаты и офицеры неоднократно были в этом месте. Один из солдат вошел внутрь двора дома, я оказался недалеко от открытой двери, слева от меня были другие солдаты. Потом я увидел над своей головой слева вспышку, раздался взрыв. Меня сильно ударило слева по голове, левой руке и правой ноге, я упал. Лежа на земле, я увидел, что кисть левой руки получила сильное повреждение. Попытался встать, сразу же почувствовал сильную боль в области голени правой ноги, увидел кровь, понял, что это открытый перелом, снова упал, кровь фонтаном била из области носа, заливая рот.

Кроме меня был ранен один из солдат, но ранение у него было легким. Меня схватили и понесли к основной дороге. Уже на ней мне стали колоть промедол и накладывать повязки на раны. Я пытался руководить наложением шин на правую ногу. В итоге мне сделали шесть промедолин, стало несколько легче.

Меня загрузили на БТР, который следовал в Кабул. Какой-то прапорщик, сидя рядом со мной, говорил своему товарищу, что теперь мне все лишнее обрежут. До Кабула добрались довольно быстро. В приемном покое вокруг меня

бегали, брали анализы, делали рентген черепа. Одежду всю срезали, бронежилет сняли, каска оказалась поврежденной. Благодаря каске и бронежилету я остался живой.

Позвали хирурга, я его знал как большого специалиста по ампутациям. Он стал говорить мне, что нога плохая. Я ему дал понять, чтобы он от меня отошел. Попросил позвать травматолога, полковника медицинской службы Кукуруза Ярослава Степановича.

Осмотрев меня, он пообещал сделать все возможное для спасения ноги. Меня повезли в операционную, на груди лежала история болезни, я успел вычитать, что группа крови не моя. Стал возмущаться, мне сказали, что определяют группу крови заново. Уже в операционной почувствовал резкий озноб, меня укрыли одеялом, стал просить, чтобы дали быстрее наркоз.

Очнулся в реанимации, из всех отверстий торчали шланги, увидел медицинскую сестру, попросил знаками вынуть воздуховод из дыхательных путей. Заметил, что не пришили пятый палец правой кисти, позвали Кукуруза. Он посмеялся над этим, но пришел палец прямо в постели. Именно палец болел сильнее всего. Коллеги сделали все, что могли. В большеберцовую кость правой ноги, внутрь костномозгового канала, для фиксации обломков вогнали стальной стержень (гвоздь «Кюнчера»), сшили переднюю большеберцовую артерию и убрали тромб с задней большеберцовой артерии, остался довольно большой дефект мышц и кожи, который потом возместили пересадкой тканей с левой здоровой голени. Рану на лице закрыли кожей, взятой с бедра, а руку пришлось ампутировать.

Настроение поначалу было пло-

хим, но все доктора стремились меня морально поддержать, естественно, это сыграло огромную роль. Мне купили мумие, я делал раствор и пил его, запивая лимонадом. Раны стали заживать. В Кабуле провалялся более месяца, затем эвакуация в военный госпиталь города Ташкента. В госпитале начался гнойный процесс на ноге, стержень не обеспечил фиксации обломков кости, образовался ложный сустав. Я узнал, что хирургом в госпитале работает полковник медицинской службы Волк, который когда-то работал с моим отцом. Он знал меня лично, я дружил с его сыном в школе. Позвал его к себе. Благодаря ему меня индивидуально эвакуировали в военный госпиталь города Минска. Когда самолет приземлился в аэропорту, меня встречала там жена.

В нашем 432 ГВКГ, травматологическом отделении, я пробыл довольно долго. Меня лечили замечательные люди и специалисты: полковники медицинской службы Маслаков Евгений Андреевич и Шведиков Олег Леонтьевич.

Стержень с большеберцовой кости был извлечен, обломки были фиксированы аппаратом внешней фиксации, гнойный процесс был купирован. Сращение кости наступило через 9 месяцев. Полковник медицинской службы Перепилица Анатолий Александрович организовал мне лечение у профессора Кручинского Гендриха Вадиславовича, который долго штопал мое лицо. Благодаря усилиям многих докторов, медицинских сестер и моих родственников я встал на ноги и вернулся в строй. В итоге меня генерал Немчанинов Сергей Ксенофонович, полковник Савицкий Святослав Федорович определили преподавателем на военную кафедру Минского Государственного Медицинского Института. Естественно, не все было гладко. Когда я был в военном госпитале города Полоцка, по месту жительства родителей и жены, пришли отголоски письма жены в Главное политическое управление МО СССР. Ко мне начали ездить замполиты. В итоге я получил квартиру в Минске и свой первый орден «За службу Родине в ВС СССР» 3 степени, что меня несколько удивило. Могу добавить к этому, что через 5 лет моему брату Войту Алексею Петровичу в ТуркВО пытались вручить орден «Красного Знамени», потом он в итоге пришел по назначению ко мне. Дослужился я до полковника медицинской службы, начальника кафедры. В данный момент я военный пенсионер, работаю пока на кафедре преподавателем.

О других военных медиках.

Я хочу рассказать о других военных медиках, с которыми мне довелось встретиться по жизни, они служили в других частях сороковой армии.

Владимир Сидельников, врач-хирург медицинской роты, кавалер орденов Красного Знамени, Красной Звезды. Был трижды ранен. Последнее ранение было при следующих обстоятельствах: он был вызван в один из батальонов осмотреть солдата на предмет заболевания аппендицитом. Забрав того солдата, поехал обратно в медицинскую роту, душманы поставили мину. Санитарная машина, наехав на мину, подорвалась. Водителя и больного убило, а Володню выбросило из кабины автомобиля на дорогу, он получил ранения. Я встретился с ним в военном госпитале в городе Ташкенте. Он сильно помог мне морально в тяжелые минуты моей жизни.

Николай Кожемяченко — военный врач. Оказывая помощь раненому, подорвался на минном поле. Потерял руку и ногу, перенес множество операций. Я довольно часто встречаюсь с ним, в данный момент работает врачом - медицинским статистом.

И таких примеров довольно много. Военные врачи мужественно выполняли свой профессиональный долг.

Некоторые имена и фамилии я умышленно не называл из-за этических соображений, врачебной тайны и медицинской деонтологии. Некоторых уже и нет в живых, время делает свое дело. Некоторых фамилий и имен я просто не помню, буду благодарен за подсказку. Вымыслов в моем повествовании нет, могут быть некоторые неточности. Описано все то, что помню, что видел своими глазами. Это наша жизнь, наша война. Я лично горд, что мне довелось служить в десантно-штурмовом батальоне вместе с настоящими мужиками. Нисколько ни о чем не жалею, сам выбрал судьбу военного. Старался делать все, что мог и умел.

О политике говорить не хочу, но нашим руководителям нужно лучше думать, прежде чем посылать свой народ на войну. Нам нечего стыдиться. Мы выполнили свой профессиональный долг.

Юрий Беридзе

http://artofwar.ru/b/beridze_j_w/

Пацаны

(Песня)

Год за годом идет, и уже не видны -
затянулись со временем раны,
шрамы той незабытой и страшной войны,
и все меньше в строю ветеранов.
Бьетса Вечный огонь у Кремлевской стены,
это горькое наше наследство...
Проживите подольше хоть вы, пацаны,
что сражались без скидок на детство.

Припев

Пацаны, пацаны, пацаны
той далекой и долгой войны.
Как вы дороги нам, как нужны,
вы и совесть, и слава страны,
пацаны той великой войны.
Пацаны, пацаны, пацаны
той далекой и долгой войны.
Как вы дороги нам, как нужны,
вы и совесть, и слава страны,
пацаны той великой войны.

Как вы дороги нам...

День Победы салютом грохочет в закат,
Озаряя полнеба, полсвета.
Есть в истории Родины множество дат,
среди них величайшая - эта.
Так несите же память победной весны -
до конца, до последнего вздоха.
Многих лет вам, родные мои пацаны
той великой военной эпохи.

Пацаны, пацаны, пацаны
той далекой и долгой войны.
Как вы дороги нам, как нужны,
вы и совесть, и слава страны,
пацаны той великой войны.
Пацаны, пацаны, пацаны
той далекой и долгой войны.
Как вы дороги нам, как нужны,
вы и совесть, и слава страны,
пацаны той великой войны.

Как вы дороги, дороги нам...

Как Александр Михайлович

После рукопашной мы чуть остыли, смотрю и вижу только двоих немцев из тех, кого я убил. Начал метаться по траншее...

Где третий немец? Где ?!!! Переворачивал немецкие трупы и искал «своего» рыжего. Когда убивал, заметил что он рыжий... Переживал, что, может, он жив остался и отполз куда-то, а эту сволочь обязательно надо добить!.. Понимаете, до какой стадии озверения я дошел... Но обычно, даже если нам и удавалось выбить немцев из первой траншеи и захватить ее, то через несколько часов немцы возвращали утраченные позиции. Расстреливали весь участок из орудий и минометов, потом долго бомбили и после немцы шли в контратаку. У нас уже не оставалось людей, чтобы удерживать захваченные позиции... Мы откатывались назад.

Интервью: Григорий Койфман
Лит. обработка: Григорий Койфман

<http://www.iremember.ru/content/view/431/2/lang,ru/>

А.М.Г.— Я родился в Москве в сентябре 1922 года. Учился в школе № 618, расположенной рядом с Бауманским садом, знаменитым своей танцплощадкой, эстрадой и бильярдной. Возле школы располагалась московская гарнизонная гауптвахта, на которой в 1953 году сидел и дожидался своей участи Лаврентий Берия. Я был активным комсомольцем. В 1940 году я окончил школу и поступил учиться на исторический факультет Московского Педагогического института имени Карла Либкнехта, находившегося на углу улицы Разгуляй. Сразу в армию меня не призвали. Из-за сильной близорукости я носил очки с толстыми линзами, и на медкомиссии в военкомате врачи полистали какие-то инструкции... и меня признали негодным к армейской службе, и выдали мне «белый билет». Это событие меня сильно задело, я чувствовал себя почти оскорбленным таким решением комиссии. У нас в институте был прекрасный стрелковый тир, и я часто пропадал в этом тире, желая научиться хорошо стрелять, невзирая на слабое зрение, и мечтая доказать в военкомате, что они ошиблись, забраковав меня на призыве. Через два года умение стрелять мне сильно пригодилось в Сталинграде. Летом сорок первого года я перешел на второй курс истфака. После объявления о начале войны я сразу пришел в военкомат проситься добровольно на фронт, но снова медкомиссия вынесла вердикт — «К службе не годен»... Так называемых «очкариков» в армию в начале

войны еще не брали... 26/6/1941 комитет комсомола института получил указание провести комсомольскую мобилизацию и создать отряд для оборонного строительства. Я записался в этот отряд. Нас погрузили в теплушки, и поезда пошли на запад. Большую группу московских студентов, примерно 25 тысяч человек, привезли в Смоленскую область и распределили по районам. Я попал в группу землекопов под Ельню. Почти три месяца пришлось провести на строительных работах. Мы рыли противотанковые рвы, строили ДОТы и ДЗОТы, эскарпировали берега мелких рек. Все это сразу же передавалось воинским подразделениям, занимавшим оборону. Нас нещадно бомбили, и среди студентов было немало убитых и раненых. Немцы кидали нам с самолетов листовки со следующим текстом — «Студенты! Не старайтесь! Мы и так все знаем про вашу оборону». Внизу листовки была начерчена схема размещения наших войск и план наших оборонительных сооружений. В сентябре немцы прорвали фронт. По счастливому стечению обстоятельств мне с товарищами удалось вырваться из окружения в кузове армейского грузовика. Вернулся в Москву с большими трудностями только в конце сентября. Мой институт уже отправился в эвакуацию. Родители тоже эвакуировались. Старший брат Коля к тому времени уже был на фронте. Я остался в городе. Пятнадцатого октября сорок первого года началась знаменитая — «Московская паника». Люди кинулись

грабить магазины и заводы, растаскивали все, что попадало под руку. Никакой охраны нигде не было. Большая часть милиции уже была на передовой, а остальные попрятались. Пошел к железной дороге, а там такой переполох... Десятки тысяч людей рвутся к вокзалам, крики, плач, жуткая давка. Со своим школьным товарищем Андреем Сергиным пошли в военкомат записываться в ополчение. Уже спокойно брали в ополчение «белобилетников», калек, «политически неблагонадежных», студентов и так далее. Но нас не взяли в армию! Причины отказа нам не объяснили. Военком сказал — «Ждите, мы вас сами вызовем»... Мне нечего было делать в Москве, голод меня почти доконал. Я решил отправиться в эвакуацию к родителям. За несколько недель доехал до города Фрунзе, нашел отца, встал на учет в военкомате. А через два дня после прибытия в Киргизию, 2/01/1942, «по блату» ушел добровольцем в армию.

Г.К. — Как Вам удалось призваться?

А.М.Г. — Я же говорю, «по блату». Брат матери служил в Киргизии, был подполковником. Он как раз получил назначение на фронт, в Панфиловскую дивизию, и должен был отбыть в свою новую часть со дня на день. Я сказал дяде, что мне стыдно быть в тылу в такое трудное для Родины время и попросил о помощи с призывом. Он договорился в военкомате, чтобы меня оформили добровольцем. Пришел на комиссию, там

«закрыли глаза» на мой «белый билет». Увидев, что перед ними бывший студент, сразу выдали направление во Фрунзенское пехотное училище. Так я стал курсантом ФПУ.

Г.К. – Как вы оцениваете уровень подготовки курсантов в ФПУ?

А.М.Г. – Подготовили нас очень слабо. Преподавателей-фронтовиков в училище не было. Нас просто шесть месяцев гоняли в марш-броски по горам и полям. Пулемет «максим» мы еще с грехом пополам изучили, но, например, я так и не увидел в глаза ПППШ или миномет 82-мм. Вообще вся учеба в училище у меня в памяти ассоциируется со словами: жара, горы, пот, тупая муштра. Было довольно голодно. Нас все время кормили «ржавой» селедкой. В середине июля 1942 года состоялся выпуск нашего курса. Всем присвоили звание младшего лейтенанта, выдали сапоги, новое армейское обмундирование. Но, если говорить честно, командовать взводами мы так толком и не научились...

Г.К. – На какой фронт Вас направили?

А.М.Г. – В составе команды из ста выпускников училища я попал под Сталинград. Меня распределили в 38-ю СД. В штабе дивизии каждый получил назначение в полк. Помню, как впервые шел к передовой, к штабу полка. В двухстах метрах от меня выехала на огневую позицию наша «катюша». Установка дала одиночный залп и моментально ушла с позиции. Я был более чем поражен увиденным зрелищем. Незабываемое восхищение. А через две минуты этот участок подвергся сильнейшей бомбежке, под которую и меня угораздило попасть... В штабе полка мне выдали пистолет ТТ, записали мои данные в «гросбух» по учету личного состава. Через час я уже был на передовой. Так начались двадцать восемь дней моей «сталинградской жизни».

Г.К. – Ваша дивизия вела в этот период бои за Котлубань. Чем Вам лично запомнился «сталинградский ад»?

А.М.Г. – Наша оборона состояла из отдельных «ячеек», но были и участки с вырытыми траншеями полного профиля. КП командира роты расположился под подбитым танком. Дивизия считалась «сибирской», в ней было очень много пожилых солдат-сибиряков, отличавшихся особой стойкостью в боях. Но через десять дней, из-за жутких потерь, почти 70% личного состава стрелковых рот составляли молодые солдаты из Средней Азии, прибывшие с очередным пополнением. Нейтральная полоса

была примерно 350–400 метров. Местность впереди и позади нас была забита немецкой и нашей подбитой техникой. Огромное количество наших сгоревших танков. От этого зрелища становилось жутко. Убитых в те дни никто не убирал и не хоронил. Множество трупов лежало и разлагалось на участке нашей обороны и на нейтралке. Бомбили нас ежедневно и многократно. У немцев было полное господство в воздухе.

Г.К. – Как Вас приняли во взводе? Как происходило Ваше становление на передовой в качестве пехотного командира?

А.М.Г. – Старые солдаты отнесли ко мне покровительственно. На третий день старшина принес во взвод снайперскую винтовку и дал мне ее в руки. Такой вот «экзамен на зрелость». Пополз на нейтралку на рассвете, незаметно добрался почти до немецких позиций. Увидел в оптику, как два немецких офицера умываются, поливая друг друга из ведра. Одного из них «снял» первым же выстрелом. Его товарищ подхватил убитого за ноги и затащил в блиндаж. Это был мой «первый немец». Очень мне помог понять войну и привыкнуть к передовой командир соседнего взвода, бесстрашный и отважный лейтенант по фамилии Сулла. Помню его слова перед первой моей атакой – «Не гнись пулям там, где не надо!». Так что, на все про все у меня было трое суток. А потом начался настоящий кошмар... Мы непрерывно ходили в атаки. Тяжелейшие бои. Нам постоянно ставили одну задачу – «Захватить немецкий передний край и отбросить врага!». Как было страшно вылезти из окопа навстречу убийственному огню!.. Но сам идешь вперед, и людей за собой ведешь, с матом на устах – «Бл...!». Каждый день винтовку со штыком берешь в руки и – «Ура!!!». После войны мне эти сентябрьские сталинградские дни еще долго снились. Почти каждую ночь во сне «ходил в штыковую».

Г.К. – В рукопашные схватки под Котлубанью часто приходилось вступать?

А.М.Г. – Несколько раз было. После одной такой рукопашной я чуть с ума не сошел. Убил троих немцев. После рукопашной мы чуть остыли, смотрю и вижу только двоих немцев из тех, кого я убил. Начал метаться по траншее... Где третий немец? Где ?!!! Переворачивал немецкие трупы и искал «своего» рыжего. Когда убивал, заметил что он рыжий... Переживал, что, может, он жив остался и отполз куда-то, а эту сволочь обязательно надо добить!.. Понимаете, до какой стадии

озверения я дошел... Но обычно, даже если нам и удавалось выбить немцев из первой траншеи и захватить ее, то через несколько часов немцы возвращали утраченные позиции. Расстреливали весь участок из орудий и минометов, потом долго бомбили и после немцы шли в контратаку. У нас уже не оставалось людей, чтобы удержать захваченные позиции... Мы откатывались назад.

Г.К. – Какие потери понесла Ваша часть в этих боях?

А.М.Г. – Маленький пример. За двадцать восемь дней через мой взвод прошло больше ста человек. Потери свыше 300%... Можете сами представить себе ожесточенный накал тех боев.

Г.К. – В сентябрьских боях в плен немцев брали?

А.М.Г. – Почти не брали. Даже если и удавалось взять пленного, нам просто некуда было их девать. Понятие – «тылы» было весьма относительным... В те дни вопрос о гуманности вообще не стоял. Брать в плен стали только в начале сорок третьего года. И то, направившись из батальона бойцов отконвоировать восемь пленным, дай Бог, чтобы троих до штаба полка целыми довели. И все равно, оценивая события военных дней, я могу смело заявить, что мы были более человечны по отношению к пленным, чем немцы...

Г.К. – Когда Вас ранило?

А.М.Г. – 28/9/1942. Поднялись в атаку, попали под бризантный огонь, а заодно и под бомбежку. Залегли в ста метрах от немцев. Встал, чтобы снова поднять людей в атаку, и тут мне осколок в левую ногу... Когда в санпоезде меня везли в тыл в госпиталь, в Мелекес, я долго не мог поверить, что вышел живым из этого пекла...

Г.К. – В госпитале долго пролежали?

А.М.Г. – Чуть больше двух месяцев. Эвакогоспиталь № 3273 в Мелекесе. После выписки получил направление на стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава «Выстрел», находившиеся в Москве в районе метро «Сокол». Там были организованы трехмесячные курсы командиров стрелковых рот. Нас было 300 человек на «ротных» курсах. Однажды получил разрешение сходить на свою довоенную квартиру. И надо же было такому случиться, у дверей квартиры, – встречаю своего старшего брата Колю (Хонана), возвращавшегося на фронт через Москву. Это была моя последняя встреча с братом. Коля погиб осенью 1943 года на Украине, поднимая бойцов в контратаку,

пытаясь остановить наши отступающие стрелковые роты. После войны случайно встретил Федора Гнездилова, бывшего командира полка, в котором служил мой брат, и он рассказал, как старший лейтенант Николай Гак погиб от осколка вражеского снаряда на его глазах... Война жестоко прошла по нашей семье. Из восьми двоюродных братьев со стороны матери погибло шестеро, а двое вернулись домой калеками. К нам на выпуск на курсы «Выстрел» приехал командующий МВО, вручил удостоверения об окончании курсов и пожелал успехов в бою. В начале весны 1943 года я уже командовал ротой на Калининском фронте.

Г. К.- При каких обстоятельствах Вы стали командиром батальона?

А.М.Г.- В начале июля меня вызвали в штаб полка и приказали принять под командование батальон 421-го стрелкового полка 119-й СД. Предыдущий комбат, как мне сказали, был отдан под суд трибунала за «неоправданные и чрезмерные потери». Решил этот комбат личную инициативу проявить и захватить два немецких ДОТа, стоявших перед позициями батальона. И гонял свой батальон в атаку на эти злополучные ДОТы, пока все свои роты почти полностью не «схарчил»... Угробил этот товарищ батальон, одним словом. Почему выбор командования пал на меня, не знаю. Тем более, наш комполка, поляк, майор Мараховский, был антисемитом «высшей пробы». За несколько месяцев командования ротой я ничем особым не отличился, шла безрадостная позиционная война в обороне, а там себя в бою трудно показать. Ладно, назначили, так назначили. Остатки батальона, который мне предстояло принять, были временно отведены в ближний тыл, где пополнялись до полной штатной численности и готовились вернуться на передовую.

Г.К. – Как Вас приняли в батальоне? Приходит на батальон среднего роста московский студент — интеллигент в очках. Как отреагировали?

А.М.Г. – «Интеллигентным московским студентом» я был до 3-го сентября сорок второго года, пока первого своего врага не убил. И в этот день вместо «студента» появился другой человек – жесткий, суровый, умеющий убивать и постоять за себя. Да, на первых порах мне не доставало житейского и военного опыта. А очки мне никогда на фронте не мешали. Только когда выпадала возможность сфотографироваться, я снимал их, стеснялся быть на фото в очках. «В окопах Сталинграда» у Некрасова читали?

Там будущий комбат Фарбер тоже был интеллигентом-очкариком, но офицер был прекрасный, и бойцы его любили. Придя в батальон, я собрал всех офицеров, представился, определил задачи и потребовал непрерывной разведки. Кругом леса, болота, без хороших разведанных в таких условиях воевать крайне сложно.

Г.К. – Подчинялись беспрекословно?

А.М.Г. – Не всегда. Были, как говорили, «нарушения оперативного характера»: даешь приказ, и тут ротные начинают рядиться, пойду – не пойду, правильно-неправильно, надо – не надо. Но я научился их быстро в «нужную кондицию» приводить, такой опыт уже был. Есть еще один нюанс. Я пришел в батальон старшим лейтенантом, а у меня двумя ротами командовали капитаны, кадровые, еще довоенной выучки. Они поначалу пытались характер показать, но вскоре сникли... Авторитет на фронте зарабатывается в бою. В первых же боях, я сам несколько раз повел батальон в атаку. Пришлось показать свою лихость на грани безрассудства. После этого уже дискуссий на тему – «Кто в доме хозяин?» в батальоне не возникало.

Г.К. – Уходя в новый батальон, Вы взяли кого-нибудь с собой из своей прежней роты? Многие комбаты рассказывают, что забирали с собой на новое место службы старых, надежных и смелых товарищей.

А.М.Г. – Нет, мне не разрешили. Придя в батальон, я, пройдя вдоль строя, отобрал несколько человек, все с Северного Кавказа. Глаз у меня был уже наметанным. Ребята смелые и беспощадные. Верные мне люди. «Личная гвардия» комбата. Они стали моей «группой быстрого реагирования», отделением автоматчиков. Если в какой-то роте во время боя солдаты не могли продвинуться вперед или начинали отступать, я сразу посылал в эту роту кого-нибудь из своей «личной гвардии». И эти люди спасали положение. Не удивляйтесь, но подобная практика создания «личного резерва» была принята во многих стрелковых батальонах.

Г.К. – Почему для спасения ситуации в бою не использовались офицеры штаба батальона?

А.М.Г. – Перед возвращением батальона на передовую у меня вдруг «срочно и внезапно» заболел замполит. На следующий день под каким-то предлогом смылся в тыл начальник штаба – адъютант старший. Доложил командиру полка, что у меня даже заместителя

нет. В ответ услышал от Мараховского: – «Держись, ты у нас и без помощников справишься». За четыре месяца моего командования батальоном так мне и не прислали офицеров на пустующие штабные вакансии. Так кого мне было посылать в стрелковые роты в критические моменты, когда ротные офицеры вышли из строя? Или сам шел, или свою «гвардию» кидал закрывать прорыв или поднимать в атаку.

Г.К. – Численный состав Вашего батальона?

А.М.Г. – В лучшие времена доходило и до 700 человек, считая приданные батальону подразделения. Пятьсот человек в батальоне – считалось на фронте полной комплектацией. Иногда после боя в батальоне оставалось меньше двухсот человек. Всякое бывало. В батальоне три стрелковых роты, в каждой по 100 человек. Пулеметная рота. Это еще семьдесят бойцов при полном штате. Минометной роты у меня не было, но был минометный взвод, примерно 20–25 человек. Был в батальоне и свой разведвзвод, это где-то 15 человек. Далее – взвод связи, саперный, медицинский и хозяйственные взводы. В батальоне была приданная батарея 45-мм орудий и постоянно находилась рота ПТР – 12 ружей, вместе это еще 80–100 солдат и офицеров. Вот и посчитайте, сколько народу находилось под командованием. Должность комбата – это огромная ответственность на плечах. За жизнь людей, за выполнение боевой задачи. За все, что происходит, спрос, в первую очередь с комбата.

Г.К. – Какие потери понес Ваш батальон в летних и осенних боях 1943 года?

А.М.Г. – Когда мне раньше задавали этот вопрос, то я всегда отвечал – «Потери были терпимыми, больших потерь не было», сравнивая убыль личного состава в батальоне с потерями под Сталинградом. Но как-то задумался. Начиная с июля 1943 года, полк все время вел тяжелейшие наступательные бои, прогрызая немецкую оборону в направлении на Невель и Полоцк. В сводках Информбюро эти сражения называли – «бои местного значения». И я вдруг посчитал, что каждый день батальон терял по пятьдесят человек убитыми и ранеными. И мне стало горько на душе... Получился в процентном соотношении почти тот же Сталинград...

Г.К. – Как Ваш батальон обеспечивался питанием и боеприпасами?

А.М.Г.- Боеприпасов хватало. Час-то и успешно использовали трофейное

оружие. Очень ценились немецкие автоматы и пулеметы. В каждом батальоне была своя «зачатка» из нескольких пулеметов МГ. С питанием всегда были проблемы. Под Сталинградом иногда по ночам приносили поесть в термосах, но нерегулярно. Этого хватало «по ноздри и выше»: из-за страшных потерь едоков под вечер оставалось мало. А когда не могли доставить термоса на передовую, мы питались сухарями или тем, что находили у своих и немецких убитых в вещмешках и ранцах. А в сорок третьем году, вроде, кормили уже сносно... Но, если честно сказать, были периоды по две-три недели подряд, когда мы просто голодали... Как-то партизаны бригады им. Сталина провели нас в немецкий тыл и внезапной атакой на рассвете мы захватили станцию Хорны. На путях стоял эшелон с продовольствием. Был отдельный вагон, набитый фанерными ящиками с деликатесами, подарками для офицеров вермахта. Другой вагон был до потолка заставлен ящиками с вином. Вот здесь мои бойцы впервые за долгое время отвели душу. Комполка узнал, что мой батальон захватил богатые трофеи, сразу вышел на связь и вдруг ласковым голосом спрашивает: – «Комбат, почему трофеями не делишься?». А я привык, что комполка только орать и материться умеет, а тут, как в сказке, «человеческим голосом заговорил». Никогда не было проблем с выпивкой. Из-за высоких потерь в батальоне всегда были излишки спирта. И как только наступало временное затишье, из тыла полка приходили «в гости» или ПНШ, или уполномоченный СМЕРШа, или кто-то из политруков, чтобы выпить вместе с офицерами батальона «за грядущие боевые успехи».

Пили на передовой много, чего греха таить. Вообще маг и пьянство на фронте были почти нормой — ненужной, но неизбежной частью войны...

Г.К. – С партизанами часто приходилось взаимодействовать?

А.М.Г. – Нет, только один раз. Но вот партизанскую работу видеть пришлось. Пошли под Невелем в немецкий тыл вдвоем с офицером-разведчиком. Видим, разбитый немецкий эшелон, с танками пущенный под откос. Порадовались. Представляете, сколько наших солдатских жизней сохранили эти партизаны-подрывники.

Г.К. – Вы упомянули о рейде батальона в тыл врага. Можно услышать подробности и детали рейда?

А.М.Г.- По данным разведки немцы должны были на нашем участке начать отход по шоссе, чтобы избежать полного окружения. Зашел с усиленной ротой в немецкий тыл, «оседлали» дорогу на запад. Бойцы залегли по обе стороны шоссе. Нас предупредили, что, возможно, в отходящей немецкой колонне есть несколько танков. Я с ружьем ПТР залег фактически прямо на шоссе. Появилась колонна, впереди шла легковая машина с немецкими офицерами. По ней из ПТР ударил, и по этому сигналу мы начали бой. Немцев поддержали их минометчики, но невзирая на сильнейший обстрел, мы смогли нанести большой урон отступающим немцам. Больше сотни немцев было уничтожено.

Г.К. - Как бойцы Вашего батальона относились к солдатам и офицерам, служащим в тыловых подразделениях полка?

А.М.Г. – Отношение бойцов к «штабным» было пренебрежительным.

Полтора-два километра расстояния между окопом переднего края и штабом полка заранее делили нас на «живых и мертвых», на тех, кто еще порадуется жизни, и на тех, кому уже следующим утром лежать в братской могиле. «Наградной вопрос» тоже играл немаловажную роль в антагонизме между теми, кто действительно воевал, и теми, кто «обеспечивал боевую деятельность». В штаб полка приходишь – все орденами увешаны. Представишь своих бойцов к наградам, а в штабе – и извините за выражение – «Хрен кому чего дадут!». За рейд в немецкий тыл я всех своих отличившихся бойцов представил к медалям «За Отвагу». Никто из солдат, к сожалению, не получил никаких наград. Я за время боев успел получить орден Отечественной Войны 1-й степени, орден Красной Звезды и медаль «За Оборону Сталинграда».

Г.К. – Бои под Полоцком, малоизвестный, но очень кровавый эпизод войны. Что запомнилось из тех боев?

А.М.Г. – Под Полоцком мы меняли обескровленную часть на передовой. Рано утром командир полка проводил с офицерами рекогносцировку. Каждый из нас немного волновался перед боем. Скрытно пробрались на небольшую высоту, рассматривали местность сквозь дымку рассеивающегося тумана и слушали указания командира полка. «Первый батальон, – ставил он задачу. – Наступает в полосу – слева – край лощины, справа – одиноко стоящее здание. Второй батальон...». В этот момент вражеская мина со свистом пролетев над нашими головами, разорвалась в тридцати метрах позади нас. Не успел комполка обозначить полосу наступления для второго батальона, как другая мина вздыбила землю, не долетев до нас метров сорок. Стало понятно, что вражеский корректировщик засек нашу группу и сейчас нас накроет третьим выстрелом. Мараховский дал команду: «Рассредоточиться!». Я со своим товарищем, молодым капитаном, прибывшим к нам на пополнение из 23-го СП 51-й СД, отбежал метров двадцать вправо и залег на той же высоте. Свиста мины, летевшей в нашу сторону я не слышал, зато услышал рядом с собой оглушительный взрыв и тут же был осыпан комьями земли. Когда чад и гарь от разрыва мины рассеялись, я посмотрел на то место, где только что лежал мой товарищ, но его не увидел. И когда огляделся вокруг, то сзади на сучьях деревьев увидел часть ноги с сапогом и внутренности, раскачиваемые ветром. Мой друг был разорван на куски

прямым попаданием мины. Так для меня начались бои под Полоцком... А дальше — сплошная кровь... Даже рассказывать не хочется...

Г.К.- Расскажите о Вашем последнем фронтовом дне.

А.М.Г.- Середина ноября 1943 года. Утром по телефону командир полка вызвал меня к себе на КП. В моей землянке кроме ординарца никого не было, и я сказал ему, что иду один. Взял свой автомат, на всякий случай засунул в карман шинели несколько гранат-лимонок и вышел из землянки. Штаб полка находился где-то в километре от переднего края. Я шел опушкой леса, и, чтобы не сбиться с пути поглядывал на телефонные провода, укрепленные на шестах. Не прошел и половины дороги, как услышал немецкую речь: «Форвертс! Шнель!». Думаю, да, нарвался... Присмотрелся, группа немцев, человек тридцать, движется мне навстречу. Они меня не заметили. Притаился за деревом, и, когда они подошли поближе, бросил в их направлении две гранаты и тут же открыл огонь из автомата. Согнувшись, перебежал от дерева к дереву, я продолжал стрелять короткими очередями. Немцы открыли ответный огонь. Но, видимо, решив, что столкнулись с передовым охранением, начали отходить. Я прибежал на КП и доложил Мараховскому о встрече в лесу с группой немцев. Впрочем, он и сам уже слышал стрельбу. Тут же послал роту автоматчиков прочесать лес в указанном мною направлении и начал меня долго отчитывать, мол, почему я пошел без ординарца или связного. Дальше он перешел к делу и поставил мне боевую задачу. Спросив, все ли мне понятно, закончил разговор словами: «А теперь, давай, топай к себе...». Через несколько часов, поднимая бойцов в атаку на шоссе Полоцк-Витебск, я был ранен разрывной пулей в правую руку. Кости руки были раздроблены. Меня ввели в полковую санитароту мимо штаба полка. Комполка молча стоял у входа в свой блиндаж и смотрел мне вслед. Комполка Мараховский, как я слышал, через несколько месяцев погиб в бою...

Г.К.- Что происходило с Вами после ранения?

А.М.Г. — Оказался в санбате, сразу врачи накинулись с предложением ампутировать руку, мол, нет никаких шансов ее спасти. Я отказался, и как показало время — был прав. Весной 1944 года я был комиссован из армии по инвалидности. Вернулся после госпиталя в Москву, правая рука не действует. Инвалидная пенсия мизерная... Устроился

на канцелярскую работу. И вдруг в конце 1944 года меня вызывают в Бауманский райвоенкомат, и начальник третьего отдела майор Ковалев спрашивает меня: «В армию хочешь вернуться?». Согласился с радостью. Я очень любил армию. Выходил из дома и ловил себя на мысли: вот здесь хорошо было бы пулеметчиков поставить, а в той лощине можно минометную роту разместить. Война не отпускала меня... И меня снова призвали. Шел набор офицеров, ранее комиссованных по ранению из армейских рядов, для службы в комендатурах в составе Советской Оккупационной (Военной) Администрации в Германии — СОАГ. Еще почти вся немецкая территория была у гитлеровцев, а в нашем тылу были сформированы комендатуры, и каждой из них заранее был назначен район Германии, в котором этим комендатурам и предстояло развернуть свою будущую деятельность. Личный состав комендатур следовал за войсками, находясь в нашем фронтовом тылу, и по мере освобождения «своих» районов приступал к работе.

Г.К. — Какими были критерии отбора для службы в комендатурах?

А.М.Г. — Я не знаю, чем руководствовались начальники при отборе на эту службу. Знание немецкого языка не давало особого предпочтения. Все младшие офицеры были бывшие фронтовики, неоднократно раненые в боях и признанные медкомиссиями негодными к строевой службе. А вот командный состав комендатур был разнообразен. Я попал в комендатуру города Эберсвальде, предназначенную для контроля над районом, в котором проживало более 300.000 жителей. Крупный железнодорожный узел. Сам город еще несколько месяцев находился в немецких руках. Комендантом был назначен бывший генерал

разведки, разжалованный в полковники. Причины разжалования я точно не знаю. Его заместитель по тылу, пожилой подполковник, всю войну прокантовавшийся в тыловых округах, был кадровым военным. Редкая сволочь, кстати, был. Воруга первостатейный, «трофейщик» экстракласса. Переводчиком в комендатуру назначили студента выпускного курса Военного института иностранных языков — ВИИЯз. Замполит, начальник СМЕРШа и помощник коменданта по экономическим вопросам — все были из бывших «тыловых шкур».

Г.К. — Насколько большим был личный состав комендатур СОАГ?

А.М.Г. — В составе нашей комендатуры было примерно 10–12 офицеров, не считая «особистов». Перед занятием Эберсвальде с передовой была снята стрелковая рота и переподчинена комендатуре в качестве роты охраны. Это еще примерно 70–80 бойцов и три офицера.

Г.К. — Какие функции были возложены на Вас лично?

А.М.Г. — Я попал в группу из трех человек, ответственных за восстановление городских муниципальных служб и коммуникаций, включая транспорт, связь и работу промышленных предприятий, а также — за обеспечение немецкого гражданского населения питанием и медицинским обслуживанием.

Г.К. — Проводилась ли какая-то специальная подготовка для будущих «спецов по восстановлению народного немецкого хозяйства»?

А.М.Г. — Никакой подготовки работников администрации не было и в помине. Я даже не помню, чтобы был проведен хоть один толковый инструктаж или лекция, посвященная особенностям района, в котором нам предстояло действовать. Знали, что Эберсвальде

означает в переводе – «Кабаний лес», и не более того. А вот находящиеся с нами в прямом контакте отдельные группы СМЕРШа и так называемые «группы по репарациям», создаваемые при каждом Наркомате, получили хорошую предварительную подготовку и полнейшую информацию из своих источников еще до вступления в район развертывания комендатуры.

Г.К. – Что за «группы по репарациям»?

А.М.Г. – Группы, созданные во многих Наркоматах и занимавшиеся демонтажем немецких предприятий, вывозом оборудования и разных ценностей в СССР. Каждая такая группа работала по своему профессиональному профилю. Вывозили все на корню, что нужно и что не нужно. После них пройдешь – одни пустые цеха, щепки на земле не оставалось. Им подчинялись специальные рабочие батальоны, созданные из бывших наших военнопленных и «ост-рабочих», которые занимались демонтажем и погрузкой всего этого добра в эшелоны.

Г.К.- Как Вы лично относились к деятельности таких групп?

А.М.Г. – Я не считал это грабежом. Вершилось справедливое возмездие. Мы называли это – «возмещение ущерба за потери», и, уж поверьте мне, даже если бы мы вывезли всю Германию, это бы не возместило и не компенсировало всех материальных потерь, понесенных нашей страной от фашистских захватчиков. Как говорили римляне: «Победителю — все!»...

Г.К. – Работники СМЕРШа числились в составе комендатур?

А.М.Г. – У нас был свой отдел СМЕРШа под руководством майора Рябоштанова и еще отдельная группа «особистов», работавшая с ним в прямом контакте. Они не занимались поиском бывших «власовцев» или полкаев среди освобожденных военнопленных и «ост-рабочих». Все бывшие советские граждане проходили только регистрацию в комендатуре, а далее отправлялись в специальные лагеря для дальнейшей проверки, «разборки», и репатриации на Родину. А там, кому повезет: кого в Сибирь, а кого – домой. Если кого-то из них и подвергали аресту, то это не происходило на наших глазах. Бывшие военнопленные или демобилизуемые воины нас тоже не касались. Ими занимались военные комендатуры нашей группы войск в Германии. А эти, «хлопы Дзержинского» из СМЕРШа, как я думаю, работали только с местным немецким населением. Но они

не искали военных преступников или офицеров СС. Охотились за немецкими «технарями», специалистами по вооружению и т. д. Если кого ловили и арестовывали, так сразу напяливали на него немецкую военную форму и под видом военнопленного отправляли в Союз. Так было... Никто не трогал немецких военных инвалидов, бывших солдат вермахта. Идет по городу, хромает с палочкой в старом армейском кителе какой-нибудь бывший гауптман, и видно по нему что пол-России этот «камрад» прошел «с огнем и мечом», но проходишь мимо него и даже о мести не думаешь... Чуть не забыл. Наш Рябоштанов и «его команда» занимались также «фильтрацией» представителей белой эмиграции, осевших в Германии сразу после гражданской войны. В Эберсвальде проживало много наших бывших соотечественников из белоэмигрантов, и некоторые из них были приняты на работу в комендатуру в качестве переводчиков, заодно «подрабатывая» осведомителями.

Г.К. – После вступления наших войск в Эберсвальде были ли зарегистрированы случаи ведения немцами партизанской борьбы?

А.М.Г. – Первое время нас часто обстреливали из руин, с чердаков. Были потери... Идешь по городу, вдруг выстрел, и пуля смачно попадает в стену, просвистев рядом с головой... А никто не хотел погибать после Победы. После того, как у нас было убито несколько солдат и офицеров из нашей комендатуры, нам разрешалось передвигаться только парами. Нарвешься на такого стрелка, и моментально начинается прочесывание квартала. Эти нападения продолжались до января 1946 года. Потом в лесу возле города мы обнаружили подземный бункер с запасами оружия и продовольствия. Мы убили несколько человек, скрывавшихся в бункере. Начальство нашей комендатуры срочно заполнило на себя и на парочку «штатных подхалимов» наградные листы и вскоре повесило себе на кителя по новому ордену, а нас, «молодежь», непосредственно бравших бункер с боем, видимо, «забыли» представить к наградам... Список на награждение составлял заместитель по экономическим вопросам капитан Бляхин, доверенное лицо коменданта. А этот человек не имел ни малейшего представления, что это такое – честь офицера... А вообще, если говорить честно, мы ожидали встретить на немецкой земле ожесточенную партизанскую и подпольную войну, но на практике, мы быстро убедились, что немцы – нация

покорная и услужливая, и воевать они давно устали. Идешь по улице и видишь у всех на лицах фальшивые улыбочки, заискивающие взгляды... А мы ждали другого «приема»...

Г.К. – Где дислоцировалась Ваша комендатура?

А.М.Г. – В центре города находились бывшие воинские казармы. В них и разместились комендатура вместе с ротой охраны. Но офицеры комендатуры ночевали в городе, на квартирах в пустующих домах... Весь огромный плац на территории казарм был забит немецкими автомобилями. Несколько сотен автомобилей на любой вкус. Там же мы разместили свои «запасы продовольствия» — было огромное количество брошенного неучтенного скота. Солдаты собирали его в стада, и, благодаря этому скоту, мы могли накормить немецкое население города.

Г.К. – Организация питания для местного населения тоже входила в постоянные функции комендатуры?

А.М.Г. – Да. У нас было несколько полевых кухонь. Крупы для каш нам поставляли с армейских складов, а мясо мы имели благодаря своим запасам скота. Кроме этого мы организовали работу хлебопекарен, и все жители получали хлеб по специальным карточкам. Благодаря быстрой организации продовольственных и питательных пунктов местное немецкое население не голодало.

Г.К. – Как кормили и одевали личный состав комендатуры?

А.М.Г. – Обмундирование наше было первого срока, одевали нас хорошо, чтобы перед немцами не стыдно было показаться. А вот продукты для питания личного состава комендатуры мы получали в Берлине и всегда в мизерном количестве. У нас была повар, женщина-полячка, которая и готовила еду для бойцов и офицеров комендатуры. Все «проходящие мимо» военнослужащие тоже питались у нас.

Г.К. – Каковы были функции у замполита комендатуры?

А.М.Г. – Основной его задачей была агитационная работа с немецким населением в захваченных районах. Ему помогали в этом немецкие коммунисты, вернувшиеся домой после освобождения из концлагерей. И, как в дополнение к своей деятельности, замполит следил за нашим «нравственным состоянием», а также «боевым и моральным духом». Расплодил великое множество стукачей и доносчиков, да и сам коменданту все время на ушко нашептывал: «Что. Где. Когда и сколько». Все знал, что происхо-

дит. «Товарищ капитан, почему вы вчера пили у себя на квартире?», или – «Товарищ старший лейтенант, вы зачем утром заходили на склад и что вы там взяли?». Всюду свой нос совал. А что с него взять... Замполит...

Г.К. – За связь с немецкими женщинами офицеров комендатуры наказывали?

А.М.Г. – Согласно приказу командующего оккупационными войсками в Германии Жукова, сожительство с немками приравнялось к измене Родине... Со всеми вытекающими отсюда возможными печальными последствиями для нарушившего этот приказ. Маршал Жуков был жесткий человек. Надо заметить, что немки сами охотно, добровольно и сознательно шли на интимное общение с советскими офицерами и солдатами. Это было массовое явление. И тут дело не только в том, что они могли рассчитывать на продуктовую помощь или на какую-то протекцию... Есть еще причины... Многие младшие офицеры на первых порах к этому приказу относились с насмешкой. У нас даже один капитан получил «почетное прозвище» – «Мастак по половой агитации». Но никто насильно немкам к связи не принуждал. После того как армия прошла через город, насилия не было. Протесты против немецкой цивилизации выражались уже другими способами... В конце сорок пятого года политработники и «трибунальцы» начали серьезно и методично «закручивать гайки» за связь с немками, и многим пришлось расстаться со своими немецкими подругами.

Г.К. – Охрана правопорядка в городе тоже возлагалась на комендатуру?

А.М.Г. – Конечно. Мы боролись с грабежами. Один раз произошел очень неприятный и трагический случай. У нас в роте охраны служил командир взвода, лейтенант. Лихой парень, из бывших разведчиков. На фронте потерял глаз и поэтому ходил с черной повязкой на лице. Как-то решил этот лейтенант ограбить немецкий ювелирный магазин и забрался в него с тремя бойцами из своего взвода. Он не знал, что буквально за несколько дней до этого события была проведена телефонная связь от всех ювелирных магазинов напрямую к комендатуре, и владельцы этих магазинов получили инструкцию – при малейшем подозрении на что-то неладное сразу докладывать в комендатуру. Владелец связался с дежурным офицером и сообщил, что несколько людей в красноармейской форме грабят его магазин. Дежурную оперативную группу подняли по трево-

ге, и через несколько минут, на машинах бойцы прибыли по указанному адресу. Зажали лейтенанта с его бойцами в магазине. Несколько раз предложили им сдаться, но те отказались выйти с поднятыми руками. Еще действовал закон военного времени – расстрел на месте за мародерство и грабежи. Поднялась стрельба. Все четверо были убиты в короткой схватке прямо в магазине. Каково же было удивление оперативников, когда в убитых они признали своих ребят из роты охраны... Начальство комендатуры долго не могло решить, как сообщить родственникам убитых причину гибели четверых военнослужащих. И тут наши начальники проявили благородство. На Родину ушли извещения – «Погиб при исполнении служебных обязанностей»...

Г.К. – Как выполнялись приказы Жукова и Берзарина о борьбе с «трофейщиками» и мародерами?

А.М.Г. – Никто с этим особо не боролся. Нередко СМЕРШевцы делали налеты на квартиры младших офицеров и искали у нас ценности. Я за полтора года отправил домой всего две посылки, обе с табаком, так сразу замполит заинтересовался, не много ли мне будет, мол, не по чину себя ведешь. При этом все наши полковники, старшие офицеры комендатуры, уже отправили домой по второму вагону трофеев. Но их не трогали... Часто нам зачитывали очередную «сводку по борьбе с мародерами»: «У лейтенанта такого-то найдено 100 золотых часов – осужден на десять лет. У капитана такого-то обнаружен чемодан запчастей и фурнитуры – исключен из партии и т. д.». Когда нам зачитывали вслух эти «опусы», мы только грустно усмехались. На наших глазах генералы и полковники нагло хапали в «промышленных объемах», но мы ни разу не слышали, чтобы кого-то из них привлекли к ответственности. Многие из них просто потеряли совесть. Слишком много неприглядных моментов сохранилось в памяти по этому «вопросу». В конце 1946 года я попал под очередной приказ о демобилизации. У меня был аккордеон, врачи посоветовали тренироваться в игре на этом инструменте, чтобы разработать раненую руку. Но когда я выезжал на Родину, моя правая рука по-прежнему плохо действовала и я не мог с одной рукой тащить аккордеон с собой. Мне было жалко с ним расставаться... Домой привез из Германии только два гражданских костюма, две пары часов, пару ботинок, и пистолет «парабеллум». Так что «знатного трофейщика» из меня не получилось. И

я об этом ничуть не жалею.

Г.К. – Как проводили свое свободное время офицеры комендатуры?

А.М.Г. – Молодые офицеры часто собирались на квартирах, выпивали, вспоминали фронт, своих боевых товарищей. Иногда играли в преферанс. В комендатуре было несколько кинопередвижек и более трехсот трофейных кинокартин. Просмотр фильмов по вечерам был нашим повальным увлечением.

Г.К. – С союзниками часто приходилось контактировать?

А.М.Г. – В сорок пятом году нередко. Но после речи Черчилля в Фултоне все контакты были сведены до минимума. Мне в 1945 году один раз довелось быть несколько дней в командировке в английской зоне оккупации. Я был должен наладить троллейбусное движение в Эберсвальде, и меня послали в Тюрингию, привезти оттуда несколько троллейбусов. Тюрингией «заведовали» англичане. Меня сопровождали два английских офицера, два немца-специалиста и переводчик. Поселили в лучший номер в гостинице, кормили в ресторане. Англичане держались со мной очень вежливо и корректно. Но братайся со мной никто не собирался. По вечерам немцы стучались в мой гостиничный номер и вкрадчивым голосом интересовались, а не хочет ли «герр офицер» немецкую женщину? Англичане, приняв меня за специалиста по промышленности, свозили на несколько заводов, демонстрируя, как действуют восстановленные предприятия. Ничего экстраординарного в этой командировке не случилось.

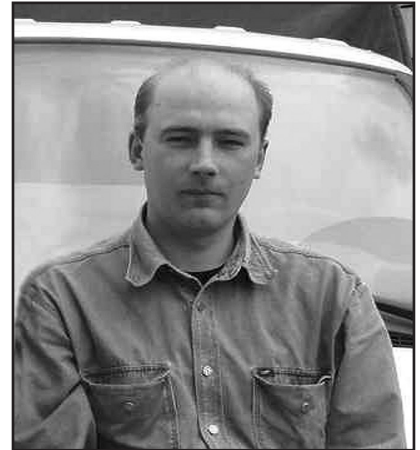
Г.К. – Сколько ребят из Вашего класса выжило на войне?

А.М.Г. – Из двадцати моих одноклассников выжило, кроме меня, всего два человека. Мой близкий друг Женя Гольдин, племянник певца Утесова, был летчиком-штурмовиком, за две сотни боевых вылетов на ИЛ-2 дважды представлялся к званию Героя, но его наградные листы не прошли по всем инстанциям из за «пятой графы» моего друга. Гольдин ушел из жизни пятнадцать лет тому назад. Выжил еще Селезнев, попавший в начале войны в плен, после побега прошедший все проверки и вернувшийся на передовую. Он воевал в пехоте. После войны Селезнев стал известным ученым – металлургом. А могилы остальных наших семнадцати одноклассников разбросаны от Москвы до Берлина. За победу в войне мое поколение заплатило страшную цену. Но мы сделали все, что могли для своей страны.

Александр Хмурый

http://artofwar.ru/h/hmuryj_a/

ЗВЕРЬ МОЙ

В аудитории стояла мёртвая тишина. Было слышно, как муха бьётся в стекло. Она то с остервенением начинала жужжать и со стуком рваться на волю, то замолкала, видимо, набираясь сил. С каждым разом она всё дольше отдыхала, и казалось, что это была её последняя попытка. Но звук, сопровождавший её усилия, снова раздавался, как бы говоря нам, что она не собирается сдаваться, что она будет продолжать битву за свободу.

— Итак, перед тем, как вы, возможно, захотите задать мне несколько вопросов, я скажу вам некую вещь, некую суть, что ли...

Я провёл взглядом по лицам сидевших напротив меня курсантов, по их глазам. Вздохнул и продолжил.

— У каждого из нас глубоко внутри живёт зверь.... Он разный для всех. У кого-то он очень сильный, у кого-то слабее. Но он есть. Там, куда вы, возможно, поедете служить, ваш зверь не страшен. Для вас... Он там нужен. Но в полной мере понять его настоящую злобу, в полной мере ощутить его безграничную власть над вами... Или ваше бессилие, перед ним... Вы сможете, только когда вернётесь, вернётесь домой. В общество, которое вас не поймёт, которому будут безразличны ваши изменившиеся идеалы и ценности. Так вы, возможно, будете думать... Когда вы вернётесь, то попадёте опять ко мне, и мы с вами будем учиться бороться с этим зверем. И мы его победим. Обязательно!

Опять повисла тишина. На этот раз она была просто могильная.

— Товарищ майор, разрешите?

Один из курсантов поднял руку, как в школе на уроке. Я кивнул ему.

— Вот вы говорите зверь.... А как быть, если у кого-то этого зверя нет?

Глаза курсанта выражали больше недоверие, чем вопрос. Я на секунду задумался.

— Если нет...

Я помолчал. Подошёл к курсанту.

— Он есть, у каждого! Есть... Его не может не быть. Поверь мне.... курсант. Это он будет убивать врагов. Он будет взрывать и крушить! Это он будет ликовать на крови и плоти... Он будет делать это за вас, там без него вы никто... Ты понял!?

Слегка побледнев, он кивнул. Я снова помолчал. Посмотрел на эти лица, на эти мужественные взгляды и фигуры. На этих ребят и мужиков. Я старался понять, у кого из них зверь окажется сильнее их самих. Таким придётся ох как нелегко. Но особенно страшно мне казалось встретиться взглядом с человеком, у которого его зверь будет слабым, беззащитным. И оставит своего хозяина в ту самую минуту, когда он будет нужнее всего.

— Занятие закончено!

Звонок застал меня по дороге домой. Я долго всматривался в незнакомый мобильный номер, но всё-таки решил ответить.

— Алло...

— Это Александр... Владимирович?

— Да, с кем я говорю?

— Это Катя, я дочь вашего друга...

Господи, это же Пашкина дочурка! Я перестроил машину в правый ряд и начал останавливаться.

— Да, Катюш, привет, я слушаю!

— Сегодня папу привезли из госпиталя... В общем... ну... Мама и я тоже хотели бы с вами поговорить.

— Хорошо, Катя, когда лучше к вам заехать?

Девушка в трубке всхлипнула. Я понял, что заехать нужно именно сейчас.

— А когда вы смогли бы?

— Я заеду сейчас.

Я отключил телефон и снова влился в поток транспорта.

Я нажал на старенькую, с треснув-

шим корпусом, кнопку звонка. За дверью, тоже старенькой и требовавшей ремонта, раздалися шаги. Дверь приоткрылась, в проёме показалась голова совсем юной девушки.

— Проходите.

В прихожей, которая не изменила моего первоначального мнения о требующемся ремонте, меня встретила Полина, жена моего друга и бывшего сослуживца Пашки. Мы поздоровались и обнялись, на глазах у Поли появились слёзы.

— Ну, ну... Не стоит, не виделось всего полгода. Давайте, показывайте мне героя!

Я весело и громко шагнул в комнату. На кровати лежал похудевший и бледный Пашка. Пашка-балагур. Пашка, который так весело пел военные песни, который знал тысячу анекдотов, которого, казалось, никогда и ничто не сможет расстроить. Но это был и не он... На меня смотрел человек, у которого не только не было ноги, который не только был парализован ниже пояса, у которого в глазах не было надежды. И не было жизни... Я тихонько скрипнул зубами... Через силу широко улыбнулся и шагнул к Пашке.

— Здорово!! Здорово герой!

Я присел на кровать, приобнял его.

— Ну, как ты?

Печальные глаза шевельнулись. Тонкие губы нехотя изогнулись. Хриплый и тихий, безжизненный голос прозвучал.

— Здорова... Я, ничего....

— Так. Пашк, ты чего раскис-то?.. Домой ведь вернулся!

Я обернулся, в дверях стояли Поля и Катя. Они обнимали друг друга, как бы поддерживая. В их глазах была надежда, которая появилась одновременно с моим приходом. Они поделились на меня...

— Так, Полина, давай-ка собери

нам чего-нибудь закусить. Ты там в портфель мой загляни... Там кое-что есть...

После более-менее весёлого застолья, во время которого мы разговаривали и вспоминали былое, Пашка немного оживился.

— Поль....

Я выразительно посмотрел на женщину. Она понятливо кивнула и начала собирать посуду со стола. Через минуту Полина и Катя, прикрыв дверь в комнату, оставили нас одних.

— Ну, Пашк... Что у тебя на душе? Почему жена волнуется?

Он отвернулся, его глаза заблестели.

— Пашк, давай без соплей....

Он довольно резко повернулся ко мне.

— Без соплей!? Да я жить не хочу!!

Кому я нужен такой...

Я сделал вид, что задумался.

— Похвально... Это слова настоящего мужика, настоящего воина. Ну, если ты твёрдо решил, то я тебе помогу. Я принесу ствол, ну тот... помнишь? Он нигде не числится... Оставлю тебе... Ну, а ты...

Я жёстко схватил его за грудки, прижал его лицо к своему и зашипел ему прямо в глаза.

— Только послушай! Ты решил, ты сделал!! Но ты в ответе за дочь и жену... Сейчас мы позовём их, и ты....Да, именно ты... Скажешь им, что решил добровольно оставить жизнь! Что!? Не скажешь? Тогда ты не мужик... Понял!! Ты, бля, себя жалеешь, а про них забыл!? Это что, поступок воина? Паша, и ты, и я - воины. А перво-наперво обязанность воина - воевать за свою семью и умереть за них... А не за свою долбаную жалость!!

Я отпустил Пашку. Его тело упало на кровать. Глаза его, наполненные слезами, смотрели на меня.

— Так я... вон какой... Тебе хорошо, ты... с ногами. А я...

— Паша, тебя жена любит за ноги? Или дочь уважает за то, что ты ходишь? А может, ты любишь жену только здоровой?! Или дочку только за то, что она красивая? Если так... Не о чем нам больше разговаривать.... Я когда-то знал Пашку, который влюбился в скромную девушку, неприметную такую.... Но она была для него богиней! И что? Скажи мне, что??? Что теперь-то изменилось? Да ничего! Ты, Паша, был, есть и будешь для неё мужем и отцом её дочери... И она никогда не бросит тебя! Ты им нужен, Паша!! Любой... И мне нужен...

Пашка заплакал. Прикрыл глаза руками.

— Паша! Сопли оставь... Думаешь, я не плачу... Ночью положишь на лицо подушку и как заорёшь! От всего этого... Знаешь, Паш, и ты и я не потеряли на войне душу. Это гораздо главнее, чем тело, гораздо, Паш.... Тебе жалко себя, жалко родных... Понимаю. Но жить-то нужно!! Нужно, Паша!!!

Я снова схватил его за грудки.

— Паша, разбуди своего зверя!! Без него не прожить! Зубами и когтями рви себе место....под солнцем!! Кусай и рви... Зверь - он не только на войне нужен! Тут он тебе важнее во сто крат... Смейся и плюй в лицо злой судьбе... Она всё равно не отнимет у тебя то, что есть.... Душу, Паша, никто не отнимет! Есть у тебя душа?? Есть!?

— Да...

— Тогда подбери сопли и...живи! Ты понял меня?!! Понял, воин?!!

— Да, Саня...

Я улыбнулся.

— И больше....давай никогда не будем возвращаться к этой теме, давай?

Пашка тоже, едва заметно, одними кончиками губ, улыбнулся. В его глазах стояли слёзы... Но появилась надежда. Появилась жизнь....

— Всё, Паш... Я ухожу. Мне пора... Скоро праздник, помнишь? Так вот и увидимся... Что хочешь жене подарить?

— Я не знаю....

— Знаешь что... Подари ей улыбку и нежность... А остальное я придумаю, хорошо?

Я весело подмигнул ему.

— Хорошо...

— Ну и напоследок...

Я снова приблизился к нему.

— Не забывай про зверя... Умрёт он - не будет тебя...

Я встал, прощаясь. В комнату вошли женщины.

— Ну, мне пора...

Пашка долго и внимательно смотрел на меня, потом перевёл взгляд на дочь. Наконец, посмотрел на жену. И улыбнулся.... Уже в дверях Поля заплакала. Я погладил её по спине.

— Ну, ну, Поль. Ты что... Пашка ещё ого-го! Правда! Верить мне?

Полина кивнула. Катя из кухни попрощалась со мной.

Я сел в слегка запорошенную весенним снежком машину. Сил не было... На заднем сиденье лежала подушка. Я прижал её к лицу и, что есть мочи заорал. Рёв зверя, злого и беспощадного, приглушенного подушкой, раздался в салоне. Я орал, орал сильно и долго. Орал до тех пор, пока физически не измотал себя. И зверя... Он затих, до следующего случая.

Затаился, чтобы потом опять защитить меня. Или убить... В тёмном и холодном салоне раздался шёпот.

— Спасибо тебе, зверь мой....

Юрий Беридзе

Госпитальная молитва

Я помню только боль – и ничего иного...
Но все же из молитв всплывает исподволь никак не вспоминаемое слово, которое - единственный пароль... Оно, быть может, ключ, чтоб вырваться из плена – несвежих простыней и трещин в потолке, бесформенных теней на госпитальных стенах, бессонницы, оточенной, как нож на оселке.

Я помню только жар – и ничего иного...
И из войны в войну земной катится шар, стирая в пыль завещанное слово и обнажая лезвие ножа. А нож, как видно, зол и жаждет омовенья в кровавом и шальном безудержном пиру, и видятся в окно, как светопреставленье, судьбина беспросветная и тризна на юру.

Я помню только тьму – и ничего иного...
Молюсь, чтоб вопреки бессилью своему я вспомнил ускользящее слово – оно бы и прикончило войну... Оно в последний раз рвануло бы гранатой, влепило пулю в лоб, не чувствуя вины...
Последний сбило гроб – не для меня, солдата, – для, наконец, законченной – и навсегда – войны...

Сергей Буковский

http://artofwar.ru/b/bukowskij_s_w

Бой у кишлака Дури

Война, ах, зачем ты прошла
Солдатскую долю
Насквозь нитью белую?
Война непосильною ношей
Внезапно свалилась
На плечи незрелые.

Война заглянула в глаза,
За слезою слеза горе вытекло.
Война на груди ордена,
На стене имена
Кровью высекла,
Кровью высекла война.

Сергей Буковский

В газете «Красная звезда» за 4 мая 1988 года опубликован материал «Побратимы» подполковника А.Олейника. Мне он очень понравился, как и многим другим читателям. Многим, но не всем. Тот, кто служил в одном батальоне со старшим лейтенантом Олегом Онищуком и его ребятами, кто хорошо знал и любил его, не прощают фальши и пусть даже доли художественного вымысла. Да и есть ли необходимость приукрашивать, припудривать и тем самым обезличивать героически сражавшуюся группу? Боевую задачу она выполнила, и этим сказано все. Пусть гибель Онищука и десяти его подчиненных послужит горьким уроком для всех, уроком, который построен на свидетельствах очевидцев и сослуживцев.

Младший лейтенант Константин ГОРЕЛОВ, переводчик 2-й роты:

— Я не верил, что Олежка мог погибнуть. В него все верили как в бога. Он, случалось, после выполнения задачи вытаскивал группу из таких ситуаций, что просто уму непостижимо. В двадцати трех выходах, из которых одиннадцать результативных, он не допустил потерь личного состава, исключая последний выход. Ему завидовали. Называли везучим. А он ночами над двухкилометровками сидел, схемы вычерчивал, любые возможные и невозможные варианты «проигрывал». У него всякая операция на трезвом расчете строилась.

Замполит роты старший лейтенант Анатолий АКМАЗИКОВ:

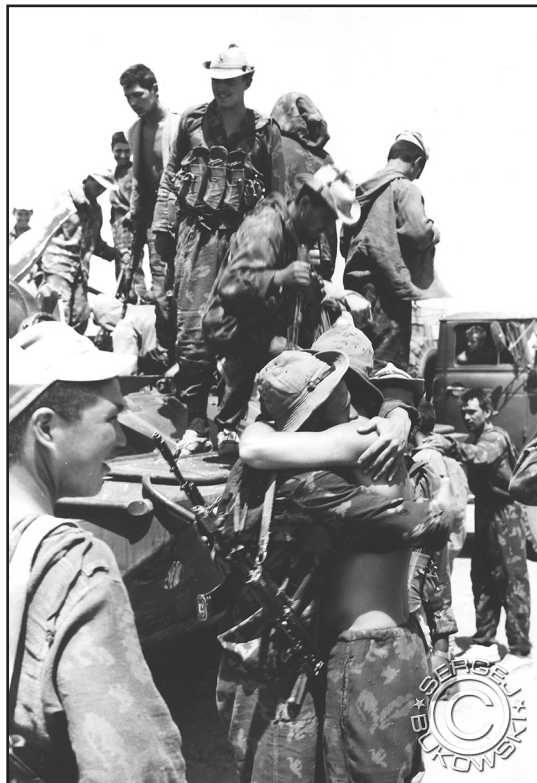
— Грамотный был офицер. Есть хорошие практики или теоретики. В Олежке, прекрасно сочеталось и то, и другое. Своим опытом великодушно делился с другими офицерам. Бывало, перед боевым выходом подсядет ко мне и детально расскажет, где и по какому мандеху (оврагу) можно пройти, где лучше отсидеться днем, а ночью выйти на равнину. Мятажникам и в голову не придет, что группа именно на равнине.

Младший лейтенант Константин ГОРЕЛОВ:

— В первую ночь караван не обнаружили и в три часа утра ушли на днев-

ку, километров на пять южнее, ближе к укрепрайону мятежников. Это характерный тактический прием Онищука. Такими неординарными решениями он добивался выполнения боевой задачи и сохранял личный состав от потерь. Дневали в складках местности. Обнаружены не были.

На следующую ночь снова вышли на место засады, вопреки тому, что в ночь с четверга на пятницу обычно проводка каравана не осуществляется. Так как в пятницу по Корану джума - выходной. Но мятежники могли этим воспользоваться, и Онищук решил исключить эту возможность. Но и в эту ночь каравана не было. Снова дневка среди сопков. Снялись с дневки в 19-00 тридцатого октября. Расстояние в пять километров преодолели минут за 40 - 50 и около двадцати часов снова организовали засаду. Вскоре увидели фары автомобиля. Караван!.. Три машины, первым шёл здоровенный трёхосный «Мерседес». Онищук из АКМ, оснащённого прибором ночного видения, «снял» водителя с довольно внушительного расстояния, метров с 700. Машина остановилась. Другие машины дали дёру. С охраной, не ожидавшей нападения, больших проблем не было. Группу сопровождения и прикрытия каравана, попытавшуюся было отбить машину, рассеяли с помощью двух прилетевших «горбатых» (вертолёт Ми-24).

Капитан Валерий УШАКОВ:

— Олечка был одержимо нацелен на результат, как никто другой. Считал делом чести любой выход проводить результативно. А сразу он мне не понравился. Гонористым показался. Стремился быть во всем первым.

Однажды даже заявил: «Спорим на ящик минералки, что наша команда у вас в футбол выиграет?» — завел, что называется, с полуоборота. Азартно играли. И его команда выиграла. А минералку пили вместе.

Майор А. БОРИСОВ, командир батальона:

— В гибели группы отчасти есть вина самого Онищука. Существует приказ: досмотр «забитого» каравана производить по прибытии досмотровой группы, в светлое время суток. Онищук этот приказ знал, лично расписался, но в этот раз его не выполнил. Ночью сходил к подбитой машине с частью группы, произвел досмотр. Вернулись благополучно, вынесли тридцать единиц стрелкового оружия. Но при этом Онищук подверг разведгруппу лишней опасности. Благо дело, что у мятежников не было прицелов ночного видения.

Капитан Валерий УШАКОВ:

— Когда Онищук доложил, что «забил» машину, батальон охватило приподнятое настроение. Все давно ждали такого результата. Сообщили об этом в штаб полка. Всем не терпелось узнать, что в этом большом трехосном грузовом «мерседесе». И хотя приказа на досмотр Онищуку никто не давал, однако несколько раз его запрашивали. Разговор был приблизительно такой:

— Что «забил»?

— «Мерседес».

— Молодец. Духи не обстреливают?

— Уже нет.

— Это хорошо. А что в машине, знаешь?

— Нет.

— А то начальство беспокоится. Ну, ладно, утром в 6-00 придут «вертушки», заберут.

Желание узнать, что в машине, охватило Онищука. Вот он и пошел. Эх, Олечка, Олечка, горячая голова!.. Помню, лежали мы с ним в Кандагарском госпитале с гепатитом. Выписались досрочно, в аккурат за два дня до этого злосчастного выхода. Олег ещё был очень слаб. Я убеждал его не ходить в

этот раз. А он в ответ пошутил. Мол, у нас скоро встреча выпускников школы, а у меня наград маловато. Тем более, что у меня жена - одноклассница. Должна же она мной гордиться.

Рядовой Ахмад ЭРГАШЕВ:

— За несколько часов до «забития» каравана у командира группы был сильный приступ. Болела печень. Он ничего не ел, его выворачивало наизнанку, временами терял сознание. Мы старались хоть чем-нибудь помочь. И когда ему стало полегче, накормили диетическим паштетом, собрав последние баночки, у кого ещё остались.

Напоили чаем. О том, что болен, старший лейтенант Онищук радировать запретил.

Корреспондент:

Почему Онищук утром, не дожидаясь досмотровой группы, вторично пошёл досматривать «забитую» машину?

Младший лейтенант К. ГОРЕЛОВ:

— Онищук все рассчитал. В пять тридцать выслал прикрытие из четырех человек: двух пулемётчиков (рядовой Яшар Мурадов, рядовой Марат Мурадян) и двух автоматчиков (рядовой Михаил Хроленко, младший сержант Роман Сидоренко). Задача группе: расположиться на близлежащей к машине господствующей высоте и в случае необходимости прикрывать досмотровую группу. В пять сорок пять Онищук с пятью бойцами выдвинулся к машине. Меня с пятью бойцами, в числе которых были радисты Николай Окипский, Миша Деревянко, пулеметчик Игорь Москаленко, сержант Марих Нифталиев, рядовой Абдухаким Нишанов, оставил на прежнем месте и поставил задачу наладить связь с батальоном, а в случае необходимости поддерживать огнем.

Идти до машины минут пятнадцать. В шесть ноль-ноль прилет «вертушек». Так было в прошлый раз, когда группа Онищука захватила автоматическую пушку «Эрликон». Пошли налегке. Взяли только по одному боекомплекту. Это на десять — пятнадцать минут хорошего боя. В шесть ноль-ноль мятежники атаковали. Казалось, они прут отовсюду.

Рядовой Михаил Деревянко:

Мы поддерживали выдвинувшуюся группу огнем, как могли. Под огнем прикрытием ДШК и ЗУ стрелявших из кишлака, «безоткаток», бывших из «зеленки», «духи» валили в полный

рост, несмотря на то, что наш пулеметчик рядовой Игорь Москаленко косил их пачками. Он им здорово мешал, и снайпер снял Гошу, ударив прямо в область сердца. Он прохрипел: «Мужики-и-и» и завалился на пулемёт. Гоша погиб, не обронив ни капли крови от остановки сердца, вызванной болевым шоком. Я закрыл ему глаза.

В шесть пятнадцать с группой было покончено. Прошло сорок минут боя. А «вертушек» все еще не было...

Капитан В. УШАКОВ:

— Гибели группы Онищука способствовали действия командира вертолетного отряда майора Егорова и бывшего командир батальона А. Нечитайло. Когда ночью Онищук доложил о «забитии» каравана, командир батальона А. Нечитайло отдал майору Егорову приказ о вылете «вертушек» с досмотровой группой в пять тридцать с прибытием в заданный район в шесть ноль-ноль. Однако, под впечатлением успеха, оба забыли расписаться в книге распоряжений. Дырки под ордена кололи и обмывали, суки... Свидетелей тому полно. Только об этом не пиши, не хочется позорить батальон.

Снайпер третьей роты сержант Нифталиев:

— Группу Онищука свои же и погубили. Онищук ночью вызвал «сушки» (самолеты) для «зачистки» района. Из ЦБУ подтвердили, что самолеты будут. А прилетели только два «горбатых» (вертолеты Ми-24). Попугали «духов» НУРСами и все.

Когда «забили» караван, из батальона к Онищуку вышла бронегруппа в составе роты. Но ее комбат почему-то вернул и приказал нам ждать «вертушки» до утра. Если бы вовремя подошло подкрепление, все были бы живы.

Герой Советского Союза капитан Ярослав ГОРОШКО:

— Тридцать первого октября в пять двадцать я со своей группой бежал по взлетке в надежде найти запускающиеся «вертушки». Потом бросился будить летчиков матом и пинками. Те хлопали ничего не понимающими глазами. Оказывается, команда на вылет им не отдавалась. Пока нашли Егорова, пока связались со штабом ВВС и получили разрешение на вылет, пока прогрели «вертушки», время вылета давно прошло. Эх, да что там говорить! Боевые Ми-24 вылетели только в шесть сорок. А

Помните о нас...

эвакуационные Ми-8 в семь двадцать.

Командир батальона майор А. БОРИСОВ:

— В пять пятьдесят девять от радиста группы Онищук последовало сообщение: мятежники не обстреливают, все тихо. А в шесть ноль-ноль их атаковали силами около двухсот человек. Если бы Онищук не пошел досматривать машину, а остался на месте засады, то группа отбилась бы до прихода «вертушек». Потери, конечно, могли быть, но минимальные.

Начальник штаба майор С. КОЧЕРГИН:

— Онищук — парень геройский. Вчетвером бросился выручать товарищей на высотке, оставив сержанта Исламова и рядового Эркина Салахиева возле машины прикрывать отход. Но добраться они так и не успели. Душманы прямым попаданием из гранатомета убили рядового Михаила Хроленко, погиб младший сержант Роман Сидоренко. Пулеметчики рядовой Яшар Мурадов, рядовой Марат Мурадян, расстреляв все ленты, отбивались гранатами. Вокруг них были разбросаны куски мяса мятежников. И все же их расстреляли почти в упор. Заняв высоту, «духи» стали расстреливать карабкающихся по склоку десантников. Погибли рядовые Олег Иванов, Саша Фурман, Таир Джафаров. Последним видели Онищук.

Герой Советского Союза капитан Я. ГОРОШКО:

— В момент посадки вертолета «духи» нас обстреляли. Был смертельно ранен рядовой Рустам Алимов. Пуля влетела сквозь блистер вертолета и ударила в шею. Один из бойцов, прижав ладонку к ране, пытался остановить бившую фонтаном кровь. Пришлось срочно эвакуировать сразу двоих. До госпиталя Рустам не долетел. Через несколько минут он умер, прямо в воздухе.

Когда моя группа десантировалась под прикрытием огня, мы бросились разыскивать группу Онищук. Одного за другим обнаружил несколько трупов наших ребят. Онищук среди них не было.

И тут я увидел группу людей в нашей разведформе. Обрадовался, что часть ребят жива. Был уверен - Онищук не мог погибнуть, даже захватил с собой пять писем для него от жены и матери.

Духи обстреливали с трёх сторон. Пытаясь пересилить грохот боя, что было сил, закричал:

- Олег, не стреляйте. Это Горошко. Мы вас выгатаем.

В ответ прогремели автоматные очереди. А когда я увидел мелькающие бороды людей, переодетых в нашу форму, - всё понял... Такая ненависть охватила меня. Готов был зубами рвать их поганые глотки.

Ребята лежали на склоне горы, цепочкой вытянувшись от машины к вер-

шине горы. Это о них поётся в песне «... и пошла ему пуля, со склона навстречу, в полет». Слышал такую? Про них песня...

Онищук не дошел до вершины каких-то тридцать метров. «Тридцать метров меж ночью и днем...» Он лежал, зажав в руке нож, истерзанный, исколотый штыками. Над ним надругались, забив рот куском его же окровавленного тела. Ему «хозяйство» отрезали и засунули в рот.

Я не мог на это смотреть и ножом освободил Олегу рот. Таким же образом эти сволочи поступили и с рядовыми Мишей Хроленко и Олегом Ивановым. Марату Мурадян отрезали голову.

Корреспондент:

Онищук подорвал себя и окруживших его душманов последней гранатой?

Герой Советского Союза капитан Я. ГОРОШКО:

— Не могу утверждать то, что Олег подорвал себя последней гранатой. Возможно, швырнул ее в этих гадов, а может, пуля срезала раньше, и он не успел выдернуть кольцо.

Нет, не последней, не предпоследней - никакой гранатой он себя не подрывал. Я же его труп видел... Изуродован крепко, но следов, характерных для взрыва гранаты, на нем не было.

Корреспондент:

Кто-нибудь видел, как погиб Онищук?

Младший лейтенант К. ГОРЕЛОВ:

— Гибели Онищук не видел никто. Нас разделяло метров восемьсот. И последнее, что мы видели, это спину Онищук, в одиночку карабкающегося к вершине.

Корреспондент:

Кто слышал, что Онищук в свою последнюю секунду жизни выкрикнул: «Покажем гадам, как умирают русские»?

Младший лейтенант К. ГОРЕЛОВ:

Этого никто не слышал. На таком расстоянии, да ещё в грохоте боя услышать было невозможно. Да и кому он мог кричать? Исламову, оставшемуся у подбитого «мерса» и подорвавшему себя гранатой? Салахиеву, умершему от ран? Или погибшим ещё раньше солдатам, с которыми Онищук шел на помощь головному дозору? И вообще, Олег был украинец.

Корреспондент:

Абдухаким, исходя из материала газеты «Красная звезда», Вы являетесь единственным очевидцем гибели Онищука и Исламова. Расскажите, пожалуйста, подробнее.

Рядовой Абдухаким Нишанов:

— Как погибли Онищук и Исламов, я не видел. Они погибли в разных местах. Онищук – на сопке, Исламов – у подбитой машины. Последнее, что видел, – группа, идущая к машине, растянулась цепочкой и, не дойдя метров пятьдесят до машины, была атакована «духами». «Духи» выползали отовсюду и стреляли, стреляли, стреляли... Затем, Онищук побежал на сопку выручать группу прикрытия. Больше я его не видел. Но я услышал, как Онищук пронзительно кричал. А что он кричал, я не слышал.

Корреспондент:

Возможно, у Вас была слуховая галлюцинация. Просто Вы хотели услышать его голос, знать, что лейтенант жив?

— Нет, я точно слышал его крик.

Рядовой Николай Окипский:

— По нам били из «безоткаток» и минометов, ДШК и стрелкового оружия. В этом грохоте ничего нельзя было слышать, хоть кричи в самое ухо. Не слышал я и прилёта «вертушек». И только когда они прошли перед самым носом, увидел их. Одна «вертушка» села возле нас. Мы вчетвером загрузили оружие, имущество и зашли на борт. Младший лейтенант Горелов требовал от экипажа подлететь к подбитой машине - забрать раненых. Они его не слушали. Я тоже просил их и хотел выпрыгнуть из «вертушки». Но бортмеханик меня выдернул из проёма и захлопнул дверь. При этом механик орал: «Я ещё жить хочу! Я не хочу пулю в челюсть!» Почему именно в челюсть?.. Я готов был всадить ему пулю в другое место. Ребята меня удержали... Мы улетели. Вторая «вертушка» ушла пустой.

Горелов, тоже блин..! Надо было нам идти Онищука выручать, а он – связь, держать связь, вести огонь... Обосрался сука... Я лучше уйду, а то такого наговорю!..

Старший лейтенант А. АКМАЗИ-КОВ:

— Ребята из группы Онищука, ос-

тававшиеся в живых, пережили тяжелую психическую травму. Проявляется это у каждого по своему, но «крышу» рвёт конкретно. Вот, например, Костя Горелов два месяца после этого заикался. Как можем, пытаемся вывести ребят из этого состояния.

Понять рядового Окипского можно - любили солдаты своего командира. Но в этом случае, он неправ. Костя Горелов действовал грамотно: его группа обеспечивала связь с батальоном, сдерживала противника огнём. И это под долбёжкой прямой наводкой из «без откатки» и плотным огнём... А попытка пойти на выручку Онищука была обречена. В общем, если бы не Костя, «духи» всех бы положили.

Рядовой А. НИШАНОВ:

— Да что говорить. Подполковник Олийник пишет в «Красной звезде»: «Бой 31 октября до сих пор перед глазами, — рассказывал мне кавалер ордена Красной Звезды А. Нишанов, один из немногих, оставшихся в живых». А какой я «кавалер», если нет у меня этого ордена. Не награжден... Да и не говорил я с ним - не дали... Олийник сказал: мол, встретимся в Хайратоне - всё расскажешь. Мы уже месяц стоим в Хайратоне, 28 мая границу пересечем. А где он? Понаписывал вранья! В Союзе увижу - в морду плюну.

Младший лейтенант К. ГОРЕЛОВ:

— Больно читать неправду. Пишут, будто вокруг Онищука было семь трупов мятежников. Вокруг Исламова — чуть ли не гора. Сколько они убили, видели только те, кто уже никогда не сможет нам об этом сказать. Тело Онищука первым обнаружил Горошко. Нифталиев грузил тело Исламова в «вертушку». В тот момент душманов вокруг них не было. Да и не могло быть, так как «духи» никогда не оставляют своих убитых и раненых. А время для этого у них было.

Корреспондент:

— Почему же Онищук, зная о том, что рядом мощнейший укрепрайон, насчитывающий две с половиной тысячи мятежников, не уничтожил машину, а после этого не ушел из района?

Командир батальона майор А. БОРИСОВ:

— Дело в том, что после каждого боевого выхода командир составляет

Радист Михаил Деревянко

детальный отчет. И так уж заведено, что больше ценится результат, который можно пощупать руками или увидеть глазами. То есть либо доставить захваченный караван, либо сфотографировать и потом уничтожить. А это может сделать только досмотровая группа. Получается замкнутый круг. Да, Онищук мог взорвать машину и уйти без потерь. Но, скажем прямо, ему бы просто не поверили. А результат был бы квалифицирован как слабый. Вот и рискнули ребята жизнями ради никому не нужной показухи и парадности. Считаю, что установку и приказы на досмотр караванов надо пересмотреть.

Начальник штаба батальона майор С. КОЧЕРГИН:

— Я все приказы и инструкции выполняю от буквы до буквы. И требую от подчиненных того же. Хотя иногда заведомо знаю, что это пользы не принесет. Тактика боевых действий, разработанная по борьбе с караванами, нуждается в серьезных изменениях. Мы напрочь забыли опыт партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Зато с ним хорошо знакомы душманы. Как-то десантники захватили книги «Партизанское движение в Белоруссии» на пушту и дари. Так неужели партизаны, атаковав вражескую колонну, сидели и ждали подкрепления, чтобы вывезти трофеи. Нет. Взяли самое ценное, что можно унести. А остальное уничтожили и тут же отошли, исчезли, растворились.

Поверили бы Онищуку? Лично я и офицеры батальона поверили бы. Но отстоять онищукровский результат перед вышестоящими штабами не смогли бы.

Случай с группой Онищука не единственный. Но дальше так продолжаться не может. Не должно такого быть!

Корреспондент:

— Не боитесь смелости своих

суждений?

Начальник штаба батальона майор С. КОЧЕРГИН:

— Боюсь... Духи всё пугали. Всё ставки за наши головы поднимали - не боялся. А своих боюсь. Мне ведь ещё служить, а за такую правду по голове не поглядят.

Корреспондент:

— Почём нынче головы?

Начальник штаба батальона майор С. КОЧЕРГИН:

— После этого памятного боя, в ходе которого было убито около 160 мятежников и их главарь Мулло Мадад, душманы поклялись на могиле главаря отомстить. И даже листовки выпустили, в которых зелёным по белому написано:

— за голову солдата - 20 тысяч долларов;

— за голову офицера - 40 тысяч долларов.

Корреспондент:

— Откуда Вам известно количество убитых душманов, ведь они не оставляют трупы?

Начальник штаба батальона майор С. КОЧЕРГИН:

- Эту информацию кропотливо собирает наш особый отдел и ХАД - служба госбезопасности Республики Афганистан.

Корреспондент:

— Что вам нравилось и что не нравилось в Онищук?

— Не нравилось? Пожалуй, многим был не по душе максимализм Олега, требовательность и избирательность к себе и окружающим. Онищук обо всем имел свое особое мнение. Но никому его не навязывал. Между Олегом и его подчиненными сложились особые отношения. Уважали его солдаты. И в бою он на них не оглядывался. Знал: не подведут и в спину не выстрелят.

Любил готовить. Иногда как состряпает что-нибудь - объедение. Украинiec, он и в Шахджое - украинiec (кишлак Шахджой - расположение 7-го батальона). Нравилось ему делать людям приятное.

Олег был однолюбом. С теплой нежностью отзывался о своей жене и дочерях. В сентябре 1987 г. у них родилась вторая дочь. Олег светился от радости. Вот только не увидел он своей дочурки...

Замполит батальона майор Юрий СЛОБОДСКОЙ:

— Из песни слов не выбросишь: «...третий тост, помолчим, кто пропал, кто пан...». Низкий поклон всего батальона вам, ребята, семьям и родителям вашим.

P.S.

Зам. начальника особого отдела капитан Валерий Ушаков:

— Да, Серёга, повезло тебе, парень. Редко с кем ребята откровенничают. Спецназ, сам понимаешь. Да и тема для них болочая. Им твоё Грековское

разрешение на пребывание в отряде - до лампочки. Помнишь, как тебе в первые дни Рембо (Слава Горошко) в горло вцепился? А вот когда в составе группы Маланца (Жени Романенко) на «выход» сходил да ребятам купание организовал - всё срослось.

А какого хрена вы тогда генерала обидели? Небось, Рембовидный Аркашка вам первую медицинскую помощь для храбрости оказывал из своего «НЗ»? Ну, дай бог не последнюю, конечно. ...Кто «слил» информацию? Да весь отряд по этому поводу гудит. Герои, мать вашу... А разбираться мне приходится.

Афганистан, май 1988 г.

Материал впервые опубликован в газете КВО «Ленинское знамя» N162 от 14 июля 1988 года.

Справка.

Заместитель командира роты кандидат в члены КПСС старший лейтенант Олег Онищук, возглавляя разведывательную группу, успешно выполняя задания по оказанию интернациональной помощи Республике Афганистан, проявив мужество и героизм, пал смертью храбрых в бою 31 октября 1987 года у кишлака Дури в провинции Заболъ, вблизи границы с Пакистаном... Похоронен в городе Изяславе Хмельницкой области Украины.

Указом Президиума Верховного Совета от 5 мая 1988 года старшему лейтенанту Онищuku Олегу Петровичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Награжден орденом Ленина, орденом Красного Знамени, медалью «За боевые заслуги».

**АФГАНСКАЯ
ВОЙНА** 1979
1992

Виталий Носков

http://artofwar.ru/n/noskow_w_n/

ЗАЩИЩАЯ ТУХЧАР...

«Если даже бой далек,
Плачут жены храбрецов,
Ибо знают: их мужья
Первыми идут в огонь...»
(Из дагестанской народной песни)

I.

С лейтенантом милиции Олегом Курбановым и командиром отделения ополченцев села Тухчар Шамилем Алхулаевым мы поднимаемся на высоту, где 5 сентября этого года приняли бой тринадцать военнослужащих Калачевской бригады внутренних войск. Шестеро из них погибли. Остальных спасли местные жители. Шамилю, который с карабином СКС идет впереди, обязаны жизнью восемь милиционеров и солдат-калачевцев. Отец Шамиля — Абдул спас еще троих солдат. Ему же выпала горькая доля: погрузив с односельчанами на машину казенных российских военнослужащих, вывезти их, окровавленных, пролежавших на окраине Тухчара сутки, к Герзельскому мосту, чтобы передать тела федералам.

Мы на высоте — посреди красоты. Горе, ради которого мы поднялись сюда, не позволяет в нее, красоту предгорий, взглядеться. Прежде всего мы смотрим туда, откуда пришли враги — чеченские бандиты, что перерезали горло шестерым взятым в плен военнослужащим: сначала солдату-мусульманину, потом старшему лейтенанту Василию Ташкину и остальным, кто больше трех часов, окруженные, дрались на высоте.

Вот их метко разившая бандитов боевая машина пехоты, в конце боя подбитая чеченским гранатометчиком и сгоревшая — единственный памятник мужеству офицера и бойцов внутренних войск. Всего-то пять суток простояли в Новолакском районе — на южной окраине Тухчара командированные сюда калачевцы. Нетрудно догадаться, о чем, охраняя село, они думали по ночам. От ближайшего чеченского села Ишхойюрт до Тухчара два километра. Пограничная река Аксай для боевиков не преграда: на «Жигулях» переедешь. За ближайшей горкой другое чеченское село Галайты, где полно вооруженных до зубов боевиков.

Наблюдая за селом Ишхойюрт в бинокль, старший лейтенант Василий Ташкин, выпускник Новосибирского училища внутренних войск, фиксировал передвижения боевиков на технике, наличие зенитных средств, слеж-

ку за своим постом. Сердце этого командира было не на покое. Его задачей было огневое прикрытие двух милицейских контрольно-пропускных пунктов: на въезде в Тухчар и на выезде из него в сторону Галайты.

Дагестанские милиционеры нравились ему улыбчивостью, доброжелательностью. Старший лейтенант В.В. Ташкин знал, что вооруженные только стрелковым оружием милиционеры с радостью восприняли появление его БМП-2 с солдатами на броне. Высота, которую он занял, господствовала над селом. Но сам-то старший лейтенант понимал, в какой они, военнослужащие и милиционеры, опасности. Новолакский район Дагестана почему-то был слабо прикрыт войсками. Рассчитывать можно было лишь на самих себя, на боевое содружество застав внутренних войск и дагестанской милиции. Но тринадцать военнослужащих на БМП — разве это застава?

Ребята вырыли капонир для боевой машины пехоты, зарылись в землю с целью круговой обороны. За пять с небольшим суток своего присутствия они не успели крепко-накрепко подружиться с тухчарцами, но искренне посочувствовали ополченцам-селянам, когда власти выдали на 378 лакских, 267 аварских и 140 чеченских дворов всего-навсего пять карабинов.

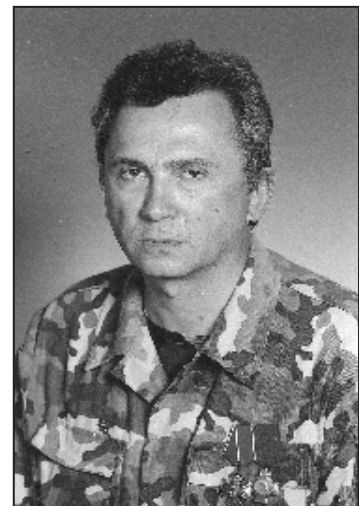
Карабин Шамиля Алхулаева без наплечного ремня. Чтобы носить его за спиной, он привязал к нему бельевую веревку. Наш разговор на высоте только о погибших ребятах.

— Защищая нас, мусульман, они сражались, как герои, — говорит с болью Шамиль. — Силы были неравны. У боевиков на каждом трех-четырёх рация, много гранатометов. Они заняли позиции. И ударили не там, где их ожидали.

Орудие БМП было направлено на высоту, за которой чеченское село Галайты, а боевики открыли огонь с тыла — со стороны дагестанского села Гамиях.

Чечено-дагестанская граница в ночное время была и остается прозрачной. Если только построить подобную Великой Китайской стене оборонительную систему, можно будет вздохнуть спокойно. Вот такое кровавое бандитство подросло и укрепилось в Чечне, пока политикам в Москве думалось, что там все само собой разрешится и успокоится.

С первыми выстрелами БМП вышла из капонира и, находясь в движении, эффективно поражала боевиков, стремившихся сбить бойцов внутренних войск с высоты. Радио-

частоты оказались забиты чеченцами, поэтому связаться с кем-либо не представлялось возможным. Милицейские КПП также дрались в кольце.

Чеченские боевики — по морали бандиты, в военном смысле подготовленные, как диверсанты-террористы, могли быть отражены только массированным огнем артиллерийских и минометных батарей, вертолетными ударами, умелыми контрпартизанскими действиями спецназов. Слабые по огневым средствам милицейские КПП, усиленные одной БМП и тринадцатью военнослужащими внутренних войск, были обречены. Оставалось одно: выполнить Присягу, оказаться достойными памяти боевых товарищей, отдавших жизнь в борьбе с чеченскими экстремистами в 1995-1996 годах.

У Калачевской бригады внутренних войск славная боевая биография. Не раз ее бойцы, как это было 22 апреля 1995 года под Аллероем, воевали и погибали бок о бок с милиционерами, выручая друг друга.

Трагическая гибель шестерых калачевцев пришлось на завершение не оправдавшей себя российской, призванной защищать Северный Кавказ военной стратегии. Армия и внутренние войска, милицейские подразделения России были заложниками политического решения о классификации боевых действий в Чечне как конфликта низкой интенсивности, за чем последовало противодействие противнику ограниченными боевыми средствами. Дескать, воюем-то со своим народом. Но и в 1995 году мы воевали с террористическим преступным интернационалом, к 1999 году набравшим в Чечне страшную силу, идеологией которого была дикая ненависть к России, ее правоохранительным органам, русским людям.

II.

Штаб боевиков, напавших на Тухчар, был в чеченском селе Ишхойюрт. Атакую пост внутренних войск и КПП милиции, на каждое свое действие чеченцы, обещанные оружием, испрашивали разрешения полевого командира. Наблюдая из-за речки, как его люди несут потери, тот был раздражен. Быстрой победной атаки не получилось. Его силы, разделенные на случай подхода русских ре-

зернов, не укладывались вовремя. Гранатометчики, которые должны были жечь бронетехнику, что по расчетам полевого командира могла выдвинуться помочь осажденным, бездействовали.

— Амир, Амир! — все чаще обращались к нему в эфире. — У нас убитые. Русские и даги не хотят сдаваться!

Полевой командир мрачнел. Но боялся снять гранатометчиков и снайперов из засад. Битый в июне, июле и августе в ночных боях у русских застав, он до сих пор прихрамывал. И ждал подвоха, опасаясь грохота российских танков, вминающего в землю низкого вертолетного гула, прицельного огня минометов.

— Справляйтесь сами, — огрызнулся он, иногда срываясь на крик, недовольный наемниками.

В этой операции их было не так уж и много. А вот по деньгам наемники дорого стоили. «Если бы чеченцам так много платили, — думал Амир. — Толку было бы больше».

Старший лейтенант В.В.Ташкин, воюя на высоте, не ждал помощи. Такой изощренности была война, что выручить его людей и дагестанских милиционеров могла только бронегруппа из десятков машин. Все остальное стало бы легкой добычей хорошо замаскированных боевиков. А вот его солдаты верили, что скоро в синем дагестанском небе появятся вертолеты и понесутся к земле спасительные нуры, перемальвая боевиков, отбрасывая их за речку, которую те горделивым маршем перешли ночью.

У дагестанских милиционеров кончались боеприпасы. Вот уже захвачены КПП на въезде в Тухчар и поселковый отдел милиции. Все яростнее натиск боевиков на окруженную высоту. Чеченцы носились по селу, врываясь в опустевшие дома милиционеров, ища ценности, расстреливая из автоматов и пулеметов мебель, посуду.

Ворота домов поселковых милиционеров были помечены буквой «м». Кто-то из пособников сделал это, взяв в руки камень и дорисовав страшный своей непохожестью череп с костями. В школе даже ученические парты были расстреляны.

На третьем часу боя БМП калачевцев

была подбита. Загорелась, но братской могилы пехоты не стала. То, как она, ненавистная боевикам, пылала и взрывалась, вызвало их ликование. И отвлекло внимание. Прикрытые огнем милицейского КПП, старший лейтенант Ташкин и его ребята, таща обожженных и раненых на себе, сумели вырваться с высоты. На КПП, державшем дорогу к чеченскому селу Галайты, защитников стало на тринадцать человек больше.

Увлеченные грабежом села, боевики ослабили огневой натиск на КПП, и старший контрольно-пропускного пункта лейтенант милиции Ахмед Давдиев решился пойти на разведку. В аварской части Тухчара в стычке, открыв огонь, он уничтожил двух боевиков-чеченцев и погиб, сраженный пулеметной очередью.

С высоты, вынужденно оставленной старшим лейтенантом В.В.Ташкиным, КПП у ее подножья выглядит печальным кострищем.

Первыми в ходе боя, конечно, запыхали жилые вагончики. Дым душил и слепил глаза.

Потом защитники КПП, перевязав раненых солдат, увидели идущих к ним старейшин Тухчара, которым пришлось стать парламентарями:

— Боевики велели сказать, чтобы без оружия выходили. — Так на КПП узнали, что чеченцы угнали за речку пленных милиционеров, что героически погиб Ахмед.

— Боевикам передайте: сдаваться не будем, — таков был ответ.

От старейшин защитникам КПП стало известно, что боевиков в селе больше двухсот, что они укрепляются, забирают машины и трактора, вывозят семенную пшеницу, муку.

Зная, что жители Тухчара не вооружены, что их беззащитные дома терзают боевики, защитники КПП, понимая, что контрольно-пропускной пункт вот-вот расстреляют из «шмелей», решили подороже отдать жизнь и с оружием в руках попытались принять бой в селе.

Их, вошедших в Тухчар, встретил плотный пулеметный огонь. Восемнадцать милиционеров и тринадцать военнослужащих внутренних войск рассеялись по селу.

Лакец Шамиль Алхулаев вывел из-под огня солдата, который назвался Федором, и нескольких милиционеров. Самым страшным моментом было, когда ваххабиты входят к нему во двор, а он в десятке метров от рыскающих глазами чеченцев через окно пристроя вынимает трех уже переодетых в его одежду милиционеров и, миновав огород, те прячутся в кукурузе. А вот солдат-фельдшер подразделения не сумел надежно укрыться, и, чтобы спасти его, один из милиционеров, переодетый, но раненый, вышел вместе с Шамилем к чеченским боевикам.

— Вы что тут делаете? — обрушился на ваххабитов с вопросами Шамиль Алхулаев, а сам весь в поту. — Что в моем доме надо?

— Кто это? — спросили его о раненом.

— Местный.

— Почему ранен?

— Так стреляли.

Боевики забрали раненого и ушли. Шамиль укрыл солдата в подвале. Выйдя на улицу, крикнул отца, что неподалеку жил. В ответ чеченская автоматная очередь, крики:

— Иди сюда и те, кто с тобой!

— Со мной никого нет!

Всю мужскую одежду, какая была в доме, Шамиль отдал милиционерам. Восемь человек переодел в гражданку. Трое вернулись в его дом ночью. Он их тоже спрятал в подвале, дал еду. Потом милиционеры ушли, а солдата через неделю под видом пастуха, погоняющего барашков, он вывел к Герзельскому мосту.

— Мой, — говорит Шамиль о военнослужащем фельдшере, уроженце Воронежской области. — Но зовут его не Федором, а Володей. Из предосторожности он сначала назвался именем своего отца.

III.

Попав под кинжальный огонь боевиков, старший лейтенант В. Ташкин, отсеченный чеченскими пулеметами, укрылся с четверью солдатами во времянке лакца Челави Гамзатова. Выстрелом из гранатомета боевики разворотили крышу времянки, которая обрушилась, завалив двух контуженных взрывом милиционеров.

За несколько секунд до этого во дворе Челави, отстреливаясь, погиб, уничтожив боевика, сержант милиции Абдулкасим Магомедов. На предложение сдаться Ташкин, не расстающийся с автоматом, отвечал отказом. Он видел наведенные на времянку гранатометы. Ему и солдатам кричали: «Мы вас поджарим. Мы, дескать, гарантируем жизнь. Впереди у вас только плен. Мы, боевики, уважаем храбрых».

Старший лейтенант не верил ни одному их слову. Он смотрел на исхудалые молодые лица своих бойцов и ловил себя на мысли, что, если хотя бы один из них останется жив, это будет результат. Это будет работа на будущую победу. Ведь солдат расскажет, как все происходило. Ошибки боя будут проанализированы, чтобы больше не повториться.

Когда во времянку вошел хозяин дома, сорокатрехлетний, седеющий на глазах Челави Гамзатов и сказал, что послан парламентом, старший лейтенант вынул из кармана

Высота, где приняли последний бой старший лейтенант Василий Ташкин и его солдаты

Место казни военнослужащих 22-ой Калачевской бригады

камуфляжа конверт с дорогими сердцу фотографиями маленькой дочки, жены и отдал Челави.

Потом с автоматами в руках офицер и четверо солдат вышли к боевикам. Их окружили и, разоружив, повели в сторону КПП.

С Челави Гамзатовым, Шамилем Алхулаевым, лейтенантом милиции Олегом Курбановым мы стоим возле бетонной сваи, бывшей лобным местом.

Челави рассказывает:

— Старшего лейтенанта и солдат (пятого захватили в одном из дворов) выводили на казнь поодиночке. Какое-то время их продержали в разрушенном КПП, еще недавно прикрывавшем дорогу на Галайты. Приказ на казнь отдал полевой командир. С ним был разговор по рации. Он начался еще во дворе Гамзатова, и Челави прокричал:

— Как же так? Вы обещали им жизнь!

— Некогда с ними возиться. Их БМП убила немало наших людей!

Первым вывели на казнь солдата-мусльманина. Опрокинули его, сопротивляющегося, на бетонную сваю и перерезали горло. Старший лейтенант В. Ташкин вел себя дерзко, говорил что-то, тоже сопротивлялся.

Под ножом палача никто из военнослужащих не дрогнул, не просил о пощаде. Жители Тухчара, замерев от ужаса, находясь в шестидесяти метрах от места казни, не могли слышать предсмертных слов убиваемых. Они видели, как шестой из солдат вырвался, пытался уйти от погони, но был ранен и дорезан боевиками все на той же бетонной свае.

Кровь измученных воинов вахабиты зачем-то собирали в трехлитровую стеклянную банку. Ради магических целей или чтобы устроить туххарцев - парализовать их волю к сопротивлению? Вот такие борцы за чистый Ислам ворвались в дагестанское село Тухчар пятого сентября 1999 года.

Челави Гамзатов, наклонившись, пытается найти на месте казни хотя бы пятнышко крови героев и не находит. Шамиль Алхулаев произносит, что после свершившейся казни трое суток шел дождь.

Пятого сентября, вернувшись домой, Челави достал из-под обломков рухнувшей крыши временки двух контуженных милиционеров и, приведя их в чувство, укрыл от чеченских бандитов.

Почти неделю боевики господствовали в селе: окапывались, меняя дислокацию своих подразделений. Их полевой командир только раз появился в Тухчаре, приехав из Ишхойюрта на черном «Ниссане», — посмотреть на трупы казненных. Прихрамывая, походил вокруг мертвых и, одобряя содеянное, с традиционным «Аллах Акбар» вернулся в свое логово.

Сгоревший КПП, дорога на Галайты, бетонная свая возле нее. Я прошу Шамиля снять с плеча карабин и положить на то место, где убивали наших товарищей по оружию. Это самый скорбный снимок моей биографии. Напоминание всем, кто наш противник. По каким правилам живет, в чем черпает силы.

В Тухчаре, как и во всем Новолакском районе, боевики беспредельничали так, что даже дворовые собаки забились в дома, ища спасения возле ног униженных, оскорбленных хозяев.

Когда пришли арестовывать отца одного из милиционеров и прикладами автоматов стали сбивать замок, тот спокойно сказал:

— Зачем ломаете? У меня ключ есть.

Его привезли в штаб, бросили на пол, стали допрашивать:

— Где твой сын? Где его оружие?

— У него в руках, — последовал гордый ответ.

Тогда по старому человеку открыли огонь холостыми патронами, стреляли в

грудь, грозились отправить в Урус-Мартан.

Отца Шамиля - Абдула Алхулаева приехали забирать, когда стемнело. При нем была записка от военфельдшера Володи, который прятался в подвале сына. Абдул попросил боевиков об одном одолжении: закончить по хозяйству какую-то мелочь и ушел через огороды.

Когда я приехал в Тухчар, в селе, пережившем трагедию двадцать дней назад, не побывал еще ни один из следователей военной прокуратуры. Как ни в чем не бывало ходили по селу пособники чеченских боевиков, претендовали на гуманитарную помощь. Плакали люди, дома которых были разрушены в ходе боев: те люди, кто спас от расправы семерых российских солдат и немного милиционеров, семнадцать из которых до сих пор в плену, четырнадцать из них — уроженцы Тухчара.

Я сфотографировал Челави в его дворе со снимком в руках, на котором старший лейтенант Ташкин еще живой, рядом жена-красавица, между ними доченька. Высокий, худощавый, спортивный старший лейтенант, семья которого в Анжеро-Сунженске, смотрит в объектив, а в глазах нерастратенное счастье и желание жить. «Милые мои, девушки. Я вас очень люблю», - прочитал я на обороте фотографии.

Его офицерская победа над врагом, победа мучеников-солдат, дагестанских героев-милиционеров — в новой, завоеванной кровью стратегии российского воинства в Чечне, в мощных ударах нашей авиации и артиллерийских батарей, в желании личного состава громить бандформирования террористов, где бы ни встретились, в крепких руках тех, кто замкнет наручники на запястьях Хаттаба, Ба-саева и того полевого командира, кто зря лелеял надежды ужаснуть российское воинство казнью в Тухчаре.

Минное оружие в современном мире

Данную статью я написал совместно с болгарским специалистом Найденом Илиевым. Достаточно полезная статья для тех, кто работает сапером или имеет дело с минами в ходе службы. Не оспаривая необходимости уничтожения мин накладным зарядом, хочу заметить, что это далеко не всегда возможно. Саму работу можете найти на <http://tewton.narod.ru/boy/val-iliev.html>

1. Современное производство и использование мин.

Вопрос разминирования отнюдь не решен с принятием многими странами мира Оттавской Конвенции о запрете производства и использования противопехотных мин.

Во-первых, противотанковые мины этой конвенцией так и не охвачены, а современные конфликты как раз и характеризуются частым употреблением различными партизанскими силами противотанковых и противопехотных мин. Эти мины, устанавливаемые поодиночке или группами на путях сообщения, представляют большую угрозу и для современных армий мира, особенно если устанавливаются подготовленными саперами. Достаточно попасть на засоренную металлом или богатым металлическими рудами грунт, чтобы современные миноискатели оказались бессильными. К тому же, противотанковые мины могут закладываться на большую глубину в выбоинах на дорогах или с использованием неметаллических предметов в качестве дополнительных нажимных элементов.

Еще более опасны фугасы, управляемые лазерными и радиовзрывателями, либо по электропроводам, натяжным проволокам, радиостанциям и даже мобильными телефонами. Они могут закладываться на глубину, ограниченную только мощностью заряда.

Во-вторых, схожую опасность представляют различные противобортовые противотанковые мины и осколочные мины направленного действия с дистанционными взрывателями или дистанционно управляемые. Впрочем, подробно данный вопрос будет рассмотрен Валецким в последующих работах.

В-третьих, формальная массовость стран, подписавших конвенцию, особой

роли не играет. Еще до принятия этой конвенции Третий мир был наводнен миллионами мин, произведенными или разработанными в странах противостоящих блоков (прежде всего, СССР, ЧССР, ГДР, Болгарии, Румынии, Югославии, Швейцарии, США, Франции, Италии, Бельгии, Португалии, Израиля) в таком количестве, что до сих пор эти запасы позволяют вести активные боевые действия десятки лет. Достаточно уточнить, что в арсеналах больших государств, до сих пор не подписавших конвенцию (Россия, Турция, США, Китай, Пакистан, Индия), накоплено более 120 миллионов штук противопехотных мин.

Вряд ли военные, а уж тем более партизанские группы стран Третьего мира, откажутся от использования дешевых противопехотных мин, не требующих расходов, и весьма эффективных в защите пограничных областей, являющихся частой причиной войн в этом мире.

Кассетные боеприпасы не смогут заменить противопехотные мины ручной установки из-за отсутствия достаточно количества средств дистанционного минирования, слишком дорогих для таких войн не только для стран Третьего мира, но и для многих, хоть и развитых, но небогатых стран Америки, Европы и Азии.

К тому же различные партизанские и террористические организации, ставшие в последние десятилетия играть одну из главных ролей в таких войнах, в состоянии использовать главным образом мины ручной установки, либо, в лучшем случае, простейшие переносные и буксируемые установки дистанционного минирования.

Не является большим секретом и то, что принятие Оттавской Конвенции некоторыми странами сопровождалось продажей этими же странами запасов сотен тысяч противопехотных мин в страны Третьего мира. Таким образом подписанные конвенции частично и подстегнуло

рост использования противопехотных мин.

В-четвертых, куда более важно то, что с иностранной помощью некоторые страны Третьего мира сами организовали производство как противопехотных, так и противотанковых мин, и ясно, что данные страны подписывать Оттавскую конвенцию не собирались и не собираются.

Войны в Третьем мире с принятием Оттавской конвенции не прекратились, и потребность в минах, в том числе нажимных, продолжает расти.

Илиев полагает, что вообще недостаточно оценивается возможность стран Третьего мира организовывать производство противопехотных мин собственными силами, не нуждаясь в сложном оборудовании и технологиях. Так простая модель пластиковой или деревянной нажимной фугасной мины типа ПМД-6, или, скажем, израильской ЛЬ4, или осколочной мины типа ПОМЗ-2/2М могут производиться без особенных затрат в любой деревне стран Третьего мира.

Известно, что экспорт мин, в общем, ограничивается, но международная торговля взрывчатыми веществами и средствами взрывания (капсюль-воспламенители, детонаторы) вполне легальна, и для нее ограничений нет и быть не может, поскольку взрывчатые вещества и большинство средств взрывания широко используются в дорожном строительстве, прокладке туннелей, добыче камня и щебня, для разрушения устаревших сооружений и еще в очень многих работах народного хозяйства любой страны.

В этом смысле стоит вспомнить и эрзац-мины Германии в конце Второй мировой войны, советские стеклянные мины по подобию ПОМЗ-2 с взрывателями, сделанные из стреляных винтовочных гильз. По сути, все эти устаревшие

мины являются вполне эффективными в условиях боевых действий и первобытных средств ручного разминирования Третьего мира.

Кроме экономической выгоды использования противопехотных мин, которые являются самым эффективным оружием в мире, если исходить из экономического анализа по принципу «Затраты – Результативность», стоит подумать и о политических результатах использования мин. Так с их помощью самая неизвестная малочисленная террористическая организация может годами терроризировать ни в чем не повинное население целой страны, а то и группы стран.

Минновзрывные заграждения ставятся на дорогах, около источников пищевых ресурсов, огородов, кладбищ. Эти минные заграждения никем и нигде не фиксируются, и никто их не контролирует. Минное засорение подрывает экономику государства, являясь причиной снижения уровня производства сельского хозяйства, снижения доходов от туризма, увеличивая расходы государства на лечение пострадавших от мин и противоминных программ, которые всегда стоят дорого.

Разработка и принятие на вооружение различных типов самонаводящихся и кассетных боеприпасов влияния на отказ или снижение использования классических мин оказать не смогли. Крайне высокая цена этих боеприпасов по сравнению с классическими минами относится не столько к разнице в боевой эффективности действия по цели, тут она немногим различается, сколько к методам доставки к цели.

Надо заметить, что обычные мины, даже образцы времен Второй мировой войны, вполне боеспособны и в современных войнах, разумеется, в руках грамотных и опытных саперов и общевойсковых командиров, что однако все реже можно встретить в современной военной среде, погрязшей в интригах и бюрократизме. Типичное наглядное доказательство тому сохраняющаяся боеспособность мин, установленных в Египте и Ливии немецко-итальянскими и британскими войсками во время Второй мировой войны. Противотанковые противогусеничные мины фугасного действия Riegel Mine 43 (Германия), Tellermine 35 (Германия), Tellermine 42 (Германия), Tellermine 43 (Германия), Mk 5 (Великобритания), Mk 7 (Великобритания), В-2 (Италия), V-3 (Италия), противопехотные выпрыгивающие мины осколочного действия S.Mi.

35 (Германия), Mk 2 (Великобритания) сделали многие районы Ливии и Египта непригодными для ведения работ нефте-разведки, и это потребовало больших расходов по их разминированию, в том числе с помощью иностранных специалистов и организаций.

Так, по свидетельству болгарских саперов, которые принимали участие в разминировании ливийской пустыни в 1989 году, немецкие противотанковые мины были, как новые, время на их работоспособность не оказало никакого влияния. Разумеется сохранению мин способствовал сухой и жаркий пустынный климат, тогда как места с более влажным климатом делают механические взрыватели таких мин, как и сами мины, вследствие коррозии, чрезвычайно опасными (как впрочем, и любые боеприпасы наполненные меллинитом (пикриновой кислотой).

Не случайно, что крупнейшая в мире военная сила – США Оттавскую Конвенцию подписывать не собирается, ибо ее военное руководство совершенно справедливо полагает, что данная конвенция подрвет военную мощь американской армии.

В США развитию минного оружия уделяют традиционно большое внимание. Устаревшие мины, активно применявшиеся американской армией в ходе Второй мировой, Корейской и Вьетнамской войн (противотанковые противогусеничные мины фугасного действия M1, M1A1, M7A2, M6, M6A2, противопехотные нажимные мины фугасного действия M25 (копия канадской C3A2 (Elsie), производимой также в Велико-

британии и Японии), противопехотные выпрыгивающие мины осколочного действия серии M2, противопехотные заградительные мины осколочного действия серии M3, противотанковая противобортовая мина M24 (с кумулятивным ракетным снарядом M28A2 от РПГ M20) ныне заменены более новыми образцами (противопехотными нажимными минами фугасного действия M14, противопехотными выпрыгивающими минами осколочного действия серии M16 и M26, противопехотными минами осколочного направленного действия M18 (Claymore), противотанковой противобортовой миной M66(с кумулятивным ракетным снарядом), противотанковыми противогусеничными минами фугасного действия M15 (возможна установка штыревого взрывателя M-624) и M19, противотанковыми штыревыми противоднищевыми M21.

Также в американской армии используется противопехотная выпрыгивающая натяжная мина осколочного действия PDB M86 (Pursuit-Deternet Munition (PDB) M86), созданная на базе мины M67 системы дистанционного минирования ADAM. Устанавливается она вручную (простой бросок, как ручной гранаты, на планируемое для установки место с извлечением предохранителя).

Приняты на вооружение универсальные малогабаритные мины SLAM (Selectable Lightweight Attack Munition (SLAM) вариантов M2 и M4, которые можно использовать как противотранспортные (противоднищевые или противобортовые) мины, так и противопехотные (реагируют на тепло, исходящее от цели), либо как объектные мины-ловушки,

либо ловушки с замедлением или просто в качестве подрывного заряда. Она имеет два датчика цели: магнитный (когда используется как противотранспортная противоднищевая) и инфракрасный (когда используется как противобортовая или противопехотная). Причем, инфракрасный датчик пассивный, регистрирующий тепловое излучение цели. Поражение цели основано на принципе ударного ядра (Miznaу-Shardin effekt).

При этом США до подписания одного из протоколов Оттавской Конвенции были крупнейшим экспортером мин в мире, и американские мины можно встретить по местам многих прошедших войн от Кореи (где граница с Северной Кореей до сих пор минирована) и Вьетнама до Сальвадора, Анголы и, разумеется, бывших фронтов ирано-иракской войны.

Главным поприщем применения мин армией США стала война в Индокитае (Вьетнам, Лаос, Камбоджа), где часто можно было встретить мины производства СССР, Китая и некоторых соцстран и их копии производившиеся во Вьетнаме, который также копировал и американские образцы (MN-79 копия M-14 и схожая ей MD-82B). С началом новой войны в Кампучии (бывшей Камбодже) противоборствующие стороны “красные кхмеры” с одной стороны, и войска Вьетнама и союзные ему кампучийские войска с другой стороны широко использовали как старые запасы мин, так и новые, как например, из Китая, Болгарии, ГДР, Чехословакии, Таиланда. Самые известные модели, которыми наспигована земля этой красивой страны - советские ПМН, ПМН-2, болгарская ПСМ-1, китайские Т-72 и Т-58.

Китай на основе опыта войн в Индокитае, в том числе, собственного (правда неудачного боевого опыта войны с Вьетнамом в 1979 году) развернул собственное производство мин, в том числе, средств дистанционного минирования и средств дистанционного разминирования.

Китай первое время главным образом копировал проверенные образцы, а затем перешел к закупке лицензий и развитию на их основе собственных образцов. Можно перечислить ряд мин китайского производства собственной разработки – противотанковые противогусеничные фугасного действия Т-72, противопехотные нажимные фугасного действия Т-72, противопехотные натяжно-нажимные осколочного действия Тип 69 (схожа советской ОЗМ-3, но, в отличие от ОЗМ-3, ее

взрыватель двойного действия - нажимного и натяжного) и Тип 68, кассетные мины противотанковые противоднищевые Тип 84 и SATM с магнитно-сейсмическим взрывателем (последняя схожа немецкой AT-2), противопехотные натяжные осколочного действия SAPM, противопехотные нажимные фугасного действия SAPEM и GLD-112 (несколько схожа с советской ПМН). Используются и мины иностранных образцов, но собственного изготовления - противопехотные нажимные фугасного действия ПМН (Тип 58) (СССР) и PPM-2 (бывшая ГДР), противопехотные натяжные осколочного действия POM3 2 (Тип 58) (СССР), POM3 2M (Тип 59) (СССР) и M18A1 Claymore (Тип 66) (США).

Китайская государственная компания NORINCO уже в 70-80 годах стала вытеснять европейские компании с рынков стран Третьего мира (например, в Мозамбике, Судане, Ираке, Сомали и Камбодже). Следуя своей экспансионистской политике в области минного оружия и принятия европейскими странами, в том числе, Италией, Оттавской Конвенции, Китай стал быстро занимать лидирующее место в Третьем мире в области противопехотных мин. До сих пор Китай является наибольшим экспортером противопехотных мин в мире, не обращая никакого внимания на чьи-то эмоции и не собираясь прекратить поставки этого оружия.

Самым большим поставщиком противопехотных мин в зонах региональных конфликтов в прошлом являлся СССР. Огромное количество производимых в государстве мин (до 10 миллионов в год) накапливалось в складах, а вместе с этим возрастала необходимость периодически делать замену старых партий мин новыми, ввиду истечения срока гарантийного хранения боеприпасов.

До конца 80-х годов прошлого века по некоторым данным СССР отправил на экспорт более 40 миллионов противопехотных мин. Большинство из них вообще и не продавалось, а передавалось в качестве военной помощи различным правительствам, армиям и партизанам, объявлявшим о своей приверженности идеям марксизма-ленинизма и воюющим против мирового империализма.

Простой аргумент- советская нажимная фугасная мина ПМН, которую саперы называли «черной вдовой», – ее можно встретить повсюду в мире и нет другой мины, которую саперы встречают столь часто. Интересно то, что на минных полях в мире можно найти серий ПМН,

производства от 1958 года, вплоть до конца 70-х годов прошлого века.

Для СССР некоторые государства были просто полигоном для опробования новых моделей мин: ПМН-2 была впервые опробована в Камбодже, затем в Афганистане, ПФМ-1 - в Сирии, ОЗМ-72 - в Афганистане, а накануне последней войны в Ирак неизвестно как попали сравнительно новые модели некоторых советских противотанковых мин, например, противотанковая ТМ-72.

Однако, ведущую роль в разработке и производстве мин для стран Третьего мира сыграла Италия, чьи компании BPD Difesa e Spazio srl (MISAR), Valsella Meccanotecnica SpA, Tecnovar Italiana SpA (интересно, что в двух последних компаниях главный пакет акций принадлежал компании FIAT) не только миллионами экспортировали мины (цена одной противопехотной нажимной мины фугасного действия доходила до 5-10 долларов), но и продавали лицензии и даже целые производственные линии.

Характерной особенностью итальянских мин является пневматическая система управления взрывателем (shock resistant fuze) у противопехотных нажимных и противотанковых противогусеничных мин. Подобная система заключается в наличии воздушного пространства между нажимной крышкой и втулкой взрывателя, и при воздействии цели на мину воздух перетекает из полости в полость через калиброванные отверстия. Тем самым обеспечивается несрабатывание взрывателя при кратковременном воздействии на нажимной датчик цели, явление, наблюдаемое при взрывах средств дистанционного разминирования взрывного типа или просто близких разрывах различных боеприпасов. Однако, при достаточно длительном нажатии на датчик цели, что обычно происходит при наступлении на него ногой или колесом (гусеницей), взрыватель срабатывает надежно. Помимо этого подобная конструкция обеспечивает возможность установки с воздуха, без устройств дальнего взведения. Интересно отметить то, что итальянские мины VS-50 и TS-50, в конструкции которых наблюдается максимальная устойчивость к взрывным средствам разминирования, обезвреживаются очень просто-нужно вывинтить заглушку детонатора и удалить его. Масса таких мин была использована в Кувейте в 1991 году.

(Продолжение следует)

До сих пор ношу в руке четырех «фашистов»

Отрывок из воспоминаний полковника МВД Петра Ивановича Стукова

Из училища был выпуск офицеров, который весь направили на фронт, а мы продолжали занятия теоретические в классах и практические на природе. Площадь, где в мирное время после войны построили Дом Правительства и ЦИК партии Казахстана, была изрыта окопами и зинданами. Наша учеба продолжалась до февраля 1943г. Затем выдали новое обмундирование и строем повели к станции Алма-Ата-1, там уже стояли готовые под погрузку товарные вагоны. В вагонах были двойные нары и «буржуйки».

Погрузка прошла очень быстро, и мы тронулись в путь. На печурке размещалось всего три котелка, и очередь занималась с вечера. Лепешки пекли на трубе печки. На длительных стоянках варили на кострах. Не помню, сколько суток мы были в пути, но в одно раннее утро нам приказали выгружаться и разместиться с левой стороны эшелона, в мелком сосняке. Как только рассвело, прилетел немецкий самолет и начал обстреливать стоящий состав, самолет расстрелял все вагоны. К счастью там уже никого не было. Впоследствии нам сообщили, что нас не довели 16 км до станции Купянск. С короткими передышками колоннами мы два дня двигались в южном направлении.

На третий день вывели нас на обширную поляну и стали распределять по подразделениям дивизии. Я попал в минометную батарею 120-мм минометов, 7 стрелковый полк, 24-й стрелковой дивизии. Воины дивизии совершали беспримерные подвиги в боях с врагами, неся при этом большие потери личного состава своих подразделений.

Вспоминается гибель курсанта с нашей батареи Митькова. Как говорится, «на войне, как на войне», гибель солдата ожидает всюду. Боец Митьков был направлен с обедом в термосе на пере-

довую к разведчикам. И когда переходил поляну в лесу, его накрыло снарядом. Митьков упал и не поднялся. Мы располагались на опушке леса, и нам было хорошо это видно. Мы вчетвером подбегали к нему. Он был весь в крови: осколком вывернуло правую лопатку. Мы положили его на плащпалатку и понесли в санчасть, но он по дороге скончался. Схоронили его на батарее у дороги, прямо в обуви и обмундировании. Из консервной банки вырезали звездочку, а на деревянном памятнике написали, кто похоронен. Митьков был из Смоленской области, она была ещё оккупирована немцами. О его гибели я сообщил в своё родное село Уфимцевой Нине, с которой Митьков переписывался.

Как-то по пути к разведчикам с обедом потерялся наш боец, и троих бойцов направили в розыски. Нам нужно было прочесать посадки кукурузы и подсолнухов. Мы рассредоточились и пошли в сторону передовой. Там я расспросил пулеметчиков, не было ли у них солдата с термосом. Получив отрицательный ответ, я пошел обратно. Вокруг было много убитых, ещё не убранных. Слева по движению в небе находился немецкий аэростат. До посадок кукурузы я шел почти в полный рост, но как только дошел до посадок, услышал полет мины и упал. Она взорвалась недолетом, не успел подняться, вторая - перелетом, и я понял, что «немец» обеспечивает «вилку», и третья уж точно будет в цель. Я вскочил и быстро побежал в сторону аэростата, благо, было под горку, и третья мина меня не накрыла. Когда я вернулся на батарею, то Мишка с медсестрой уже были там, они тоже не нашли никаких следов потерявшегося. Впоследствии наши разведчики обнаружили клочок конверта с адресом нашего курсанта. Была высказана версия, что он был захвачен немцами и по пути следования выбросил письмо.

Когда началась артподготовка, к нам приехал замполит полка с сопровождающим (сыном полка), на котором все было красиво подогнано (сапоги, гимнастерка, седло на коне). Нас, принятых в партию, вызвали для вручения партбилетов, в это время над нами с гулом летели снаряды «катюш». Мне вручили кандидатскую карточку.

Немец отступил, но вскоре опять установился на заранее подготовленных позициях. С наступлением темноты весь горизонт, насколько хватал глаз, был в огне. «Немец», отступая, жег все населенные пункты, а народ угонял на запад. Редко где сохранились хаты.

Мне часто приходилось под диктовку командования писать благодарственные письма на родину бойцов, в которых благодарили родителей за воспитание отважных сынов. У меня был красивый почерк, а при написании таких писем, я ещё больше старался, вспоминая при этом письмо с фронта о своем отце. В письме писалось о мужестве коммуниста по защите Тулы. Тогда письмо читали по всем цехам артели и бригадам колхоза, где он работал. И мы очень гордились тятьей.

На Украине стояла жаркое лето. Отступая, фашисты травили и взрывали колодцы. А если где и обнаруживался водный источник, то его солдаты черпали до глины. Нас спасали арбузы, которые мы загрузили на одной из бахчей. Наши тылы все больше отставали. Недостаток боеприпасов ощущался все больше и больше, и нас, батарейцев, привлекали к сбору немецких мин. Наш командир был назначен начальником артиллерии полка, и мы его приказы выполняли без

задержки. На наших полуторках производилась переброска пехоты до новых позиций. Иногда по несколько рейсов, а потом машины возвращались за нами.

Днем небо темнело от немецких самолетов, летящих в сторону Курска, а с наступлением темноты «кукурузники» летели в сторону фрицев и наводили там шорох.

В период отступления противника наш повар сутками не мог приготовить еду. Даже в боевой обстановке при первой возможности, на кострах, в бочках прожаривали белье, обмундирование и мылись.

Фашисты минировали все, что успевали. На одной из дорог наш танк подорвался на фугасе, башню сорвало и отбросило, весь экипаж обуглился.

После Сталинградской битвы 24-я дивизия вошла в состав 8-й гвардейской армии и, выгрузившись на станции Купянск, оборудовала тыловой рубеж обороны на реке Оскол в районе станции Двуречная. Мы располагались в лесном массиве, в землянках, пилили лес и таскали бревна к траншеям, к окопам. Затем дивизия совершила марш и сосредоточилась недалеко от станции Валужки, где вошла в состав 57-й армии.

Затем армия вошла в состав степного фронта и перешла в наступление на Харьков с востока. Дивизия создала условия для развития успеха, но осуществить это ей не пришлось. Она возвращалась в состав Юго-западного фронта и была выведена из боя. Совершив двухсуточный марш на юг, сосредоточилась в районе Лимана (30 км юго-западнее Чугуева). Здесь дивизия вошла в состав 34-го стрелкового корпуса 1-й гвардейской армии Юго-западного фронта. 24-я дивизия получила задачу, форсировать реку Северский Донец на участке Коровов (10 км южнее Змиева).

В своем решении генерал-майор Прохоров предусмотрел форсировать Северский Донец ночью. Задымились походные кухни, и до ужина проходили комсомольские собрания с повесткой дня «о роли коммунистов при форсировании Северского Донца», «Личный пример комсомольца при форсировании». Подготовка к форсированию началась ещё при подходе к реке. В полках шла кропотливая работа всего личного состава. Река – серьезная преграда, и для её форсирования требовалась тщательная подготовка. Проводился сбор подручных средств переправы. Выявляли не умеющих плавать, за такими бойцами закрепляли личных пловцов, для подстраховки во время форсирования.

В скрытых от наблюдения противника местах, стаскивали бревна, доски, бочки, сколачивали паромы, плоты, ремонтировали лодки. В этой работе участвовали и местные жители, вышедшие из лесов, стремящиеся как-то помочь родной армии.

После ужина наша батарея заняла огневую позицию и приступила к подготовке минометов. Рубили сучья, мешавшие стрельбе. Пили деревья на мелкие бревна, для подкладки под плиту, т.к. грунт был песчаный, и после каждого выстрела плита углублялась в песок. Стояла зловещая тишина, все освещалось лунным светом. Собирались строжайшая маскировка. Саперы обозначили и оборудовали выходы на десантные пункты переправ. В 2 часа первые эшелоны полков вышли к воде, началось форсирование. С той стороны взлетали ракеты, а потом начали шарить лучи прожекторов, и противник обнаружил бойцов. Застрочили пулеметы, стали бить по реке минометы. И тут сразу же с нашей стороны открыли огонь батареи минометов, артиллерии, «Катюш». Канонада была настолько сильной, что приходилось кричать громко в уши, если требовалось что-то сказать. К утру опять установилась тишина. И когда возшло солнце, меня и двоих разведчиков направили следом за наступающей пехотой отыскать позицию для нашей батареи. Подойдя к реке, мы нашли в кустах лодку и быстро перебрались на тот берег, он был очень крутой и увешан консервными банками на проволоке. Пока мы взбирались, услышали гул самолетов, потом увидели, что летят самолеты, оказалось – немецкие. Подлетев к реке, они начали бомбить наши паромы, на которых переправлялись орудия и большие группы солдат. Прямым попаданием вместе с плотом взлетели орудия, и перед нашими глазами мелькнули только колеса. Отбобившись, самолеты улетели вдоль реки, а мы продолжили движение. Недалеко от берега обнаружили несколько землянок в три наката. Снаружи все помечено стрелками, дорожки посыпаны красным песком. Далее были добротные здания, как потом узнали, здания дома отдыха.

Справа от нас доносилась ружейно-пулеметная стрельба, и взлетали сигнальные ракеты. Место для расположения батареи мы определили на территории бывшего кордона, разведчики пошли определять места для разведчиков, а меня отправили обратно на батарею.

По пути попадалось много брошенных мотоциклов и велосипедов. Подоб-

рав один из них, я поехал к реке. Там уже была налажена переправа для танков и машин.

Когда я приехал на батарею, там уже все было готово к движению. В пути ребята рассказывали, что во время ночной стрельбы немецкий шестиствольный миномет накрыл санчасть, у нас большие потери, много погибших и на реке.

На новой огневой позиции установили минометы, определили ориентиры, на брезенте почистили от смазки мины, сделали пристрелку.

Противник вновь и вновь предпринимал атаки, выдвигая танки и пехоту. Мы вместе с артиллерией вели прицельный огонь, наш 7-й полк развил наступление на деревню Пасски. Восемь дней продолжались тяжелые бои. Дивизия расширила захваченный плацдарм и овладела станцией Тарановка, деревнями Пасски, Сухая Гомильша.

Командование всеми силами пыталось удержать станцию Тарановка, сознавая всю ответственность: если фашисты захватят станцию, то получат возможность подвезти к Харькову свои бронепоезда и их огнем поддержат гарнизон города. Противник постоянно бомбардировал наши позиции, артиллерия и минометы вели бешеный огонь. Подразделения пехоты фашистов двинулись в атаку. Бои были очень ожесточенные, мы тоже несли большие потери.

Отмечая победу по освобождению Харькова, столица салатовала 20-ю артиллерийскими залпами из 224 орудий. Это был второй победный салют в истории ВОВ.

Приказом Верховного главнокомандующего Сталина была объявлена благодарность всем войскам, участвовавшим в освобождении Харькова, в т.ч. соединениям 34-го стрелкового корпуса, в состав которого входила 24-я стрелковая дивизия.

В эти дни 1-я гвардейская армия наступала в направлении Лозовая, Днепропетровск. Однако, эти действия приняли напряженный характер. Фашисты часто совершали авиационные налеты на наши позиции, бомбили на бреющем полете. Наш курсант Бигельдиров с колеса перевернутой повозки из ПТР(противотанковое ружье) сбил самолет, и ему был предоставлен месячный отпуск, он уехал домой, и больше мы его не видели. Ходили слухи, якобы, он окончил ПВПУ и в звании офицера вернулся на фронт.

Противник принимал меры агитации через громкоговорители, газеты и листовки.

Мы тоже использовали установки громкоговорителей и вещали на немецком языке, ясно и доходчиво. Был случай, когда наш разведчик захватил в плен хорошо упитанного мордастого фрица. У него было много фотографий, и мы с интересом рассматривали их. На кителе было две награды: одна за Францию, другая за наш город Ржев. Потом его отвели в штаб.

Противник упорно сопротивлялся на новых позициях, используя в контратаках крупные силы танков, артиллерии, пехоты.

События стремительно нарастали, и задачей нашего Юго-Западного фронта стало - не допустить планомерного отхода соединений немцев за Днепр, лишить их возможности остановить наступление наших войск.

Наша дивизия, оставаясь в составе 1-й гвардейской армии, получила задачу преследовать противника в общем направлении на Днепропетровск, Новомосковск. Хотя противник и отходил, но дивизии приходилось действовать в сложных условиях. Полки в предыдущих боях понесли значительные потери. Личный состав был сильно утомлен, и тратилось много времени на то, чтобы сбить прикрытие противника и отрезать ему путь отхода. В этот период смелыми решительными действиями отличались бойцы и командиры нашего седьмого полка. Как писала газета, мастерами огня проявили себя: командир 120-мм минометной батареи капитан Десетник, снайпер-наблюдатель Терещенко, Полещиков.

За восемь дней наша дивизия продвинулась на 100 км со средним темпом 12 км в сутки и к 22 сентября вышла в район Новомосковска, где встретила упорное сопротивление танкового корпуса противника, который стремился удержать плацдарм в районе Днепропетровска. Донбасская наступательная операция завершилась. С освобождением Донбасса стране был возвращен важный угольно-металлургический район. Одновременно создались условия для разгрома немецко-фашистских войск на Правобережной Украине.

24 сентября 1943 года группу батарейцев направили в помощь пехотным подразделениям. Уже в темноте мы продвигались навстречу пехоте. Под ливнем трассирующих пуль и осветительных ракет. Расположились мы в противотанковом рву и вели ружейный огонь по населенному пункту, откуда враг отстреливался очень интенсивно из винтовок.

Я прорыл углубление в стенке рва,

обращенного в сторону противника и после того, как наступила тишина, прилег отдохнуть. Но как только рассвело, немец открыл интенсивный минометный огонь, во которого было ранено 5 человек, в том числе и я, моя правая рука не действовала.

Ко мне в горячке подбежал товарищ, его ранило прямо в центр чашечки колена. Я кинул ему свой индивидуальный пакет. Он его разорвал и вернул мне. Я начал бинтовать свою правую руку, не чувствуя пока ранения левой руки и ноги. Захотелось пить и курить. Ребята принесли котелок воды и закурили большую папиросу. Я почти всю выкурил залпом, и только к концу замутилась голова. Перевозить нас в санчасть было невозможно. В светлое время хорошо просматривалась местность, и немец легко мог уничтожить повозки. Лежали мы в противотанковом рву весь день. Умер один из раненых. Он потерял много крови, был ранен в ноги. За отсутствием досок ему к ногам вместо шины прибинтовали карабин.

С наступлением темноты конной повозкой нас перевезли в санчасть, в палатках положили на солому и приступили к обработке ран. У меня из вещей была новая плащпалатка, и я отдал её бойцу, который привез нас. Нас уложили на топчан и при тусклом освещении осматривали, перевязывали раны. Эта процедура была очень трудной, потому что кровавая одежда прилипала к телу, к ранам, и её безбожно сдирали. Потом на автомашине перевезли в населенный пункт, где сохранились постройки, и разместили по хатам. Находились мы где-то недалеко от места боевых действий, т.к. отчетливо была слышна канонада.

В одну из ночей меня очень сильно беспокоила правая рука. Утром пришел врач с медсестрой. Сестра стала снимать бинты, на пол упал клубок червей. Доктор сказал, что это хорошо, в некоторых странах их специально разводят, чтоб раны были чистыми. Рана, правда, была чистой, но мне досталось порядком.

Через некоторое время нас увезли дальше в тыл, и там хирурги приступили к операции. Помню, когда положили на стол, доктор спрашивает: «Водку пьёшь?»

Я ответил, что когда провожали в армию пил. Он: «Считай, до пятидесяти». Я начал считать... Когда открыл глаза, рука была забинтована, около меня стоял санитар, а доктор за столом что-то писал. Меня переложили на носилки и перенесли в палату.

Когда состояние раны стало улуч-

шаться, нас перевезли на станцию Славянск. Там мне сделали под местным наркозом операции на ноге и левой руке и оттуда эвакуировали в глубокий тыл. И уже в пути на наш эшелон налетели фашистские самолеты и начали бомбить. В этой обстановке было страшно, ведь мы были ограничены в движениях и укрыться не могли, как бывало на фронте.

Больше до Саратова нас не бомбили. Так я оказался в госпитале, расположенном в большом институте на берегу Волги. Милые женщины помыли нас в хорошей бане, а санитары разнесли по палатам. Из Саратова перевезли в Петровск, где я пролежал до февраля 1944 года. Там я начал передвигаться, правая же рука была в гипсе, напоминая крыло птицы. Обслуживали нас чутко и внимательно, старались создавать домашние условия, не делили по национальному происхождению. Приходили школьники с концертами, население приносило продуктовые гостинцы. Рябтя писали домой, на фронт. Я тоже потихоньку корябал левой рукой, а адрес на конверте подписывал сосед по койке. Операция левой руки под местным наркозом была очень болезненной. В феврале, определив меня инвалидом второй группы, выдали документы и отправили домой. Ехали в пассажирских вагонах без всяких перегородок и мест для сидения. Размещались на голом полу. Питались сухим пайком. Выданная в госпитале шинель мне не нравилась, и я обменял её с придачей пайки хлеба. На голове был новый шлем, на ногах ботинки. При пересадке в Петропавловске получил сухой паек и дальше до Кокчестава. Там на проезжающей полutorке проехал 40 км до Зеренды, оттуда почтовой подводой до Викторовки. После ночевки в Красиловке у добрых людей рано утром оставил на столе последние 10 рублей, направился в сторону родного села. По пути меня нагнала повозка, в которой ехали мужчина и женщина. Они без моей просьбы остановились, усадили и одели на меня теплый тулуп. Мы быстро доехали до Беркутов. И они подвезли меня прямо к окнам нашего дома. Вечером собралась вся семья, нашим радостям не было предела. За разговорами засиделись далеко за полночь, как будто мы обрели крылья. Перебинтовали мои раны и улеглись спать.

В последующие дни приходили соседи, родственники и все выражали радость по поводу моего возвращения.

Меня ночами долго еще беспокоили раны, до сих пор ношу в руке четырех «фашистов».

Сергей Герман
Казачий полковник

Над селом медленно вставало солнце. Хмурый рассвет осторожно выползал из-за линии горизонта, озаряя серые дома пугливым, зыбким светом. В сараях завозились петухи, пробуя кукарекать неуверенным фальцетом. Антонина Петровна Горшкова всегда просыпалась в одно и то же время. С детства привыкшая вставать с петухами, она и сейчас открыла глаза, как только услышала петушиную возню. В доме с утра было прохладно, Антонина Петровна затопила печь, подоила корову и отправила её в стадо. Приближались холода, и скотину пасли уже последние деньки. Выгоняя Зорьку со двора, Антонина Петровна, дала ей посыпанную крупной солью горбушку; довольная корова, не торопясь, двинулась к стаду, смешавшись с тремя десятками таких же пятнистых буренок. Антонина Петровна жила одна, муж несколько лет назад разбился на мотоцикле, сын Валера уже второй год служил в армии. За домашней работой и хлопотами пролетело утро. В десять часов почтальонша разносила почту. По устоявшейся привычке Антонина Петровна вышла за калитку, чтобы самой встретить Галку с сумкой на плече. От сына давно уже не было писем, и Антонина Петровна начала волноваться, не случилось бы чего с сыном. Соседка Валя на все её страхи только махнула рукой: «Брось, Тоня, мой тоже писал каждую неделю, пока не отслужил год. А как только оперился, так сразу писать и забросил, за последний год только три письма и прислал». Антонина Петровна ей верила и не верила. Её Валера был не такой, как соседский шептливый и непутёвый Толик. Он и после

СОЛДАТСКАЯ МАТЬ

Посвящается матерям, чьи сыновья никогда не вернутся домой.

армии побыл дома месяц, покуролесил и укатил куда-то на север, присылая матери открытки к Новому году и 8 марта.

Вместо письма почтальонша отдала ей жёлтый прямоугольник бумажки. Антонина Петровна повертела его в руках, не понимая:

— Галя, что это за письмо такое? Никак не разберу без очков.

Почтальонша охотно пояснила:

— Повестка это, в военкомат. Не иначе, с Валеркой что-то случилось, раз вызывают.

У Антонины Петровны захолонуло сердце. Она занималась домашними делами, поминутно поглядывая на часы, чтобы не опоздать на автобус. Потом, не в силах больше ждать, закрыла дом и побежала на остановку. Дребезжащий деревенский автобус подошел без опоздания. Антонина Петровна села у окна и всю дорогу просидела молча, не обращая ни на кого внимания. Дежурный прапорщик с красной повязкой на рукаве повертел в руках её повестку, потом позвонил куда-то по телефону. Почти тотчас по лестнице спустился пожилой военный с большими зальсынами на лбу, провел её в кабинет на втором этаже. Он долго перебирал на столе какие-то бумаги, не смотря ей в глаза. Антонина Петровна молчала. Военный встал, потом присел рядом с ней на стул:

— Антонина Петровна, я приношу вам свои извинения за то, что мы вызвали вас сюда. Молодая сотрудница по ошибке выписала вам повестку.

У Антонины Петровны в груди шевельнулась надежда, офицер продолжал:

— Надо было, конечно, мне приехать самому, но вечная нехватка времени. Я вполне разделяю ваши чувства, я сам отец, у меня два сына.

Сыновья майора Полипова учились в Москве: один — в театральном училище, другой — в Институте международных отношений. Служить в армии они не собирались. Говорить об этом майор не стал.

— В общем так: подразделение, в котором служил ваш сын, попало в засаду и почти полностью погибло. Вашего сына нет ни среди убитых, ни среди раненых, — майор вытер пот со лба, зачем-то добавил, — вот такая катавасия.

Женщина непонимающе смотрела ему в лицо:

— Но ведь если Валеры нет среди убитых, значит он жив.

Полипов встал, подошёл к окну:

— Да, такая вероятность существует. Может быть, он успел добраться до какого-нибудь села, — помолчал. — А может быть, попал в плен. Во всяком случае, мы не исключаем такой возможности. Если он жив, будем стараться его найти и освободить. Поверьте, мы сделаем всё возможное...

Полипов ещё что-то говорил, но Антонина Петровна слышала его, как сквозь туман. Майор капал в стакан какие-то капли, потом поил её водой, неловко проливая капли на пол. Очнувшись Антонина Петровна уже у двери. Полипов провожал её, слегка придерживая под локоть. Она не слышала его голоса, не видела, куда идёт, в ушах стояло только одно: «Валера! Сыночек!»

Не помня себя, на ватных ногах Антонина Петровна добралась до автовокзала. Долго сидела на остановке, дожидаясь автобуса. Рядом сидели односельчане, говорили о погоде, о растущих ценах, о каком-то Ваньке, утачившем из дома телевизор и пропившем его. Раз или два её о чём-то спросили, но она или не услышала или сделала вид, что не слышит, боясь, что не сдержится и закричит в голос, забьется в истерике.

Полипов после того, как проводил Антонину Петровну, чувствовал себя неважно. Проклятая работа, надо идти на пенсию. Военком назначил его ответственным за такие мероприятия. Сегодня ещё надо было организовать похороны старшего лейтенанта Миляева, опять будут слёзы, плач, истерика. Из пузырька, стоящего на столе, майор накапал себе

корвалол, морщась, выпил. Подумал, что на пенсию уходить ещё рановато: дети учатся, дом не достроен. Мысли его переключились на другое: на стройку нужно было завезти цемент, и через 10-15 минут он уже сидел на телефоне, яростно выбивая в ПАТП грузовую машину.

Добравшись домой, Антонина Петровна прилегла. Болело сердце. Потом с трудом встала, загнала в сарай мычащую корову. Зорька, как бы сочувствуя своей хозяйке, ткнула лбом ей в живот, шумно и жарко дыша. Прошёл месяц. Антонина Петровна написала несколько писем в часть, где служил сын, командиру. Ответа так и не дождалась. Она решила ехать в Чечню, найти место, где пропал её сын. Может быть, удастся найти людей, которые видели Валеру.

Однажды вечером пришёл школьный учитель Николай Андреевич с женой. В селе уже знали, что Валерка Горшков пропал без вести в Чечне. Николай Андреевич передал её триста рублей, покашливая, сказал:

— Слышали, Антонина Петровна, что собираетесь ехать, искать сына. Вот возьмите от нас с Валентиной Ивановой на дорожку и не вздумайте отказываться. Сами знаете, Валера у нас был любимым учеником.

Однажды, тоже вечером, приехал участковый Игнатенко, долго вытирал о скребок грязные сапоги, шумно сморкался в носовой платок. В дом проходить не стал, постояли во дворе, поговорили о том, о сём. Между делом Игнатенко поинтересовался, когда Антонина Петровна собирается ехать, нет ли писем из воинской части или людей, которые, может быть, видели сына. Участковый горестно вздыхал, снимая фуражку и вытирая лысину большим клетчатый платком. Хотел зачем-то заглянуть в сарай к корове и в баньку, но засовестился, засмутился и резко вдруг решил уйти. На прощанье зачем-то сказал:

— Ты извиняй меня, Петровна, начальство, будь оно неладно, требует. Мол, съезди к Горшковым да съезди, может, солдат твой нашелся, или тебе надо чего.

Горько и обречено махнул рукой и, не задерживаясь, уехал. В этот раз он даже не зашел к своему куму Даниле Опанасенко на чарку.

Антонина Петровна так и не поняла, зачем он приезжал: помощь от властей предложить, что ли? Поднакопив чуть-чуть денег, она решила ехать. Однажды пришла соседка. Она слышала по телевизору, что наших ребят, срочников,

чеченцы отдают за выкуп. Тогда Антонина Петровна решила продать корову. Зорьку увёл армянин с соседней улицы. Корова долго и жалобно мычала во дворе, пока новый хозяин долго и нудно жаловался на жизнь, отсчитывал деньги. Антонина Петровна не стала выходить во двор, боялась, что заплачет. Корова, горестно мотая рогами, пошла за новым хозяином.

Перед отъездом Антонина Петровна ещё раз съездила в военкомат спросить, а вдруг есть какие-либо известия о сыне, ведь не иголка же. Полипов сразу её вспомнил, засуетился, созвонился с Минераловодским военкоматом, долго что-то выяснял и согласовывал. Потом, довольно потирая ладони, сообщил женщине, что через два дня из Минеральных Вод в Чечню пойдёт автоколонна с гуманитарной помощью, и её могут взять с собой. В этот же день Антонина Петровна выехала в Минеральные Воды. В поезде было много военных, совсем молодые ребята были пьяны, разговаривали резко, грубо. Офицеры почти совсем не обращали на них внимания. В Минводах она переночевала на вокзале и утром поехала в военкомат. В Чечню должны были ехать два армейских «Камаза» с дровами и автобус с теплыми вещами и продуктами для солдат. Сопровождали колонну казаки с карабинами. Они посадили Антонину Петровну в автобус и вскоре тронулись в путь. Впереди колонны шел зелёный БРДМ с контрактниками. За рулём автобуса сидел совсем молоденький солдатик с тонкой, почти детской шейкой. Антонина Петровна обратила внимание на его руки, серые от ссадин и

цыпок. Покопавшись у себя в сумке, она достала большое румяное яблоко, протянула его мальчишке-солдату:

— Возьми, сынок, наверное, соскучился по-домашнему.

Не отводя взгляда от дороги, он улыбнулся смущенной детской улыбкой:

— Спасибо, матушка.

У Антонины Петровны защемило сердце: так её называл только сын.

Часа через четыре колонна остановилась на блок-посту с огромным транспарантом «Чеченская республика». Водитель, остановил машину и заглушил двигатель. Небритые милиционеры о чём-то переговорили со старшим колонны, заглянули в автобус, поочередно оглядывая Антонину Петровну. Она уже держала в руках фотографию сына. На её вопрос, не встречали ли они его где-нибудь, оба отрицательно покачали головами. За блок-постом колонна опять остановилась. Солдаты и казаки вышли из машин, по команде старшего зарядили оружие. Водители повесили на стекла дверей машин бронешилеты. К обеду были в станице Наурской. Старший колонны отвёл Антонину Петровну в военкомат, на прощанье пожал ей руку.

— Прощайте, мамаша, желаю вам успеха.

Военком был на месте. Он вызвал к себе какого-то контрактника, приказал:

— Проводишь женщину к главе администрации, отдашь ему это письмо.

Глава администрации, пожилой чеченец с умным лицом и усталыми глазами, был дома. Прочитав записку, позвал жену:

— Хади, — сказал он ей. — Накорми Антонину Петровну обедом, пусть отдохнет с дороги. А я попробую узнать, как ей быть завтра. Посоветуюсь со стариками, как ей попасть на ту сторону.

Пока Хади накрывала на стол, Антонина Петровна, чтобы не быть обузой, напросилась почистить картошку. Женщины разговорились, говорила больше Хади, Антонина Петровна слушала:

— Наша станица считается уже освобожденной от боевиков, хотя по ночам тоже стреляют. Недавно кто-то поджёг школу. У нас жизнь почти мирная, пенсии вот стали давать, хоть какая-то работа появилась. Люди радуются, все уже устали от войны. А в Грозном ещё боевики, горит там всё. Утром посмотрите, до города километров семьдесят, и над ним днём и ночью висит облако дыма. Вам, наверное, надо искать там. Говорят, что многих пленных солдат пригнали строить укрепления.

К вечеру появился Магомет Мусаевич, хозяин дома. Переодевшись, он коллол дрова, потом долго умывался, ужинал. Всё это время Антонина Петровна ждала, ожидая каких-либо известий. Потом он прошёл в комнату, где сидела она. Антонина Петровна отложила в сторону спицы. Чтобы хоть как-то унять нервы, она начала вязать сыну тёплый свитер. Магомет Мусаевич помолчал, вздохнул:

— Завтра утром за вами заедет машина с моим родственником, поедете с ним по сёлам. Дело ваше очень нелёгкое, но, думаю, что Всевышний вас не оставит, люди помогут.

Утром, после снятия комендантского часа, подъехала машина — старенький

дребезжащий «Жигуленок». За рулём сидел небритый мужчина, лет около сорока. Антонина Петровна сердечно попрощалась с хозяевами, Хади положила ей в сумку завернутые в полотенце тёплые пирожки, сказала:

— Это вам на дорожку.

До соседнего села ехали недолго. Здесь было всё то же самое: пустынные улицы, дома без занавесок, женщины в чёрном. Какое-то подобие жизни ощущалось на асфальтированном пятячке перед зданием администрации. Люди торговали всякой всячиной: на табуретках, грубо сколоченных столах лежали шоколадки, жевательная резинка, семечки. Антонина Петровна зашла на рынок, разговорилась с женщинами, показала им фотографию. Никто никогда не видел её сына. Люди говорили, что искать надо на территории, не подконтрольной федералам. Советовали поговорить со стариками, те каким-то образом имели связь с полевыми командирами и боевиками. У многих в партизанских отрядах воевали сыновья, внуки, родственники.

Так в бесплодных поисках прошёл месяц. Антонину Петровну уже знали во многих сёлах, называли — солдатская мать. Несколько раз её задерживали армейские и милицейские патрули, доставляли в комендатуру, потом отпускали. Антонина Петровна решила пробираться в Грозный. По созданным коридорам туда и обратно ещё ходили люди. Выходили из Грозного женщины, старики — те, кого хоть кто-то ждал в России. Пытались выскользнуть и боевики. Однажды на посту задержали красивую девушку, светловолосую, синеглазую,

она вела под руку старую, почти беспомощную чеченку, еле передвигающую ноги. Офицер что-то заподозрил — больше эту девушку никто не видел. Люди говорили, что при досмотре у неё на плече обнаружили синяк от приклада винтовки, шептались, что она была снайпером из Прибалтики или Украины. В Грозный шли люди, потерявшие там своих близких. У многих там оставались дети, больные или немощные родители. Кто-то так же, как и Антонина Петровна, искал своих сыновей, пропавших без вести. Однажды она услышала, как молоденький лейтенант, отдавая паспорт пожилой чеченке, сказал ей с горечью: «После этой войны нам всем придется заново учиться улыбаться».

Город лежал в руинах, лишь кое-где сохранились остовы домов. Грозный готовился к предстоящему штурму российских войск. Чеченцы и подгоняемые автоматами заложники строили укрепления, рыли окопы. Антонина Петровна забыла о еде и отдыхе. Иногда только вечером вспоминала, что сегодня ничего не ела. Однажды в группе пленных, копающих яму, она увидела молоденького солдата, почти мальчишку с большим шрамом на лице.

Пленный косил взглядом в ее сторону, будто что-то хотел спросить или сказать, но не решился. Их охранял свирепого вида бородатый чеченец с палкой в руках. Антонина Петровна попробовала подойти к пленным, но чеченец бросил палку и навел на нее автомат, она испугалась, что он будет стрелять и отошла. Спала Антонина Петровна в подвале разрушенного дома. Его обитатели находили себе пропитание в брошенных или разрушенных подвалах, там можно было найти консервированные овощи, варенье, иногда попадались даже консервы. Несколько раз заходили пьяные или обкуренные боевики, искали девушек или молодых женщин. На следующий день после того, как ее отогнал страшный чеченец с автоматом, она опять ходила на то место, хотела поговорить с мальчишкой-солдатом, но его нигде не было видно. Наверное, эта группа заложников уже работала в другом месте.

Однажды Антонина Петровна наткнулась на госпиталь, где оперировали боевиков. Робея, она стояла у порога, боясь войти. Врач в забрызганном кровью халате, пробегая мимо, крикнул:

— Чего стоишь, принеси быстро воды!

Антонина Петровна беспрекословно взяла ведро и пошла на колонку. Когда она принесла воду, врач непонимающе

глянул на нее, потом протянул:

— А-а, это вы... Извините, я, кажется, накричал. Зайдите ко мне в кабинет через два часа, я должен закончить операцию.

Врач освободился через четыре часа, всё это время Антонина Петровна простояла у закрытой двери с табличкой главный хирург: Кориев А.Р.

Выслушав ее, хирург сказал:

— Если вы будете просто ходить по городу и искать, то никого не найдёте, хотя запросто можете угодить под обстрел или шальную пулю. Мне как раз нужна санитарка, зарплату я вам не обещаю, а вот ночлег и еду получите, — Кориев закурил и добавил. — У нас тут много народа бывает, может, кто-нибудь вашего сына и встречал.

Так Антонина Петровна стала работать в госпитале. Она мыла полы, выносила утки, носила воду, делала всю тяжёлую грязную работу. Ее не обижали, чеченцы называли её: мама Тоня. Придя однажды в подвал, в котором обитала раньше, принесла хлеб и лекарство трехлетней девочке, живущей с матерью, похоронившей всех своих близких. Заговорившись, она не заметила, как пролетел отпущенный ей час. Случайно глянув в подвальное окошечко, она увидела группу людей, стоящих под охраной боевиков. Один человек - Антонина Петровна не видела его лица - стоял на коленях чуть поодаль. Его голова лежала на большой деревянной колоде, которые обычно используют при рубке мяса. Женщина испуганно вскрикнула:

— Что это?

Мать девочки безучастно ответила, что один из заложников хотел украсть гранату, но его поймали и сейчас судят шариатским судом. Один из чеченцев зачитал бумагу, Антонина Петровна не расслышала слов. Потом здоровенный мужчина взял в руки топор, провел ногтем по лезвию и, размахнувшись, с уробным хеканьем рубанул лезвием по колоде. Сначала женщина не поняла, что произошло. Несколько мгновений тело находилось в прежнем положении, потом оно завалилось в сторону. С глухим стуком голова упала на землю, из окровавленного раздробленного горла хлынула кровь. Тело билось в агонии, казалось, что человек пытается встать. Через некоторое время ногти заскребли по земле, туловище выгнулось и затихло. Притихших и подавленных заложников куда-то увели.

Антонина Петровна, охваченная ужасом, побежала в госпиталь. Всю ночь она вздрагивала и не могла заснуть.

Наутро привезли большую партию раненых. Кориев не отходил от операционного стола, ампутированные конечности складывали в полиэтиленовые мешки и сжигали в больничной кофегарке.

Поздно ночью в сопровождении большой свиты боевиков привезли бородатого чеченца лет сорока. Осколком ему разворотило живот, ранение было тяжёлым, и раненый был без сознания. Из разговоров окружающих и по царившему переполоху Антонина Петровна поняла, что привезли какого-то важного полевого командира, чеченского генерала. Кориев немедленно встал за операционный стол. Раненого, его звали генерал Муса, после операции поместили в отдельную палату, рядом посадили одного из охранников. Антонине Петровне Кориев приказал безотлучно находиться рядом. Генерал бредил, скрежетал зубами, пытался сорвать повязки. Антонина Петровна промокала его влажное от пота лицо салфеткой, пытаясь облегчить боль и страдания незнакомого человека. Она была простой деревенской женщиной, никогда не делила мир на русских и нерусских. Помогая выжить этому человеку, она представляла, что кто-то сейчас возможно помогает её сыну.

Несколько суток раненый находился в забытье, поднимая на Антонину Петровну мутные от боли, ничего не видящие глаза и тут же их прикрывая. Наконец, среди ночи он неожиданно открыл глаза и что-то хрипло спросил по-чеченски. Антонина Петровна встепенулась и наклонилась к его лицу:

— Что, сынок?

Он долго смотрел на неё, потом пе-

респросил по-русски:

— Кто ты?

Положив ему на лоб прохладную ладонь, Антонина Петровна ответила:

— Я — мама Тоня, солдатская мать. Спи, сынок, всё будет хорошо.

Он обессилело закрыл глаза и вновь задремал.

Шло время, раненый чеченец шёл на поправку. Ему сбрили бороду и он оказался совсем молодым мужчиной, лет тридцати с небольшим. До войны он работал преподавателем Грозненского нефтяного института. Когда пришёл к власти Дудаев, молодые учёные-экономисты, увлечённые чеченским Че Геварой, вошли в его команду. Потом началась война, полилась кровь. Всю территорию Чечни перепахали осколками мин и снарядов. Всю нормальную экономику парализовала война. Народ, лишённый источников существования, стал мародёрствовать, грабить, убивать. Во всех бедах были обвинены русские. Десятки и сотни тысяч чеченцев лишились своего имущества, а кто-то и жизни. Буйным цветом расцвела работоторговля. Чеченская революция, как и все революции в мире, превратилась просто в бойню. Всё это генерал Муса рассказывал Антонине Петровне долгими ночами, когда его немного отпускала боль и набегающие мысли не давали покоя. Казалось, что он просто размышляет вслух, пытаясь выплеснуть свою боль. Простая деревенская женщина, сама глубоко несчастная и обездоленная, слушала его молча, хорошо зная, что ничем не сможет ему помочь.

Однако, когда раненому уже стало

легче, он всё равно просил Антонину Петровну, чтобы она посидела рядом с его кроватью. В ответ на его душевные терзания женщина рассказывала ему о своей немудрящей и незатейливой жизни: как вышла замуж, как родила сына. Как он первый раз произнес: «мама». Как его маленького поддела рогами корова, как он плакал от жалости, когда отец за это ударил корову палкой. Генерал засыпал под её неторопливый, размеренный голос, и впервые за последнее время на его лице появился покой.

Однажды Антонине Петровне принесли адресованную ей записку. Писал ей тот самый солдат со шрамом, которого она видела на рытвях окопов: «Тетья Тоня, я вас сразу узнал. Я видел вас на фотографии с вашим сыном Валерой. Меня держат в подвале полевого командира Исы Газилова и, наверное, скоро убьют. Меня зовут Андрей Клевцов».

С трепещущим сердцем и дрожащими руками Антонина Петровна бросилась на поиски Кориева. Не найдя его в госпитале, забежала в палату, где лежал Муса. Чеченский генерал не спал; лежа на спине, он читал какую-то толстую книгу. Увидев её заплаканное лицо, отложил в сторону книгу, строго спросил:

— Что случилось? Кто вас обидел?

Трясаясь от рыданий, Антонина Петровна, протянула ему записку, сбиваясь и захлёбываясь слезами, стала рассказывать о том, как искала своего сына. Выслушав её, Муса что-то крикнул в коридор по-чеченски. Прибежал охранник с автоматом, дежуривший в коридоре. Бросив ему несколько фраз, Муса сказал Антонине Петровне:

— Вас проводят к Газилову и обратно. Желаю вам успеха.

Резиденция полевого командира Исы располагалась в кирпичном трёхэтажном доме, не разрушенном войной. Во дворе дома стояло несколько джипов, толпились боевики. Подвал дома был перегорожен металлической решёткой, на сваленных в кучу матрацах сидело и лежало с десяток пленных солдат. Сопровождающий Антонину Петровну чеченец о чём-то коротко переговорил с караульным, и Антонину Петровну провели в беседку во дворе. Она пояснила, что ей нужен Андрей Клевцов, солдат со шрамом на щеке. Через несколько минут привели Андрея, он был худ и измождён. Ветхая одежда была порвана и местами лоснилась от грязи. Антонина Петровна присела рядом с ним на скамейку, боевики встали поодаль.

— Ну, рассказывай, сынок, всё рассказывай.

— Я служил с вашим Валерой в одном взводе, даже кровати стояли рядом. У него я и увидел вашу фотографию. В Чечню нас отправили вместе, опять были в одном отделении. Когда колонна попала в засаду, и наш БТР подорвался на mine, Валерку контузило, мне осколок попал в лицо, — он показал на свой шрам. — «Чехи» расстреляли нашу колонну, а когда уходили, заметили, что мы живы, прихватили с собой. Валерка был очень плох, почти не мог идти, я, сколько мог, тащил его на себе. Потом «чехи» нагрузили на меня цинки с патронами, а Валерку пристрелили, чтобы не задерживал отход.

Антонина Петровна слушала молча, в отчаянии закрыв лицо руками.

Андрей всхлипнул:

— Это было под Ножай-Юртом, я просил, чтобы Валерку не убивали, говорил, что он мой брат. Мне только разрешили присыпать его землей, чтобы не сожрали собаки. Я отнес вашего сына в воронку и похоронил под тополем.

Он растегнул рубашку и снял с шеи медный крестик:

— Вот, это его. Валера просил отдать крестик вам, он знал, что вы его найдёте.

Закрыв лицо ладонями, Антонина Петровна зарыдала. Боль утраты, горечь одиночества сотрясали её тело. Она кусала жестяные кулаки, чтобы не закричать в голос.

— Скоро, наши пойдут на Грозный, и нас, скорее всего, расстреляют. «Чехи» звали к себе, агитировали воевать за свой ислам, но я — русский и в русских стрелять не буду, — он сплюнул на землю, растер плевков подошвой. — Это хорошо, что я вас встретил. У меня никого нет, детдомовский. Очень обидно умирать, зная, что никто даже не узнает, как ты умер, и где тебя закопали.

Антонина Петровна прижала к себе его голову, сказала сквозь слёзы:

— Спасибо, сынок, что нашёл меня. Держись, ты будешь жить. Господь не оставит тебя в беде.

Пошатываясь, она пошла к воротам, сопровождающий пошёл следом. Андрей опять отвели в подвал.

В госпитале она сразу пошла к генералу.

— Муса, — сказала она, — Я — мать. Мне нет разницы, кто передо мной, мне одинаково близки русские и чеченские дети. Я недавно спасала тебя и сейчас прошу как мать. Спаси моего сына! Он у Исы Газилова и пока ещё жив.

Муса долго думал, молча смотря в окно. Может быть, он вспоминал свою

мать или думал о людях, которых убили по его приказу и которых никогда не дождутся их матери.

— Ахмет, — крикнул он негромко, тут же рядом с ним появился охранник. — Принеси мне ручку и бумагу.

Написанную записку он свернул вчетверо и отдал Ахмету: «Срочно отнеси это Исе и заведи у него этого солдата. Как его зовут? — спросил он у Антонины Петровны.

— Клевцов, Андрей Клевцов, — торопливо ответила она.

— Приведёшь этого Андрея Клевцова сюда и отдашь матери. Исе скажи, пусть подберет для него одежду и какой-нибудь документ. А то его или наши пристрелят, или федералы, они это делают очень быстро.

Обессиленный, генерал Муса откинулся на подушки. Антонина Петровна промокнула его влажный лоб полотенцем и села ждать.

Через час привели Андрея. Она нагрела ему ведро с водой и, пока он мылся, собрала на стол нехитрую снедь. На следующий день мать и сын покинули город. Боевики из отряда генерала Мусы вывели их по своему коридору из осажденного города. Смешавшись с толпой беженцев, они прошли контроль на блок-посту. Дежуривший лейтенант узнал Антонину Петровну и по-своейски ей улыбнулся:

— Ну, что, мать, нашла всё-таки воина?

Антонина Петровна чуть улыбнулась в ответ. Андрей держал её под руку, помогая идти. Когда электричка от Ищерской подходила к Минводам, она, внезапно вспомнив, достала из сумки незапечатанный конверт, который ей вручил перед отъездом генерал Муса. На тетрадном листке было всего несколько слов: «Чтобы доказать свою силу, не обязательно встречаться на поле брани».

Ни Антонина Петровна, ни Андрей больше никогда не встречались с генералом Мусой. Война продолжалась ещё долго, но никто так и не сказал правду, за что и почему одни люди так жесточайно убивали других.

Николай Прокудин

«Рейдовый батальон»

«Район десантирования»

В мае 1987 года начальник штаба 180-го мотострелкового полка Герой Советского Союза подполковник Руслан Султанович Аушев приказал мне, тогда ещё лейтенанту, принять разведвзвод первого рейдового батальона. На предыдущих боевых действиях под Чарикаром взвод попал в засаду, устроенную душманами. Тяжело был ранен командир взвода лейтенант Женья Шапко (он умер через месяц в госпитале, так и не придя в сознание). Четверо разведчиков было убито, несколько ранено. В строю осталось только два человека.

Уже было известно, что через две недели полк (точнее, полковая разведрота, первый мотострелковый и танковый батальоны, артдивизион, сапёры и связисты) уходит «воевать» под Алихейль. Времени для того, чтобы набрать новый взвод и хотя бы немного его подготовить в боевой работе, катастрофически не хватало. А тут ещё замполит батальона приказал написать письмародителям погибших разведчиков. Такая была традиция в полку, что, кроме официального извещения, командиры подразделений писали письма родителям о том, как погибли их сыновья. Что я мог написать? Я не знал подробностей того боя. И не знал погибших ребят. Возможно, это были самые «трудные» письма в моей жизни... Да, подкинул замполит работёнку!

Этим замполитом был ныне известный питерский писатель Николай Николаевич Прокудин. Вышедшая недавно в издательстве ЭКСМО его диалогия «Рейдовый батальон» и «Район десантирования» (её основой послужила трилогия «Постарайся вернуться живым», за которую в 2004 году Николай получил премию имени Н.В.Гоголя в номинации «Тарас Бульба») рассказывает о тех событиях: о войне в Афганистане, о нелёгком хлебе солдат и офицеров нашего рейдового батальона. Разумеется, это одни из самых любимых моих книг.

В диалогии фамилии действующих лиц изменены на вымышленные. Главные герои легко узнаваемы, но всё равно

это кажется немного непривычным. Тем более тем, кто знал многих из них лично.

Я не буду пересказывать содержание этой диалогии. Написанные непосредственным участником этих событий (Николай принимал участие более чем в сорока двух боевых операциях под Баграмом, Джелалабадом, Гардезом, в Панджшерском ущелье), они поражают своей достоверностью. На мой взгляд, это одни из самых правдивых книг об афганской войне. И вы обязательно прочтёте их сами. Я могу лишь немного рассказать о том, что стало с героями этих книг после войны.

За прошедшие двадцать лет мирной жизни мы потеряли больше своих друзей, чем на войне. Кто-то погиб в бандитских разборках, один утонул, второй умер от передозировки наркотиков. Несколько человек умерло от инфарктов и инсультов, погибло в дорожно-транспортных происшествиях. Всем им не было и сорока лет. Как говорит Анатолий Яковлевич Воронин (удивительнейший человек, обязательно прочитайте его «Второй пояс» на Artofwar.ru!), «всё это выстрелы из прошлого». Да, война продолжает забирать наших товарищей. Но она и что-то даёт нам взамен!

На днях ко мне приезжали мои бывшие разведчики из первого разведвзвода Илья Третьяков и Игорь Цепляев. Один из них стал известным юристом, второй – подполковником ФСО. Они оба женаты. У них замечательные дети.

Командир нашей 108-й мотострелковой дивизии полковник «Барин» стал генералом и большим начальником в Министерстве Обороны. Начальник штаба полка подполковник «Ошув» Султан Рустамович» несколько лет руководил Ингушетией, сейчас он председатель комитета СНГ по делам воинов-интернационалистов. Конечно же, это Руслан Султанович – человек, которого все мы очень уважаем и ценим! Лейтенант «Никифор Ростовцев» - в настоящее время известный

писатель (нетрудно догадаться, какая у Никифора-Николая фамилия). «Сергей Острогин» – его любимый персонаж практически во всех новых книгах (главный герой приключенческой трилогии «Одиссея полковника Строганова»). Сергей работает сейчас директором Ярославского дельфинария (в посвящении к «Пиратским войнам», это вторая книга трилогии, есть его настоящая фамилия).

Вместе с Колей Прокудиным Сергей часто приезжает ко мне в гости. И мы очень часто вспоминаем события, описанные Николаем в его книгах. Вспоминаем молодость и наших погибших друзей. Вечная им память! Но ещё мы вспоминаем сам Афганистан, который подарил нам настоящую мужскую дружбу, тепло и радость этих встреч.

Александр Карцев

Армен Гаспарян

Журналист радиостанции "Маяк". Автор циклов "Вторая мировая: неизвестные голоса истории", "Последний штурм", "Новейшая история", "Российская дипломатия: Отечество и судьбы"...

Лауреат премии "Патриот России"

<http://www.gasparyan.narod.ru>

КАЗАКИ НА ЛЕМНОСЕ

Эфир 19 и 20 декабря

О жизни казачьих корпусов генерала Врангеля на чужбине рядовой россиянин сегодня почти ничего не знает. А между тем Лемнос - короткая, но особая глава в истории Белого движения, сравнимая разве что с Галлиполийским сидением. При этом кубанцы, донцы и терцы не оставили на греческой земле величественного каменного памятника своего пребывания там. Да и нужен ли он? Как писал генерал Богаевский, вечно будут существовать не монументы, а стойкость добровольческого духа. Чины армии жили в палатках, которых было так мало, что едва хватало на всех. Не только казаки, но и женщины, и дети спали на голой земле, иногда - на жиденькой подстилке из травы. Донцы страшно завидовали кубанцам, которые прибыли на Лемнос раньше и получили от союзников кровати и одеяла. Как я уже говорил, французы всеми силами старались расколоть армию Врангеля. Пожалуйста, пример: единственная баня на острове находилась на территории казачьего корпуса с Кубани. Так вот, донцам было сначала вообще запрещено ею пользоваться. Лишь после настоячивых требований штаба барона им выделили специальные часы. Словно в насмешку, в ночное время. Да что там баня, если даже ближайшие резервуары с водой находились в версте от Донского лагеря и работали всего несколько раз в сутки. Один

из офицеров, уже в эмиграции, очень верно передал настроение, царившее на Лемносе в те дни:

**Совесьь мира выносит много –
Растяжимы ее границы –
И в свидетели даже Бога
Призывает, когда случится.
Где хорошее? Где плохое?
Всюду просто – закономерность.
И давно ничего не стоит
Обветшалое слово: верность.**

В декабре 1921 года на Лемносе было ещё сравнительно тепло, и от холода казаки не страдали, в отличие от чинов русской армии, которые оказались в Галлиполи. Но французский паёк, и без того весьма ограниченный, выдавался не полностью. Особенно плохо было с хлебом. Дров союзники отпускали так мало, что их не хватало даже на кипячение воды, не говоря уже о приготовлении пищи. Поэтому казакам приходилось с первых же дней заботиться о топливе. На безлесном, каменистом острове со скудной растительностью это казалось самой неразрешимой задачей. Но гораздо тяжелее переживалась полная оторванность от всего мира. По свидетельству одного из офицеров, на этом острове казаки чувствовали себя, словно в тюрьме. Повсюду находились французские часовые, лагерь был оцеплен, по нему даже не разрешалось свободно передвигать-

ся. Никто из казаков не знал о судьбе остальных частей армии Врангеля, ни одна русская газета не доставлялась на Лемнос. Союзники предлагали свои издания, но читать их могли очень и очень немногие. Тогда у бывшего редактора популярной газеты «Сполох» Куницына, родилась идея переводить зарубежные статьи и самые интересные сообщения печатать в особых бюллетенях. Так появился «Информационный листок». Почти не было бумаги, поэтому рукописная газета выходила только в 10 экземплярах, которые и расклеивались по лагерю. Надо ли говорить, с каким восторгом встретили это казаки. Читали и тут же обменивались впечатлениями. Причем, не только друг с другом, но и с союзниками. Один из офицеров через несколько лет так рассказывал об этом:

«Приходили от скуки и французские солдаты, и часто можно было увидеть среди казаков группы чернокожих сенегальцев, оживленно разговаривающих при помощи жестов, мимики и обрывков фраз, понятных любому солдату. Мы не питали к ним злобы и часто в таких случаях говорили: «Небось дома-то жена и дети остались. Эх, служба...»

17 декабря 1920 года на броненосце «Прованс» на Лемнос прибыл Главнокомандующий Русской армии

ей генерал Врангель. Петр Николаевич произвел смотр находившихся на острове воинских частей. Затаив дыхание, казаки слушали барона: «Что будет дальше, знает один Бог, но я твердо верю, что Россия воскреснет, и вновь мы послужим нашей Родине. Я такой же изгнанник, как и вы. Дайте мне возможность говорить от имени честного русского солдата, потерявшего всё, кроме чести», - произнес Петр Николаевич. Добровольцы восторженно приветствовали своего командира, выражая полную готовность идти по первому требованию, куда он прикажет. Провожали Врангеля долго не смолкавшими криками «ура». Поскольку новый поход против Третьего интернационала откладывался на неопределенное время, решили начать обустроить лагерь. Почти месяц потратили на то, чтобы разбить линейки, устроить площадки, лестницы, дорожки. Каменистый грунт с трудом поддавался. Для защиты от дождевой воды, которая могла затопить и снести палатки, пришлось рыть целую систему глубоких канав. И все же лагерь был разбит в срок, точно по указанному плану и даже выглядел презентабельно. Ровными рядами, со строгими интервалами стояли палатки. Особенно выделялась правильностью линий и симметрией участок Терско-Астраханского полка, хотя он и располагался в самом неудобном месте - на склоне горы. И все же, несмотря на относительную обустроенность, людей не покидала тоска по Родине. Через несколько лет на страницах журнала «Часовой» были опубликованы такие воспоминания:

«За этими проявлениями налаживаемой жизни прятали обратную ее сторону - угрюмую и мрачную. Настроение казаков день ото дня становилось все более и более отчаянное. Высоко приподнятое, чуть ли не до бурных восторгов, после приезда Петра Николаевича Врангеля, оно так же резко и упало, когда стало ясно, что вопрос с дальнейшим продолжением войны откладывается на долгое время».

Оторванные от родных станиц, в тоскливом ожидании казаки старались хоть внешне чем-нибудь скрасить свою жизнь. Одним из развлечений был футбол. Юнкера Атаманского и Алексеевского училищ организовали команды, постоянно игравшие между собой. Временами удавалось даже проводить международные матчи против находившихся на острове англичан и французов. Однако футбольные баталии многих казаков не увлекали. Как вспоминал один из офицеров корпуса, они так и не смогли понять, в чем же заключается суть этой «басурманской игры». Большую часть своего времени донцы проводили в церкви, сооруженной в самой просторной палатке. Иконостас, светильники и вся утварь были сделаны из подручного материала: из простынь, одеял, банок, жестянок и ящиков из-под консервов. Организовали хоры, нашлись регенты - не только любители, но и со специальным образованием. А общее настроение русской армии на Лемносе достаточно точно выразил Дмитрий Мережковский:

**Хвала Тебе, Господи! Все, что Ты дал,
Я принял смиренно, - любил и страдал.
Страдать и любить я готов до конца,
И знать, что за подвиг не будет венца.
Но жизнь непонятна, а смерть так проста,
Закройтесь же, очи, сомкните, уста!
Не слаше ли сладкой надежды земной -
Прости меня, Господи! - вечный покой?**

Как вспоминали спустя несколько лет офицеры Донского корпуса, под влиянием тяжелых условий жизни религиозность казаков еще больше окрепла. Церковь всегда была полна усердно молящимися. По вечерам, далеко за пределами лагеря, по окрестным горам, разносились стройные звуки песнопений «Коль славен наш Господь в Сионе».

Французы, воспользовавшись настроением казаков, объявили запись в «иностранный легион». Волонтеры должны были быть в хорошей физической форме и ростом не ниже 1 метра 55 см. При поступлении заключался обязательный конт-

ракт на 5 лет, и выплачивалось единовременное пособие в 500 франков. Союзники рассчитывали, что измученные пребыванием на Лемносе казаки с радостью воспользуются возможностью сменить обстановку. Причем, запишутся наиболее боеспособные солдаты и офицеры Врангеля. Это вынудило Петра Николаевича издать специальный указ, регламентирующий вступление в иностранный легион. Стать волонтером мог лишь тот, чье пребывание в русской армии признавалось нежелательным. Французы тут же начали призывать казаков не слушать начальников, которые привели Белое движение к краху. В итоге записывались в волонтеры и казаки, и юнкера, и офицеры. Лишь бы только вырваться из лагеря, а там - будь, что будет. Сколько вступило в легион, до сих пор точно не установлено. Как вспоминал генерал Богаевский, только из Донского Корпуса - более тысячи человек. Сам служивший в иностранном легионе, только в начале Второй мировой войны, Николай Туроверов так писал об этом:

**Нам все равно, в какой стране
Сметать народное восстанье,
И нет в других, как нет во мне,
Ни жалости, ни состраданья.
Вести учет: в каком году, -
Для нас ненужная обуза;
И вот, в пустыне, как в аду,
Идем на возмущенных друзей.**

Волонтеры Иностранного легиона потом объясняли свое фактическое дезертирство из армии Врангеля нечеловеческими условиями пребывания на Лемносе. В какой-то степени их можно понять: ограниченное число палаток, по одной на 14 человек. Рваные, полуистлевшие, не защищавшие ни от дождя, ни от ветра. Ежедневный продовольственный рацион - 200 граммов консервов, 400 граммов хлеба, 4 грамма чая и 30 граммов сахара. Питьевой воды не хватало. Еду нельзя было достать даже за деньги. Французское командование окружило лагерь двойным кольцом постов, за которое никого не выпускали. В близлежащие деревни отправлялись патрули с зада-

нием арестовывать всех бродивших по острову казаков. Попастъ в город можно было по особым пропускам, которые выдавались всего лишь на день, да и то не всем. Греческую церковь посещали только группами, причем французы внимательно следили за тем, чтобы люди не расходились по городу. Немало неприятностей доставлял и климат острова. Всѣ чаще и чаще шли дожди, выпал снег, порывистее становился ветер. От постоянной сырости дно палаток превращалось буквально в грязную трясиину, которая засасывала постели из соломы. Досаждали вши. Конечно, в лагере существовали бани, однако, из-за отсутствия дров они почти все время не работали. Не спасали и дезинфекционные камеры. Не хватало одежды. Но все это меркло по сравнению с постоянным недоеданием. Хорунжий Иван Сагацкий вспоминал через несколько лет:

«Все же главные заботы – как утолить голод. Из интендантства довольно часто приходил совсем заплесневевший хлеб. Люди отощали и ослабли от питания, погоды и вшей. Озлобленны и молчаливы. Сердце говорило: «оставаться на Лемносе и, если нужно, помирать вместе».

Весной 1922 года на Лемносе стали активно муссироваться слухи о Кемаль-Паше, главнокомандующем турецкой армией в войне с Грецией. Дескать, он хорошо принимает казаков, берет их на службу и даже жалованье платит. Рассказывали, что один пароход во время исхода Русской армии из Крыма бурей прибило к турецкому берегу. Кемаль гостеприимно встретил изгнанников, дал кров и пищу. Насколько правдоподобны были эти слухи, трудно сказать. А между тем в газетных сообщениях не раз мелькали заметки, что бегущих греков преследовали конные казаки. Некоторые решили пробираться к Кемалю, благо, до Турции рукой подать – всего 50 километров. Бежали на парусниках, причем, была даже установлена такса за переезд - 20 драхм. Удалось ли кому-то поступить на службу в ту-

рецкую армию, - неизвестно. Большинство, наверное, погибло в море. Рассказывали, что кого-то ограбили и убили лодочники. Одна группа беглецов вернулась обратно, так как на полпути им повстречались казаки, которых при попытке высадиться на берег встретили пулемѣтным огнѣм греческие посты. После этого случая бегство почти прекратилось. Стоит подчеркнуть, что пошатнувшуюся веру белого воинства старались укрепить его командиры. На многих отрезвляюще подействовали слова генерала Абрамова: «Помните, господа, что историю полков творят их офицеры. Берите пример с юнкеров». Федор Федорович имел в виду атаманское и алексеевское военные училища, которые любовно назывались «маки и васильки». Именно о них рассказывал через несколько лет на страницах журнала «Часовой» один из казаков:

«Это был настоящий муравейник, который делился на две равные половины – алую, от бескозырок и погон алексеевцев, и голубую, от цветов атаманцев. «Будущая Россия, молодая, пока цветущая, не опоганенная, не заплеванная и не искалеченная большевиками», - восторженно сказал тогда кто-то».

Французы, как уже говорилось, всячески стремились избавиться от русской армии. Была даже предпринята попытка уговорить казаков вернуться на Родину. Им давались гарантии, что правительства союзников сделают все, чтобы солдаты и офицеры не были репрессированы в Советской России как злейшие враги трудового народа. Дескать, гражданская война закончилась, и большевики соблюдают законность. Со своей стороны, штаб Петра Николаевича Врангеля издал «Указ №9», где особо подчеркивалось, что никаких переговоров с Третьим интернационалом не было и не будет, и каждый, кто поддастся на увещевания французов, станет действовать исключительно на свой страх и риск. Но главное содержалось в конце: «Борьба с большевизмом

не закончена, и армия еще сделает свое дело». Как вспоминали потом офицеры Донского корпуса, этих слов было достаточно, чтобы люди поверили – они вернутся в родные станицы. Чувства, переполнявшие казаков, выразила одна из поэтесс русского зарубежья:

**Сколько юношей храбрых, здоровых
Полегло на родимых полях.
Страшный шторм налетел на Россию,
Оставляя лишь горе и страх...
Никогда, никогда не забудем
Нашу Родину, наш тихий Дон,
Светлой памяти наших героев,
Православных церковей перезвон...**

Приказ Врангеля показал всему миру моральную стойкость Белого движения. И хотя в Советской России тогда писали, что войска черного барона полностью разбиты, а в эмиграции оказались единицы, которые полностью пали духом, на самом же деле только в двух лагерях – в Галлиполи и на Лемносе находилось свыше 40 тысяч солдат и офицеров. Да, и на чужбине русские воинские части, по признанию французов, оставались эталоном армии...

Поэзия Николая Туроверова

Имя этого человека на долгие десятилетия было вычеркнуто из русской литературы. Его стихи тайно в СССР переписывались от руки, во многих казачьих станицах и хуторах ходили легенды, что именно где-то тут то ли он жил, то ли останавливался вместе с казачьими отрядами во время гражданской войны. Участник отряда Чернецова, одного из первых казачьих командиров, поднявших организованное сопротивление на Дону против большевистской власти, пулеметчик артиллерийской команды Донского корпуса, поэт, сумевший с поразительной силой выразить тоску изгнания и трагедию казачества, почти уничтоженного после 1917 года, он вернулся на Родину через двадцать лет после смерти в 1972 году в Париже. Вернулся своими стихами. Николай Туроверов покинул Россию на одном из последних пароходов во время великого исхода 1920 года. Потом его строки, посвященные тем трагическим ноябрьским дням, долго цитировали, зачастую даже не зная автора:

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.

* * *

Не выдаст моя кобылица,
Не лопнет подпруга седла.
Дымится в Задоньи, курится
Седая февральская мгла.
Встаёт за могилой могила,
Темнеет калмыцкая твердь
И где-то правее — Корнилов,
В метелях идущий на смерть.
Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою,
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою,
Тоску безысходного гона,
Тревоги в морозных ночах,
Да блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.
Мы отдали всё, что имели,
Тебе восемнадцатый год,
Твоей азиатской метели
Степной — за Россию — поход.

* * *

В эту ночь мы ушли от погони,
Расседлали своих лошадей;
Я лежал на шершавой попоне
Среди спящих усталых людей.
И запомнил и помню донныне
Наш последний российский ночлег,
Эти звёзды приморской пустыни,
Этот синий мерцающий снег.
Стерегло нас последнее горе, —
После снежных татарских полей, —
Ледяное Понтийское море,
Ледяная душа кораблей.
Всё иссякнет - и нежность, и злоба,
Всё забудем, что помнить должны,
И останется с нами до гроба
Только имя забытой страны.

Крым

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы всё время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь всё плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо,
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

Военная помощь Советскому Союзу

60 лет назад, 11 июня 1942 года, в Вашингтоне было подписано «Соглашение между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии». В переводе с дипломатического языка на человеческий это означало, что начался новый этап уже работавшей к тому времени программы ленд-лиза - американских военных поставок странам антигитлеровской коалиции. Однако, принимая закон о ленд-лизе, американский конгресс имел в виду совсем не СССР, что и привело впоследствии к многолетним взаимным претензиям экс-союзников.

Вопреки распространенному заблуждению система, ленд-лиза создавалась не под СССР. Первыми военную помощь на основе особых арендных отношений - говоря по-современному, оперативного лизинга - запросили в мае 1940 года англичане. Германия к тому времени практически подавила сопротивление Франции и других союзников Англии на континенте. Связанный с немцами пактом о ненападении Советский Союз объективно оказывался союзником Гитлера, и Англии оставалось обратиться за помощью лишь за океан. Англичане просили предоставить во временное пользование 40 - 50 старых эсминцев.

Строго говоря, англичане предложили три схемы расчетов: безвозмездный дар, оплата наличными и лизинг. Однако Черчилль был реалистом и понимал, что ни первое, ни второе предложения у американцев энтузиазма не вызовут: воевавшая практически в одиночестве Англия была на грани банкротства. Так и вышло: Рузвельт быстро принял третий вариант, и в конце лета 1940 года сделка состоялась. После этого в недрах американского министерства финансов родилась идея распространить опыт одной частной сделки на всю сферу межгосударственных отношений. Подключив к разработке законопроекта о ленд-лизе военное и военно-морское министерства, администрация президента 10 января 1941 года внесла его на рассмотрение обеих палат конгресса.

Второе популярное заблуждение состоит в том, что под ленд-лизом большинство понимает помощь, причем безвозмездную. Между тем, ленд-лиз - это

международное соглашение, при подписании которого обе стороны предвзительно рассчитывают и оговаривают собственные интересы - экономические, военные или политические. Неслучайно Рузвельт публично заявил, что «помощь русским - это удачно потраченные деньги».

Закон давал президенту «право передавать займы или в аренду другим государствам различные товары и материалы, необходимые для ведения военных действий», если эти действия, по определению президента, являлись жизненно важными для обороны США. Под «различными товарами и материалами» понимались оружие, военная техника, боеприпасы, стратегическое сырье, амуниция, продовольствие, товары гражданского назначения для армии и тыла, а также любая информация, имеющая военное значение. Схема ленд-лиза предусматривала выполнение страной-получателем ряда условий. Уничтоженные, утраченные или потерянные во время боевых действий материалы не подлежали оплате, а уцелевшее и пригодное для гражданских целей имущество следовало оплатить полностью или частично в порядке погашения долгосрочного кредита. Сохранившиеся военные материалы могли оставаться у страны-получателя до тех пор, пока США не затребуют их назад. В свою очередь, арендатор обязывался помогать Соединенным Штатам всеми имевшимися у него ресурсами и информацией.

С помощью ленд-лиза администрация Рузвельта собиралась решить ряд задач - как внешнеполитических, так и внутренних. Во-первых, такая схема позволяла создать новые рабочие места в Америке. Во-вторых, ленд-лиз позволял оказывать влияние на страну-получателя. Наконец, Рузвельт выполнял предвыборное обещание («Наши парни никогда не будут участвовать в чужих войнах»), посылая европейцам только оружие, но не солдат.

Чтобы убедить американцев в экономических преимуществах лизинга перед кредитами, Рузвельт прибег к набору образных примеров, широко тиражированных СМИ. Вот один. Если у соседа горит дом, а у вас есть подходящий водопроводный шланг, нелепо предлагать сосе-

ду купить его или взять в долг под залог - нужно просто побыстрее передать ему шланг и попросить вернуть, когда с огнем будет покончено.

Аналогия сделала свое дело: опросы общественного мнения показали, что две трети населения страны поддерживают закон о ленд-лизе. Между прочим, когда 11 марта 1941 года конгресс принял его, официальное название документа звучало так: An Act to Promote the Defense of the United States (в вольном переводе - закон «О содействии обороне Соединенных Штатов»). В то же время слово promotion означает и рекламную раскрутку.

Срок поставок по ленд-лизу первоначально был установлен до 30 июня 1943 года с дальнейшей ежегодной пролонгацией по мере необходимости. Первым администратором проекта Рузвельт назначил своего помощника Гарри Гопкинса. Между прочим, закон обязывал страны, претендовавшие на американскую помощь, представлять США исчерпывающий финансовый отчет. Министр финансов Генри Моргентау во время слушаний в сенатском комитете назвал это положение уникальным в мировой практике: «Впервые в истории одно государство предоставляет другому данные о своем финансовом положении».

Даже в случае с Великобританией подобные формы выполнения союзнического долга не имели прецедентов, но это были все-таки отношения двух государств, придерживавшихся одинаковой базовой системы ценностей. Однако 22 июня 1941 года в войну с нацистской Германией вступил Советский Союз, а спустя полгода, после Перл-Харбора, и сами США. Закон о ленд-лизе между тем действовал, и теперь его следовало распространить на нового союзника США - социалистическую страну, прежде то и дело пугавшую Запад «мировой революцией».

Уже на второй день нашей собственной войны, 23 июня, Рузвельт официально обещал СССР помочь всем необходимым. 15 августа Черчилль и Рузвельт заверили Сталина, что снабдят воюющую Россию «максимальным количеством тех материалов, в которых вы больше всего нуждаетесь. Многие суда с

грузом уже покинули наши берега, другие отплывают в ближайшем будущем». Однако для включения в сферу действия закона о ленд-лизе Советского Союза американскому президенту пришлось пойти на хитрость. Не дожидаясь одобрения конгрессом «программы победы», предусматривавшей увеличение военного производства как минимум в два раза и отложив на будущее решение другой задачи - кардинальное изменение общественного мнения в отношении нового союзника, Рузвельт приватно договорился с Черчиллем, чтобы на первых порах американская помощь СССР шла через Великобританию - под прикрытием уже осуществлявшегося ленд-лиза. 6 сентября Черчилль передал это предложение Сталину, подчеркнув мысль о том, чтобы «помощь покоилась на той же самой базе товарищества, на какой построен американский закон о заеме-аренде, то есть без формальных денежных расчетов».

11 сентября конгресс одобрил «программу победы», и на следующий день советник президента Аверелл Гарриман вылетел в Лондон, а оттуда - в Москву. Там 1 октября советский нарком иностранных дел Молотов, Гарриман и член кабинета Черчилля лорд Бивербрук подписали первый (Московский) протокол, который предусматривал выделение Москве военной помощи до конца июня 1942 года. Спустя месяц Рузвельт направил Сталину записку, в которой сообщал, что США поставят СССР необходимые материалы под беспроцентный заем на сумму \$1 млрд с оплатой в течение 10 лет, начиная с шестого года после окончания войны.

Поставки военного снаряжения и материалов для нужд СССР начались благодаря тому, что в ноябре 1941 действие закона было распространено на СССР. До конца года американцы направили в СССР вооружений и техники на сумму \$545 тыс., в том числе, первые 256 самолетов. Но еще до этой даты начались поставки оборудования и материалов, закупаемых за золото, в США, Великобритании и даже в нацисткой Германии. Уже 28 июня 1941 года, после предварительных консультаций с прибывшими в Москву английскими военной и экономической миссиями, СССР передал им заявку на первоочередные закупки. В числе военной техники, начавшей поступать в Россию, были и самолеты, полученные англичанами по Ленд-Лизу. Таким образом закон о Ленд-Лизе «неформально» распространился на СССР до принятия официального решения по

<http://www.battlefield.ru>

этому вопросу в США.

С наступлением зимы выяснилось, что американская авиатехника к русским морозам явно не приспособлена, и для устранения этой проблемы стороны обменялись технологическими ноу-хау: американцы поделились с нами секретами морозоустойчивой гидравлики, мы с ними - технологией изготовления морозоустойчивого каучука.

Первыми образцами поступившей в СССР иностранной бронетанковой техники были британские Mk II «Matilda II», Mk III «Valentine» и Mk IV «Valentine». Первые партии подоспели к зимнему контрнаступлению под Москвой и при страшном дефиците танков в войсках оказались весьма кстати. Особенно неплохо зарекомендовала себя Матильда, практически неуязвимая для пушек противотанковой обороны немцев и их танков, но вполне уверенно поражавшая их из своей 2-фунтовки.

Чуть позднее начались поставки танков Mk III «Churchill». Эти машины не произвели особого впечатления на танкистов ввиду явно архаичной компоновки, слабости вооружения (его «одноклассник» KV-1 был вооружен значительно лучше), а их хорошее бронирование сводилось на нет плохой маневренностью и малой скоростью. Но самым экзотическим «иностранцем» в рядах советских бронетанковых войск оказался авиадесантный танк Mk.VII «Tetrarch», поступивший в количестве 20 штук (всего было произведено 177 машин). Танк никогда не использовался в боях, а только для обучения новых экипажей.

Зимой 1941-42 начались поставки бронетанковой техники из США, но еще до поступления первых М3А3 в Россию попало ограниченное количество их британских «братьев» М3А3 «General

Grant». М3 впервые приняли участие в боях весной 1942 года, но, несмотря на отличные условия для работы экипажа и неплохую огневую мощь, популярностью не пользовались. По отзывам танкистов, это была, скорее, посредственная САУ, чем хороший средний танк. Тем не менее, тысяча триста поступивших М3А3 и А5 весьма интенсивно использовались и не дожили на Восточном фронте до конца войны.

Более приятное впечатление оставил М4 «General Sherman», поставки которого начались в конце 1943 года. В СССР поступал только дизельный вариант М4А2 в нескольких модификациях. Эти машины прошли всю вторую половину войны и закончили войну в Европе в составе частей, штурмовавших Берлин. Вторая наиболее массовая машина американского производства, легкий танк М3А1 «Stuart», в СССР не прижилась и быстро исчезла с фронта.

Красная Армия получила 2007 танков М4А2 «Шерман» с 75-мм пушкой и 2095 единиц с 76-мм пушкой. Поначалу были попытки перевооружить «Шерман» отечественной пушкой Ф-34 из-за опасений в недостатке 75-мм снарядов. Тем не менее, этого не произошло и необходимость в перевооружении быстро отпала. Некоторые танкисты, воевавшие на «Шерманах», были удостоены звания Героя Советского Союза. Гвардии лейтенант В.А.Галкин (7-й Гв. кавкорпус, 31-й танковый полк) - лишь один из них.

Кроме танков союзники поставляли большое количество бронетранспортеров. Красная Армия к 1941 году так и не получила массового недорогого бронетранспортера, позволявшего решить проблему защиты пехотных подразделений на поле боя, а также мобильной поддержки танковых соединений в ходе разви-

тия наступления. К лету 1943 союзники начали поставки гусеничных транспортеров «Универсал» (Великобритания), колесных М3А1, полугусеничных М3, М5 и машин на их базе (650 САУ Т48, 1000 ЗСУ М17).

В целом американские истребители хорошо зарекомендовали себя в воздушных боях, особенно в первый год войны, когда значительная часть отечественных самолетов была сразу же уничтожена немцами прямо на аэродромах. 48 из 59 немецких самолетов трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин сбил, летая на американском Аегособра. Другой ас, дважды Герой Арсений Ворожейкин, провел почти всю войну на Spitfire и сбил 51 самолет противника, а небо над Ленинградом в первый год блокады закрывали, в частности, истребители Kitty Hawk. Всего же по ленд-лизу в СССР поступили 14 126 американских и 4174 английских самолетов - 23% от произведенных за годы войны отечественных истребителей и бомбардировщиков. Почти 8 тыс. самолетов американские, английские, канадские и советские летчики перегнали с Аляски, а остальные были доставлены морем из Англии в Мурманск.

История легендарных арктических караванов (они имели литеру PQ и кодовое название Dervish) и героической борьбы английских, норвежских и советских моряков и летчиков с охотившимися за караванами немецкими линкорами и подводными лодками многократно описана и экранизирована. Как хорошо известна и фатальная перестрелка британского адмиралтейства, отозвавшего боевые корабли сопровождения, из-за чего немцы, как на учениях, буквально растерзали знаменитый караван PQ-17. Всего, по уточненным данным, из портов Англии, Шотландии и Исландии в Мур-

манск и другие северные порты были направлены 42 конвоя (722 транспорта), а обратно - 36. Дошли 682 транспорта, 85 были потоплены немцами, а 31 вернулся в порт отправки, не дойдя до цели.

Зато до самого последнего времени хранились в тайне другие маршруты поставок: перелеты целых эскадрилий с Аляски на Чукотку и далее - в Красноярск, морские караваны на Тихом океане и наземные - через Иран, в годы войны полностью или частично оккупированный британскими и советскими войсками. Этим маршрутом СССР получил более 70% грузов по ленд-лизу.

Из Америки в СССР шла не только военная техника, но и рельсы, трубы, взрывчатка, паровозы, платформы, грузовики, цветные металлы (медь, олово, молибден, алюминий), провода и кабели, обмундирование, тушенка и кожа для обуви. Среди самых экзотичных поставок обнаружили даже валенки: армейским интендантам пришлось разыскать русского эмигранта, который и наладил в Америке необходимое производство. Собственно, в конце статьи я приведу список этих поставок.

Вместе с тем, программа заметно оживила и экономическую конъюнктуру в самих США, в платежном балансе которых операции по ленд-лизу стали на время войны одной из ведущих статей. Для выполнения поставок администрация Рузвельта начала широко использовать так называемые контракты с фиксированной рентабельностью (cost-plus contracts), когда частные подрядчики могли сами устанавливать определенный уровень доходов по отношению к издержкам. В случаях, когда требовались значительные объемы специализированной техники, в роли арендодателя выступало правительство США, покупавшее все необходимое оборудование

для последующей передачи в лизинг.

Уже после первых поставок по ленд-лизу Сталин начал высказывать претензии по поводу неудовлетворительных технических характеристик поставляемых самолетов и танков. Действительно, среди поставленной в СССР техники встречались образцы, уступавшие и советской, и, что главное, немецкой. В качестве примера можно привести откровенно неудачную модель авиационного разведчика-корректировщика Curtiss O-52, который американцы просто стремились куда-нибудь пристроить и навязали нам чуть ли не даром, сверх утвержденного заказа.

Однако в целом претензии Сталина, впоследствии основательно раздутые советской пропагандой, на этапе секретной переписки с лидерами стран-союзников были просто формой давления на них. Отношения лизинга предполагали, в частности, и право принимающей стороны самостоятельно выбирать и оговаривать вид и характеристики требуемой продукции. И если Красная Армия считала американскую технику неудовлетворительной, то какой смысл было ее заказывать?

Что касается официальной советской пропаганды, то она предпочитала всячески приуменьшать значение американской помощи, а то и вовсе ее замалчивать. В марте 1943 года американский посол в Москве, не скрывая обиды, позволил себе недипломатичное заявление: «Российские власти, по-видимому, хотят скрыть, что получают помощь извне. Очевидно, они хотят уверить свой народ в том, что Красная Армия сражается в этой войне одна». И во время Ялтинской конференции 1945 года Сталин вынужден был признать, что ленд-лиз - замечательный и самый плодотворный вклад Рузвельта в создание антигитлеровской коалиции.

Оценки удельного веса союзнических поставок промышленной продукции (по отношению к произведенной в годы войны отечественной) и по сей день сильно расходятся.

В советской историографии с подачи председателя Госплана академика Николая Вознесенского приводились канонизированные Сталиным 4%, что соответствовало тогдашним \$11,2 млрд (около \$100 млрд в деньгах 2000 года). Однако эти 4% относились, скорее, к периоду 1942-1943 годов, когда США и Великобритания объективно и не могли поставить своему союзнику больше. В последние годы отечественные историки со ссылкой на архивные документы

<http://www.battlefield.ru>

МИДа приводили иные цифры - \$12,38 млрд; а в западной литературе можно встретить сведения и о \$19 млрд.

В любом случае процент все равно незначителен, если не принимать в расчет структуру военной экономики СССР и место в ней поставок по ленд-лизу. По разным оценкам, в общем объеме необходимых поставок для нужд армии западная техника составляла: в бронетанковых войсках - 12-16%, в авиации - 10-15%, во флоте - 32,4%. Что касается грузовиков, то их доля доходила до 70%. Иначе говоря, советская армия ездил преимущественно на американских автомобилях. Во всяком случае, в послевоенные годы население СССР больше разбиралось в «студебекерах», «джипах» и «виллисах», чем в наших марках. Кроме того, некоторых поставленных по ленд-лизу видов вооружений и военного оборудования (устройства радио- и гидролокации, многоствольные бомбометы, неконтактные тралы и проч.) у нашей армии к тому времени вообще не было. Наконец, не стоит сбрасывать со счетов и промышленное оборудование, и технологии, помогавшие тылу и хорошо работавшие и после войны. Так, более половины оборудования Сталинградского тракторного завода, во все время осады города не прекращавшего работу, было поставлено по ленд-лизу.

Формально закон о ленд-лизе прекратил действие 21 августа 1945 года, однако помощь отдельным странам (в частности, Великобритании и Китаю) продолжала оказываться и после этой даты. Всего американцы потратили на программу ленд-лиза \$46 - 50 млрд, из которых львиная доля пришлось на Британскую империю (более \$31 млрд), СССР (\$11 - 12 млрд) и Францию (\$1,4 млрд). Кроме указанных стран американскую помощь получили также 42 государства Европы, Азии и Латинской Америки, воевавшие против Гитлера и его союзников.

Реже приводятся другие цифры. По «обратному ленд-лизу» (а по закону, напомним, страны-получатели в свою очередь, обязаны оказывать Америке посильную помощь) США получили за годы войны \$7,3 млрд (более \$6 млрд только от Великобритании), включая кредиты на морские и железнодорожные перевозки, другие услуги, продовольствие, нефть и капитальное строительство в США. Труднее поддаются учету политические дивиденды, хотя для политиков очевидно: сделка, в результате которой полмира оказываются вашими должниками, сверхудачна.

Сразу после войны США направили странам, получавшим помощь по ленд-лизу, предложение погасить долг для получения новых кредитов. Поскольку закон о ленд-лизе предусматривал списание использованного военного оборудования и материалов, американцы настаивали на оплате только гражданских поставок: железнодорожного транспорта, электростанций, пароходов, грузовиков и прочего оборудования, находившегося у стран-получателей по состоянию на 2 сентября 1945 года.

Аналогичный счет предъявили и Советскому Союзу. Однако Сталин уже видел в бывших союзниках новых врагов, да и расставаться с полученным оборудованием не хотелось. Поэтому СССР согласился оплатить лишь ничтожную сумму долга, выставив контрпретензии. Так проблема долга по ленд-лизу перешла в стадию вялотекущей полемики. А спустя три года и она заглохла в связи с началом боевых действий на фронтах холодной войны.

К вопросу о советском долге стороны вернулись только с началом брежневской разрядки - в 1972 году. Министры торговли двух стран подписали в Вашингтоне соглашение об урегулировании расчетов по ленд-лизу, обязавшее СССР до 2001 года выплатить США \$722 млн, включая проценты. К июлю 1973 года было выплачено \$48 млн, но затем советская сторона прекратила выплаты, мотивируя это тем, что США не выполняют другие экономические соглашения, а также связывают проблему долга с политическими условиями. Лишь в июне 1990 года вопрос снова был поднят на высшем уровне: Михаил Горбачев и Джордж Буш-старший договорились о том, что СССР выплатит \$674 млн до 2030 года, после чего вопрос о долгах по ленд-лизу будет окончательно закрыт.

Чего не скажешь о проблеме объективной оценки самого ленд-лиза: этот вопрос, судя по всему, закроется еще не скоро. То, что не американские поставки сыграли решающую роль в победе СССР над германским фашизмом, сегодня не оспаривают уже и американские историки. Но насколько большей кровью досталась бы победа без помощи союзников, еще предстоит подсчитать - спокойно и честно, без политических подсказок.

Долгое время ленд-лиз оставался одной из самых темных и запутанных страниц истории второй мировой войны. Причина очевидна: новую экономико-правовую систему межгосударственных отношений создавали в расчете на военных союзников, а когда пришло время

оценить ее эффективность, те успели превратиться в противников. Поэтому в годы холодной войны обе стороны с одинаковым упорством секретили всю конкретику ленд-лиза. Почему скрывали у нас, понятно; однако и в послевоенной Америке власти не горели желанием предать гласности цифры, касавшиеся американской военной помощи сталинской России.

Благодаря ловкой пропаганде сегодня в США и за их пределами мало кто отдает себе отчет, что «ленд-лиз» отнюдь не безвозмездная помощь, каковой она представлена во всех американских учебниках. Это самое настоящее коммерческое предприятие. Неудивительно теперь, что почти все сколько-нибудь значимые документы засекречены во всех странах. В начале 1990-х годов Россия, было, рассекретила часть документов, но США немедленно потребовали засекретить их вновь. Весь архивный фонд вновь засекретили. Но нет сомнения, что рано или поздно эти документы станут доступны для публикации и тогда весь мир узнает, как здорово нажились США на самой кровавой войне в истории человечества!

Источник:
<http://www.battlefield.ru>

Орден Святого Равноапостольного Князя Владимира

лю, а по краям имел черную и золотую каемки. В середине лицевой стороны, на горностаевом поле, обведенном золотой каймой, был помещен вензель Святого Владимира под великокняжеской короной. На обратной стороне, в середине, на черном поле была помещена дата учреждения ордена. Крест 1-й степени носился у левого бедра на ленте шириной 10-11 см. Лента была с тремя равными полосами, из которых крайние - черные, а средняя - красная. Звезда была восьмиконечной, серебряной, с золотыми диагональными концами. В черном медальоне в центре звезды был изображен малый золотой крест, который знаменовал собой просвещение России Святым крещением и Евангелием. Между концами креста имелись буквы «С.Р.К.В.», т. е. «Святой Равноапостольный Князь Владимир». Вокруг медальона на красном поле помещался орденский девиз. Вторая степень состояла из креста и звезды, подобных установленным для первой степени. Крест носился на шею на ленте шириной 5,5 см. Знак ордена третьей степени представлял собой крест меньшей величины по сравнению с крестом второй степени, впрочем, одинаковой величины с крестами орденов Св.Анны и Св.Станислава 2-й степени. Крест носился на шее на ленте шириной 4,5 см. Знак ордена четвертой степени представлял собой крест еще меньшей величины, который носился в петлице или на груди на ленте шириной 2,2 см. По значимости как военная награда орден Св.Владимира шел сразу после ордена Св.Георгия, хотя как штатская награда ценился часто ниже других орденов. Ограничения числа кавалеров каждой из четырех степеней ордена не было, в Статуте говорилось: «в оный принимаемы будут столько, сколько окажется достигающих его качествами и трудами».

Статут 1782г. объявил 22 сентября днем орденского праздника. В 1777г. императрица Екатерина II впервые заказала на знаменитом фарфоровом заводе Гарднера (Дмитровский фарфоровый завод) орденские сервизы, которые должны были использоваться в Зимнем дворце в дни орденских праздников. Было заказано три сервиза: Георгиевский (на 80 персон), Александровский (на 40 персон)

и Андреевский (на 30 персон). Каждый из сервизов, выполненных к 1780г., стоил 5-6 тысяч рублей. В 1783г., в связи с учреждением ордена Св.Владимира, был заказан огромный Владимирский сервиз на 140 персон, стоивший 15 тысяч рублей. Все предметы - различной величины тарелки, вазочки, горшочки, сухарницы и даже черенки ножей, вилки и ложек - были расписаны по мотивам орденских знаков.

В 1787г. Екатериной II было установлено, что чины военного, морского и других ведомств за 35-летнюю беспорочную службу в классных чинах могли быть пожалованы орденом Св.Владимира 4-й ст. В таких случаях на левом и правом концах лицевой части креста добавлялась надпись золотом «35 лет». Причем, согласно этому установлению, дозволялось «каждому просить самому по начальству, с приложением послужного его списка и с точным означением производства его в первый классный или офицерский чин...».

Орденские знаки Владимирские кавалеры имели право использовать как элементы изображений на своих печатях и гербах. Кресты и звезды ордена Св.Владимира, так же как и ордена Св.Георгия, не имели драгоценных украшений, и запрещалось украшать их самовольно. Во время правления Павла I награждения орденом не производились и были возобновлены лишь особым повелением Александра I от 12 декабря 1801г. С 9 августа 1844г. на крестах всех степеней, а с 27 октября 1846г. и на звездах, которые жаловались лицам нехристианского вероисповедания, изображения креста, букв «С.Р.К.В.», вензель Св.Владимира и дата учреждения ордена заменялись изображением императорского орла. 22 июля 1845г. был принят новый Статут ордена. В нем говорилось, что орден Св.Владимира «установлен в награду подвигов, совершаемых на поприще государственной службы, и в воздаяние трудов для пользы общественной подъемлемых», а также «за ревностную службу, прилежание, труды и беспорочность в отправлении должности».

На красно-черной ленте ордена Св.Владимира носились многие медали дореволюционной России. Первой ста-

Учреждение было приурочено к двадцатой годовщине коронации Екатерины II. По традиции посвящения ордену какому-либо небесному покровителю свое название награда получила в память Святого князя Владимира. Сын киевского князя Святослава Игоревича и внук княгини Ольги Владимир Красное Солнышко прославился как полководец и государственный муж, много сделавший для объединения и укрепления единого древнерусского государства. Отголосками его энергичных действий по защите южных и юго-западных границ Руси стали былинные «заставы богатырские». Важнейшим событием отечественной истории было крещение Руси - введение христианства как государственной религии, начатое князем Владимиром в 988-989гг. Владимир Красное Солнышко был канонизирован церковью как «равноапостольный» - равный святым апостолам, большинство которых были учениками самого Христа.

Первая степень ордена состояла из знака в виде креста и звезды. Крест с обеих сторон был покрыт красной эма-

ла медаль 1790 года по случаю мира со Швецией. Некоторые медали выдавались на комбинированной Владимирско-Георгиевской ленточке. На Владимирской ленте носились и знаки отличия за беспорочную службу для гражданских лиц. Ордену была присвоена церковь Св.Равноапостольного Князя Владимира в Санкт-Петербурге на Петербургской стороне. При Высочайшем дворе и во всех торжественных случаях кавалеры орденов Св.Владимира 1-й и 2-й степеней имели право входа с особами IV класса, а кавалеры 3-й и 4-й степеней – с особами VI класса. Всем кавалерам ордена 4-й степени с бантом убавлялось 3 года из положенных 25 для получения «выслужного» ордена Св.Георгия 4-й степени. Высочайшим Указом от 5 августа 1855г. было установлено, что к знакам, которые жаловались за военные подвиги, присоединялись по два накрест лежащих меча посередине креста и звезды. При этом бант 4-й степени ордена Владимира носить не полагалось. Бант из орденской ленты к таким знакам стал добавляться с 15 декабря 1857г. Однако лица, состоявшие в гражданских чинах, и лица других званий получали орден за военные заслуги хотя и с мечами, но без банта: бант был прерогативой лишь чинов военных. Лица, имевшие орден с мечами, при награждении более высокой степенью того же ордена за невоенные заслуги получали знаки со скрещенными мечами наверху креста и звезды. Выдача этого вида наград, получивших официальное название «с мечами над орденом», продолжалась до конца 1870г., когда было разрешено при пожаловании более высокими степенями не снимать награды, выданные за военные заслуги. Необходимость в разновидности знака отличия «с мечами над орденом» в связи с этим отпала. К началу XX столетия было разрешено носить все полученные орденские знаки, независимо от того, заслужены они в боевой обстановке или в мирное время. Но награды с мечами по-прежнему ценились выше, чем не имеющие этих дополнительных элементов.

С выдающимся русским флотоводцем адмиралом Ф. Ф.Ушаковым произошел единственный в своем роде случай, когда за одно и то же сражение участник был удостоен двух орденов. 3 июля 1788г. Федор Федорович в чине капитана бригадирского ранга отличился в сражении при Федониси. Но вследствие проскоков командующего Севастопольской эскадрой М.И.Войновича был отмечен не орденом Св.Георгия 3-й степени, как сам командующий, а

лишь орденом Св.Владимира 3-й степени. Когда интриги Войновича были раскрыты, по представлению самого Г.А.Потемкина Ф.Ф.Ушаков был отмечен дополнительно орденом Св.Георгия 4-й степени за то же сражение при Федониси. Среди кавалеров, получивших орден в XVIII веке, значатся: генерал-аншеф граф Ю.Ю.Броун (1-я ст.), генерал А.В.Суворов (1-я ст., 1783г.), тайный советник Г.Р.Державин (2-я ст., 1793г.), выдающийся русский художник и директор Академии художеств И.А.Акимов (4-я ст.), коллежский советник А.Н.Радищев. За отличия в Отечественной войне 1812г. было выдано: 12 знаков 1-й степени, 95 знаков 2-й степени, сотни знаков 3-й степени, тысячи знаков 4-й степени.

Среди награжденных орденом Св.Владимира 1-й степени - 2 генерала от кавалерии, 1 генерал от инфантерии и 9 генерал-лейтенантов. В числе генералов - П.П.Коновницын, А.И.Остерман-Толстой, Н.Н.Раевский, а также министр полиции А.Д.Балашов – за выполнение заданий, носивших дипломатический характер; племянник А.В.Суворова А.И.Горчаков, один из героев Отечественной войны, тяжело раненный при Бородино и вернувшийся в строй лишь в следующем, 1813г.; А.С.Кологривов, генерал-лейтенант с 1798г., награжденный за Аустерлиц алмазными знаками ордена Св.Александра Невского, за кампанию 1806-1807 гг. - орденом Св.Георгия 3-й ст. В октябре 1812г., вернувшись из отставки на действительную службу в чине генерала от кавалерии, А.С.Кологривов формировал и обучал важные для армии кавалерийские резервы. Это при нем состоял адъютантом А.С.Грибоедов – доброволец 1812г., ставший кавалерийским

офицером, первая печатная работа которого «Письмо из Брест-Литовского к издателю» была посвящена получению Кологривовым ордена Св.Владимира 1-й степени. 19-летний корнет Александр Грибоедов писал о нем: «Ручаюсь, что в Европе немного начальников, которых столько любят, сколько здешние кавалеристы своего».

В военной среде высоко ценили орден Св.Владимира 4-й степени с бантом – боевую офицерскую награду. Герой Отечественной войны 1812г. Я.П.Кульнев, награжденный им за отличия в боях с французами еще в 1807г., писал брату: «Лучше быть меньше награжденному по заслугам, чем много без всяких заслуг. С каким придворным вельможею, носящим Владимира I класса, поравняю я мой Владимир IV-го с бантом?». За знаменитый бой брига «Меркурий» с двумя огромными турецкими кораблями его капитан А.И.Казарский и еще один офицер были отмечены орденом Св.Георгия 4-й степени, а еще три героя, офицеры, - орденом Св.Владимира 4-й степени с бантом. За период русско-турецкой войны 1828-1829 гг. знак ордена Св.Владимира 1-й степени получил генерал от кавалерии П.П.Пален, а среди кавалеров ордена 3-й степени можно назвать генералов А.Н.Лидерса и В.А.Глинку. В 1829г. полковник П.Х.Граббе, впоследствии генерал от кавалерии, получил орден Св.Владимира 3-й степени за поход в Валахию. За отличия в Польской кампании 1831г. знаки 2-й степени получил известный в прошлом партизан генерал-лейтенант Д.В.Давыдов.

Источник:
www.rusawards.ru

Игорь Ладыгин

Немцы в Русской Армии накануне и в годы Первой Мировой войны

Памяти

Александра Иоганновича Бартулли и Теодора Александровича Клейна, солдат русской армии

От автора. В русском языке существует замечательная поговорка, отражающая суть отношения между двумя народами – русским и немецким – «что русскому хорошо, то немцу смерть». Как к слову «белый» существует антагонизм «черный», так и к слову «русский», первое, что приходит на ум у среднестатистического россиянина, – правильно, «немец». Действительно, две тяжелые войны, вынесенные нашим народом с Германией на протяжении одного века, стоившие России миллионов жизней и поломанных судеб, и обе начатые Германией как агрессором, навсегда оставили свой след в истории и людской памяти. Хотя история взаимоотношений русского и германского народов имеет более глубокие корни, и существует масса примеров доброй дружбы и сотрудничества, взаимного обмена ценностями духовной и материальной культуры. Многие знаменитые наши с вами соотечественники – полководцы, ученые, поэты и политические деятели, бывшие большими патриотами и сделавшие много для России, были немцами по происхождению. Но в настоящей статье автор преследует цель не рассмотреть пресловутый «национальный вопрос», а исключительно осветить один из самых малоизвестных и интересных фактов из истории Русской Императорской Армии. Разумеется, со своей точки зрения. Многие из нас до сих пор не знают о том, что среди народов многонациональной России существовали и существуют «российские немцы» (в 1908 – 2 млн. 70 тыс. чел., в 1990 г. – 2 млн. чел., в 2003 г. – чуть более 500 тыс. чел.), входившие в первую десятку народов по численности и даже имевшие свою национальную автономную республику в составе РСФСР до 1941 г. (сейчас в Алтайском крае России существует Немецкий национальный район). И если годы Великой Отечественной войны российские немцы провели вдали от передовой – в концлагерях «Трудового фронта», сибирской тайге и казахстанских степях, то на полях сра-

жений Первой Мировой российские немцы – как и все российские подданные – воевали с агрессорами в рядах Русской Армии.

Автор будет благодарен читателям за любые материалы, посвященные вопросу службы российских немцев в Русской Армии.

Анализируя национальный состав Русской Армии накануне Первой Мировой войны, можно столкнуться с трудностями – до 1912 г. графа «национальность» в служебных документах отсутствовала и заменялась графой «вероисповедание». За предшествующий период можно получить лишь информацию о национальном составе генеральского корпуса (на 1903 г. доля генералов из немцев составляла 10,3 %). И лишь в 1912 г. в «Военно-статистическом ежегоднике армии на 1912 г.» графа «национальность» уже появилась. По сведениям из этого ежегодника, из 1299 генералов немцами (правильнее говорить – «германцами», т.к. на самом деле в русском языке под словом «немец» подразумевался не конкретно гражданин Германии, а иностранцы вообще, это касается и поговорки, приведенной в начале статьи) были 61 человек (6,55 %), из 8 340 штаб-офицеров – 212 (3,26 %), из 38 976 обер-офицеров – 878 (2,61 %). Это те немцы, которые имели неправославное вероисповедание (в основном, лютеране, евангелисты и реформаты). Фактически же немцев было больше, так как немцев, имевших православное вероисповедание, по нормам того времени, причисляли к русским (так же как и лиц других национальностей, исповедовавших православие). Таким образом, в списках российского офицерского корпуса среди русских офицеров можно увидеть Гибера фон Грейфенфельса, графа Граббе, Шафгаузен-Шенберг-Эк-Шауфуса, барона фон Медема, барона Фитингофа и многих других. Даже в списках казаков Донского казачьего войска автор с удивлением обнаружил есаула фон Эксе и поручика фон Вик (именно казаков, а не прикомандированных к

казачьим частям).

От автора. Естественно, большей частью эти немцы уже были обрусевшими и не мыслили себя без России. Один из лидеров русских правых, убежденный монархист, министр внутренних дел П.Дурново в своей записке Николаю II о необходимости ориентации на Германию, а не Антанту (!), докладывал, что немцы «... быстро русеют. Посмотрите на французов и англичан: многие, почти всю жизнь прожившие в России, так и не могут освоить русский язык. А немец, чуть поживший у нас, уже худо-бедно, коверкая слова, но бегло говорит по-русски». На самом деле, между германцами и русскими очень много общего, как ни парадоксально это звучит.

Среди офицеров и генералов немецкого происхождения не учитываются также Великие князья и другие члены Императорской фамилии (со времен Петра I российские императоры женились, в основном, на германских принцессах и таким образом, являлись немцами по крови).

Сведениями о нижних чинах немецкого происхождения автор не располагает, хотя известно, что с 1874 г. российские немцы перестали считаться «иногородцами», т.е. были уравниены в правах с великороссами и подлежали призыву на действительную военную службу.

Российские немцы пользовались благосклонностью российских императоров по вполне понятным причинам, и лишь с восшествием на трон императора Александра III, сменившего внешнеполитическую ориентацию России с Германии на Францию, ситуация изменилась. Факт наличия в составе Империи двух с лишним млн. человек, имевших историческую родину в потенциального противника, не мог не беспокоить российское правительство, и правительство было взято курс на жесткую и планомерную ассимиляцию российских немцев. Однако процесс ассимиляции шел очень сложно, и это тема отдельной статьи.

Согласно переписи населения 1879 года, 165600 немцев проживало в прибалтийской губернии России; в Самарской и Саратовской - 395800 человек; в Царстве Польском - 407700 человек; в Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях - 377800 человек; в Волынской губернии - 171300 человек. Много немцев проживало в Финляндии, входившей тогда в состав Российской империи, в Закавказье, Бессарабии, а также в Санкт-Петербургской, Ставропольской губерниях.

К началу XX века немцы, таким образом, по численности занимали в стране девятое место. Немецкое поселение империи насчитывало 2 070 000 человек.

По данным Зайончковского, перед русско-японской войной доля генералов немецкого происхождения в генералитете Русской Армии составляла 21,6 %. На 15 апреля 1914 г. среди 169 «полных генералов» было 48 немцев (28,4 %), среди 371 генерал-лейтенанта – 73 немца (19,7 %), среди 1034 генерал-майоров – 196 немцев (19%). Однако по сравнению с 1905 г. абсолютная доля генералов-немцев снизилась на 1,5 %. Все больше немцев-военных принимало православное вероисповедание, шел естественный процесс обрусения (массовый характер, со сменой фамилий, этот процесс принял в годы Первой Мировой в связи с началом войны с германоязычными державами, переименованием столицы Санкт-Петербург в Петроград, ростом антигерманских настроений и после первых «немецких погромов» в городах России). Кроме того, как стало видно в дальнейшем, русские солдаты неохотно шли в бой за «не своим», за немцем. За человеком, родной язык и фамилия у которого такие же, как у врага. Военные неудачи малокультурная солдатская среда, вполне естественно, списывала на командиров-немцев, которые «продают германцам секреты». В армии и обществе, среди маргиналов, муссировались слухи, распространяемые, несомненно, либо немецким Генеральным штабом, либо большевиками, что во главе шпионской сети стоит императрица Александра Федоровна, урожденная принцесса Гессенская. Необходимо отметить, что подобные явления в условиях войны вполне естественны для любой армии мира, любого общества, любой нации. Теперь что касается штаб-офицеров. Последний по хронологии список подполковников был составлен в 1913 г., полковников – в 1914 г. Однако для точности сравнения примем данные 1913 г. Из 3 806 полковников было 510 немцев (13,4 %). Из 5 154 подполковников – 528 (10,2 %).

Из 985 офицеров корпуса Генерального штаба немцами были 169 человек (17,1 %).

Среди 67 начальников пехотных, гренадерских и стрелковых дивизий было 13 немцев; в кавалерии – 6 из 16. Среди командиров полков: в пехоте и стрелковых частях – 39 из 326; в кавалерии 12 из 57. В Русской Императорской гвардии среди 3-х начальников пехотных дивизий был 1 немец; в кавалерии – 1; в артилле-

рии – 3 из 4 командиров бригад. Среди командиров полков – 6 из 16 пехотных; 3 из 12 кавалерийских; 6 из 29 командиров батарей. Из 230 капитанов гвардии – потенциальных полковников – немцев было 50 человек (21,7 %). В среднем третья часть командных должностей в гвардии была замещена немцами. Большой процент офицеров немецкого происхождения был в Лейб-гвардии Конном полку, в который, по традиции, набирались, в основном, прибалтийские (остзейские) немцы. Другой гвардейский полк – Измайловский – по основанной еще Анной Иоанновной традиции также набирался, в основном, из немцев (плюс немного шведов). Одно время офицерский корпус Измайловского полка на 65 % состоял из немцев и шведов!

От автора. В Русской Армии существовали ограничения по количеству неправославных офицеров в одном полку. В процентном соотношении в полку могло быть не более 10 % католиков и не более 25 % протестантов.

Что касается Императорской Свиты, то среди 53 генерал-адъютантов немцев было 13 (24,5 %). Из 68 лиц Свиты генерал-майоров и контр-адмиралов немцами были 16 человек (23,5 %). Из 56 флигель-адъютантов немцев было 8 (17 %). Всего в Свите Его Величества из 177 человек немцами были 37 (20,9 %).

Из высших должностей – корпусные командиры и начальники штабов, командующие войсками военных округов – немцы занимали третью часть.

Кроме того, атаманами казачьих войск (!) являлись немцы: Терского казачьего войска – генерал-лейтенант Флейшер; Сибирского казачьего войска – генерал от кавалерии Шмидт; Забайкальского – генерал от инфантерии Эверт; Семиреченского – генерал-лейтенант Фольбаум.

Во флоте соотношение было еще больше.

И все это несмотря на начавшуюся при Императоре Александре III борьбу с «немецким засильем». Просто немцы всегда были отличными служаками, верными власти, а кто будет зажимать надежного и исполнительного офицера?

При этом немцы в Российской Империи составляли 1,2 % от всего населения (по данным Зайончковского).

От автора. У читателя может возникнуть ощущение, что автор пытается убедить, будто в Русской Армии служили исключительно немцы, и вся тяжесть войны легла на их плечи. Отнюдь. Русская Армия оставалась русской – 86 % ее составляли русские (в состав которых в

то время включались собственно великороссы, белорусы и малороссы).

Но вот грянула Первая Мировая война, навсегда изменившая отношения между двумя странами, складывавшимися с XIX века относительно благополучно, если не считать некоторых острых вопросов. Проблемы и взаимные претензии между нашими странами все-таки имели место, но было их гораздо меньше, чем, скажем, между Россией и Англией или Англией и Германией.

Материалов, посвященных участию российских немцев в Первой Мировой войне, практически не сохранилось, за исключением фактов, касающихся отдельных личностей. Не до того было. По понятным причинам в ходе войны немцы-офицеры Русской Армии меняли фамилии – так Иоганн Клейст становился Иваном Клецовым, Теодор Мут – Федором Мутовым, Вольдемар фон Визе – Владимиром Фонвизиным и т.п.

С началом Первой Мировой войны количественный и качественный состав Русской Армии значительно изменился. В августе - октябре 1914 г. после объявленной всеобщей мобилизации начался призыв ратников в дружины Государственного ополчения. В том числе и немцев-колонистов Саратовской, Ставропольской и других губерний. Весной 1915 г. из дружин начали формироваться дивизии третьей очереди (точного количества и номеров дивизий, комплектование которых осуществлялось немецкими колонистами, автору установить не удалось). Согласно исследованиям некоторых историков, а также данных РГВИА, части с военнотружущими - немцами использовались, по вполне понятным причинам, на Кавказском фронте против турецкой армии (например, в составе 1-го Кавказского армейского корпуса). Однако, по крайней мере, одна такая часть использовалась на русско-австро-германском фронте (здесь нет ошибки, т.к. для поддержки союзной австрийской армии Германия перебросила несколько своих корпусов на русско-австрийский фронт, у нас он назывался «Юго-Западный», к тому же разница между австрийцем и немцем такая же, как между вятичем и сибиряком). Немцы Русской армии против немцев Германского рейхсвера – история полна парадоксов. Из воспоминаний знакомых автору российских немцев и данных РГВИА 419-й Аткарский пехотный полк 105-й пехотной дивизии состоял, в основном, из немцев, и формировался из 223, 224-й и 225-й Саратовских пеших дружин ополченцев - жителей немецких колоний Саратовской губернии. В дивизи-

зии, как минимум еще один полк – 420-й Сердобский пехотный – имел в своем составе немцев-колонистов (формировался из 226-й, 227-й и 228-й Саратовских дружин). Входившая в состав дивизии 105-я артиллерийская бригада также состояла, в основном, из немцев.

Офицеры, согласно воспоминаниям, были русскими либо лицами других, немецких, национальностей. Учитывая тот факт, что малограмотные немцы-колонисты, зачастую не знали русского языка, то унтер-офицерами были либо немцы, знавшие русский язык (унтер-офицер на приведенной ниже фотографии - немец), либо лица других национальностей, владевшие немецким. А в дальнейшем, естественно, солдаты учили русские команды.

Как же воевал полк? Будем опираться на факты, которых, к сожалению, автору удалось отыскать не так уж много, но, тем не менее, их достаточно, чтобы сделать вывод о славном боевом пути полка, судьба которого тесно переплелась с судьбами знаменитейших русских полководцев. Составляя историю 419-го Аткарского полка и 105-й пехотной дивизии, исходя из документов и воспоминаний участников Первой Мировой и Гражданской войн, автор отметил, что дивизия, не будучи кадровой и укомплектованная офицерами-запасниками (имевших звания зауряд-поручиков, зауряд-полковников и т.д.), первое время нахождения на фронте показывала себя не с самой лучшей стороны, как и многие другие третьеочередные части. Многие нижние чины до призыва 1914 г. никогда не проходили воинской службы, многим «бородачам» было по 40 и более лет. Однако уже в ходе боев при форсировании р. Иквы в мае 1915 г. в 105-й пехотной дивизии отличился у Дорогостая 420-й Сердобский пехотный полк, взявший у австрийцев 4 орудия. В августе 1915 г. дивизия участвует в Луцкой операции в Полесье, где она на линии Луцк-Ровно прикрывает фланги 4-й «железной» стрелковой дивизии ген. Деникина.

В апреле 1916 г. командующим 8-й армией назначается генерал Каледин, будущий донской атаман.

В мае-ноябре 1916 г. 105-я дивизия участвует в знаменитом Луцком («Брусиловском») прорыве. Аткарскому, Сердобскому, Луганскому и Александровскому полкам приходилось 11-21 июня отбивать многократные контратаки перебрасываемых с других фронтов многочисленных германских частей, поддержанных тяжелой артиллерией. А 21 июня части 8-й армии перешли в на-

ступление и к 1 июля утвердились на р. Стоход, перекинув авангарды на левый берег. Полки дивизии нанесли противнику тяжелый удар в районе д. Кошев, где войска захватили 9000 пленных и 46 орудий.

В ходе Луцкого прорыва войсками Северо-Западного фронта было взято в плен 450 000 солдат и офицеров противника. Австрийская армия практически перестала существовать. Есть в этом доля заслуг и 419-го Аткарского, 420-го Сердобского полков.

В мае 1917 г. командующим 8-й армией, в которую входила 105-я дивизия, назначен Генерального штаба генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов.

В литературе автор не нашел случаев массового дезертирства и перехода немцев – солдат русской армии к «братьям по крови» - солдатам германской армии (нельзя исключать отдельные факты, но все равно, если таковые и были, то не были распространены). Как и все подданные России, российские немцы доблестно сражались против общего врага. Попытки германской пропаганды (уже в Первую Мировую войну находившейся на высоком уровне) разложить «немецкие» части (в том числе и на Кавказском фронте) успехов не имели.

В 1917 г. полки 105-й дивизии считались одними из самых надежных и боеспособных частей в Русской Армии.

После объявленной большевиками демобилизации и развала армии солдаты 419-го полка в конце 1917-го – начале 1918-го г. вернулись в Саратовскую губернию. Далее их судьбы сложились по-разному: часть воевала в рядах Белых Армий (немцы-колонисты дали большой процент добровольцев в ряды ВСЮР), часть - в Красной, часть снова вернулась к довоенным занятиям.

Доблестно сражались в рядах Русской Армии до самого ее роспуска или смерти гвардейцы А.А. Клюки фон Кюгенау, барон Г.Е. Рауш фон Траубенберг, П.А. фон Вик, Г.Г. Раух, барон Ф.Н. Таубе, герцог Д. Лейхтенбергский, граф Армфельд, В.Г. фон Розенберг, фон Витторф, фон Баумгартен, граф Гейден, армейцы Б.В. Гернгросс, Б.П. Гаттенбергер, П.Л. Фихтнер, Н.П. фон Кюгельген и многие другие.

Однако, несмотря на эти факты, в 1915 г. был принят закон, направленный на лишение немцев - российских граждан, проживающих в местах так называемого «компактного проживания», земельных владений с последующей депортацией в Сибирь. Сделано это было с целью удалить немцев (лиц одной национальности

с врагом) как можно дальше от прифронтовой полосы и крупных промышленных центров. На Волыни, то есть фактически в прифронтовой полосе, этот закон был претворен в жизнь. Удивительно, как немцы во фронтовых русских частях не взбунтовались после таких фактов. Возможно, так и не узнали об этом. Впрочем, например, все немцы из 105-й артиллерийской бригады в декабре 1916 г. были отправлены в 1-й Кавказский армейский корпус на русско-турецкий фронт...

Но тотального характера акции выселения не получили. Против этого выступили российские помещики, боявшиеся самого факта экспроприации частной собственности. Переселить немцев-колонистов не позволила и обстановка с хлебом, ведь немецкие области Поволжья и Южной Украины снабжали зерном индустриальные районы, а также обеспечивали значительную часть зернового экспорта России. Наконец, депортацию нельзя было провести в массовых масштабах из-за тяжелого положения на фронте, так как для этого нужно было бы отвлечь большие воинские контингенты. При этом необходимо отметить, что подобные жестокие явления не являются чем-то сверхъестественными для военного времени – стоит вспомнить интернирование лиц немецкой национальности в Великобритании в 1914 и 1939-40 гг., в СССР в 1941 г. (фактически на смерть), заключением в концлагеря японцев в 1942 г. в «самой демократической стране мира» – США (где многие из них содержались в нечеловеческих условиях и умерли). Царское правительство поступило с немцами гуманнее всех. Однако остается непонятным – почему немцы не были отчислены из действующей армии (как, например, сделал в 1941 г. Сталин).

Но опасения российского правительства оказались напрасны - российские немцы остались верными подданными короны даже после такого. Среди русских офицеров, убитых своими солдатами в 1917 г. (С. Волков «Трагедия русского офицерства» и еще ряд изданий), автор не нашел ни одного офицера 419-го и 420-го пехотных полков. Чинопочитание и проповедуемое протестантской религией уважение к власти как данной Богом, – свойства немецкого национального характера.

В то же время убийства офицеров Русской Армии солдатами начались именно с офицеров-немцев. Так, например, по воспоминаниям кавалергарда В.Н. Звезгинцова, в марте 1917 солдатами пехотных и артиллерийских частей были

окружены бараки кавалергардов в Луге, которые потребовали: «Арестовывай офицеров-немцев! Давай сюда изменников!», «Всех немцев тут же и порешить!». При этом толпа действовала вне всякой зависимости от фамилий офицеров, руководствуясь чувством личной симпатии или неприязни, «назначая» немцем, например, и графа Менгдема, и штабс-ротмистра Черткова. Так в одной только Луге в один день были зверски убиты кавалергард генерал граф Менгдем, конно-гренадер полковник Эгерштром, лейб-гусар ротмистр граф Клейнмихель... При этом многие «немцы» являлись обрусевшими шведами, голландцами, датчанами – достаточно было иметь нерусскую фамилию, чтобы угодить в «изменники» и «кровопийцы». Наиболее известными полководцами немецкого происхождения в Русской Армии и Флоте были: П.К. Ренненкампф, Е.К. Миллер, Эверт, граф Ф.А. Келлер, адмирал фон Эссен, адмирал Эбергард. В антибольшевистских армиях во время Гражданской войны – генерал Н.Э. Бре-

дов, барон Р. Ф. Унгерн фон Штернберг, генерал М.С. Латернер, барон А. Будберг, полковник И. фон Вах (командир полка знаменитых «воткинцев»).

Фото 1

Российские немцы Саратовской губернии – ратники 224-й пешей Саратовской дружины государственного ополчения. Первый слева бомбардир 4-й роты А.И. Бартулли.

Фото из личного архива семьи Бартулли-Клейн.

Изображенный на снимке Александр Иоганнович Бартулли, простой крестьянин, один из тысяч российских немцев, участвовал в войне с 1914 по 1917 г.г. Был призван в 38 лет, до этого не служил в армии, как и все чины 224-й ополченской дружины. Умер от ран. Данные о его последнем звании в Русской Армии и точных наименованиях наград утеряны во время Второй Мировой войны.

А немец по происхождению, русский патриот, генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель возглавил Русскую Армию в период ее нелегкой борь-

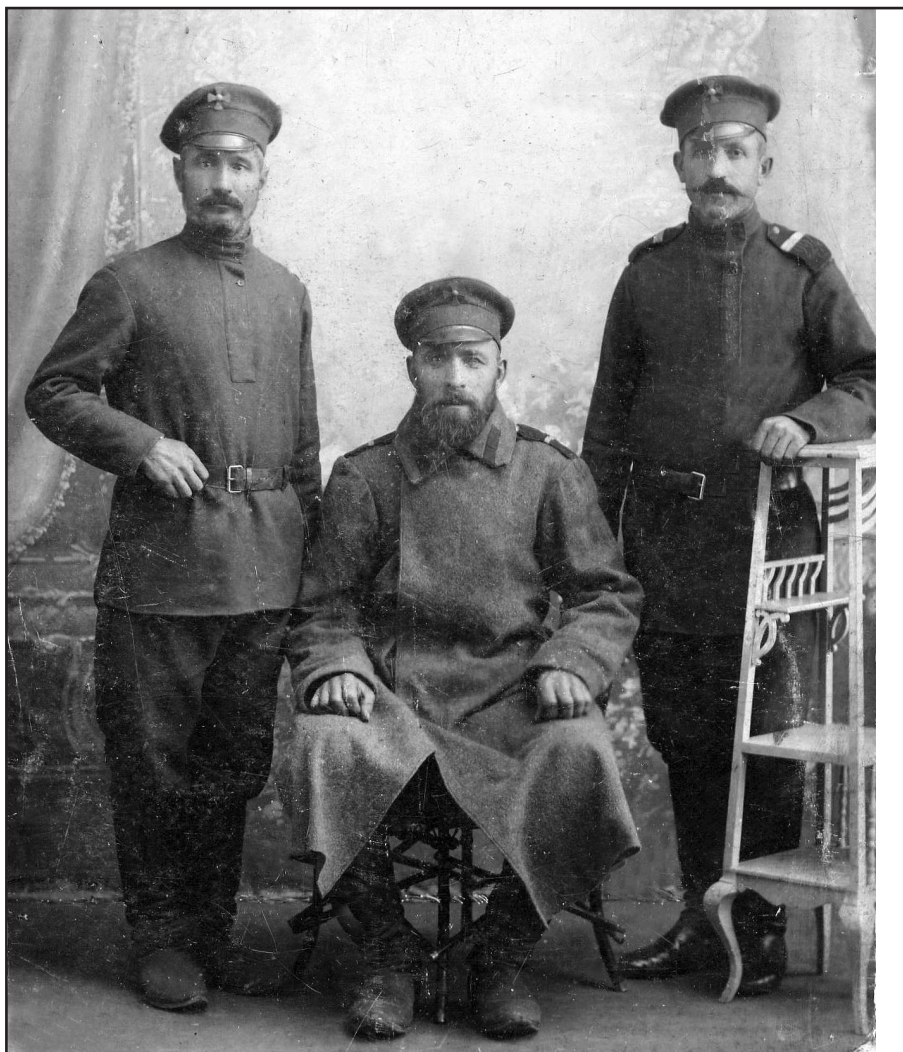

бы за свободу и единство России, и стал ее последним Главнокомандующим. Генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель

Автор выражает признательность сотрудникам Российского государственного военно-исторического архива и лично П.П. Андриенкову.

Источники

1. Меленберг А.А. Немцы в Российской армии накануне Первой Мировой войны // Вопросы истории...
2. Зайончковский П.А. Офицерский корпус Русской армии перед Первой Мировой войной // Вопросы истории, № 4/1981.
3. Военно-статистический ежегодник армии на 1912 год. СПб, 1914.
4. Керсновский А. История Русской Армии. Сайт <http://militera.lib.ru/>
5. Гоштовт Г.А. Кирасиры Его Величества в Великую войну. 1914. // Кавалеристы. Москва: «Рейтартъ», 2001 г.
6. Звезгинцов В.Н. Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну. 1917. // Кавалеристы. Москва: «Рейтартъ», 2001 г.
7. Брюль В.И. Немцы в Западной Сибири. Часть 1. Тип. с. Топчиха, 1995 г.
8. Брусилов А.А. Мои воспоминания. Мн: «Харвест», 2003 г.
9. РГВИА. Ф. 8493, Оп. 1, Д.2, Л.6 об.
10. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. Виртуальный сервер Дмитрия Голковского www.samisdat.ru
11. Кремлев С. «Россия-Германия: сравнить!». М., «АСТ», 2003 г.
12. Гейно фон Базедов. Путевые впечатления о военной России. // Быт Русской армии. М., «Военное издательство», 1999 г.

“...Этот бой принес нам боль невозполнимой утраты...”

На фото Герой Советского Союза капитан Яков Иванович Антонов из 25-го Истребительного авиационного полка. По нашим документам погиб в воздушном бою 25.8.42г. На самом деле он был сбит командиром 77-й немецкой истребительной эскадры (JG 77) майором Гордоном Голлобом (Gordon Gollob).

Антонов не погиб, а выпрыгнул с парашютом, что было зафиксировано немцами на фотоаппарат.

В Германии вышла книга Гюнтера Ралля «Моя летная книжка», где почему-то он победу в том воздушном бою себе приписывает.

Вот отрывок из книги Гюнтера Ралля «Моя летная книжка»:

«21 сентября 1942 года во время второго вылета мне повезло: около половины пятого я сбил Миг-3 совсем недалеко от нашего аэродрома. Его пилот сумел выброситься с парашютом и спастись. Унтерофицеры моего штаффеля сразу же поехали на машине к месту его приземления, чтобы захватить его. Русский приземлился на одном из огромных подсолнуховых полей, которых в этих местах было множество. Он был быстро окружён, но его сумели взять, только когда он расстрелял по нашим все пат-

роны из своего пистолета, к счастью, не причинив никому вреда. После того, как ему обработали резаную рану на лбу, которую он получил, выпрыгивая из самолёта, его доставили ко мне. Я как раз находился у радиомашин, слушая переговоры пилотов.

Русский чертовски юн, так же, как и большинство из нас - ему едва за двадцать. Свои прямые светлые волосы с высокого лба он откинул назад, чтобы освободить место для двух огромных компрессов, покрывающих его порезы. В умных карих глазах в равной степени отражается и гордость, и разочарование. На его губах играет лёгкая улыбка. Его грудь украшают три ордена, из которых мне известен только один - он называется «Герой Советского Союза».

Так вот как они выглядят на самом деле - представители монгольских степных

орд, как представляет их пропаганда, те самые недочеловеки, к которым недопустимо гуманное отношение! Перед нами Воин, который сразу же вызывает уважение у любого, кто сам является Воином. Я тогда саркастически подумал, что порой с врагом тебя может роднить большее, чем с некоторыми людьми из твоего окружения.

Капитан Антонов боится. Предложенную сигарету он сразу же отложил нетронутой в сторону, но когда я сам закурил одну, он немного расслабился. Наш чай, холодный и свежий, но налитый из чистой бензиновой канистры, вызывал у него недоверие, пока я на его глазах не выпил чашку. Мы нашли одного фельдфебеля-переводчика и сидели вместе, разговаривая о нашем воздушном бое, об идущей войне. Мой противник прекрасно держится и полон достоинства. Он не делает ни малейшей попытки заискивать

или втираться в доверие. По его словам можно понять, что политфицеры в ВВС рассказывают о нас то же, что и в Красной Армии. Пропаганда порождает ненависть, ненависть рождает жестокость, жестокость порождает новую пропаганду. Чёртов замкнутый круг.

Советский лётчик остаётся у нас ещё несколько дней, так как нет возможности его отправить. У нас нет ни желания, ни возможности держать его под замком. Под ответственность нашего штаффеля, он получает довольствие, как любой другой лётчик, и может свободно перемещаться по аэродрому [у деревни] Солдатская без постоянного надзора. При таких условиях он и не пробует бежать, оценивая такое отношение с нашей стороны, вопреки всем предписаниям. Своим побегом он причинит нам неприятности и понимает это. Позже мы посылаем его с Ju-52, везущим раненых в лазарет. И тогда он использует удобный случай. Как, мы не знаем точно. Но капитан Антонов точно не прибыл в место назначения. Скорее всего, он воспользовался немецкой шинелью из тех, что перевозили на том Ju-52, чтоб затеряться и бежать. Но то, что Антонов пережил войну, я знаю точно из официальных русских источников».

***

Яков Антонов родился 24 января 1908 года в деревне Малахово, ныне Шимского района Новгородской области,

в семье служащего. Окончив начальную среднюю школу, учился на рабфаке электротехнического техникума в Ленинграде. С 1928 года в рядах Красной Армии. В 1931 году окончил Ленинградскую военно-теоретическую школу, а в 1933 году - военную авиационную школу лётчиков. Затем получил назначение в одну из авиационных частей Ленинградского военного округа.

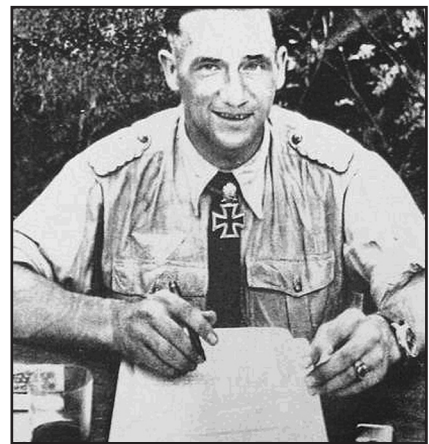
Участник Советско-Финляндской войны 1939-1940 годов. Свой первый боевой вылет Яков Иванович совершил 6 декабря 1939 года, через неделю после начала боевых действий. Летал на И-16. За отличие в первые дни боёв был награждён орденом Красного Знамени.

2 февраля 1940 года в воздушном бою сбил истребитель Fokker D.XXI (подробный рассказ об этом поединке читайте в статье - «Воздушный бой в районе станции Иматра»). По финским данным 2.02.1940 года в бою с И-16 из 25-го ИАП над посёлком Рауха был сбит один «Fokker» D.XXI из 4/LLv24, который пилотировал датский доброволец лейтенант Фритц Расмуссен (Fritz Rasmussen), который погиб.

21 марта 1940 года за мужество и отвагу, проявленные в схватках с врагами, Антонов Яков Иванович удостоен звания Героя Советского Союза.

25 августа 1942 года командир 84-го истребительного авиаполка майор Я. И. Антонов был сбит в воздушной схватке под Моздоком. Подробности того боя вспоминает Генерал - майор авиации Г. Пшеняник:

«В тот день предстояло нанести штурмовой удар по вражескому аэродрому. В нём участвовали 9 самолётов нашего полка и 8 соседних И-153, боевой порядок которых возглавил командир 84-го авиаполка майор Я. И. Антонов. Стояла ясная погода, и на фоне белоснежных вершин Кавказа наши самолёты превратились в весьма заметные для врага чёрные мишени. Так что «Мессеры» уже поджидали их в воздухе.

Командир 77-й немецкой истребительной эскадры (JG 77), майор Гордон Голлоб

Судя по всему, это были новые модернизированные Me-109Ф, которые легко маневрировали и даже шли в лобовые атаки. 20 вражеских самолётов вели бой против 17 наших. И всё - таки через 10 минут напряжённой схватки, первыми не выдержали немецкие пилоты - один за другим стали падать на землю горящие «Мессера». Вот уже 6-й загорелся... Отличились и наши друзья из 84-го полка: они сбили 4 машины и подожгли на земле ещё 12. Враг потерял тогда 22 самолёта, из них 10 были сбиты в воздухе.

Но помимо радости победы этот бой принёс нам и боль невосполнимой утраты: немцам удалось сбить два истребителя И-153, и на одном из них - Якова Ивановича Антонова, замечательного лётчика и очень толкового командира. Это был тяжёлый день для личного состава обоих полков...»

Дальнейшая судьба отважного лётчика Якова Ивановича Антонова, к глубокому сожалению, неизвестна до сих пор...

Источники:

<http://airaces.narod.ru/winter/antonov.htm>

<http://ww2.ru/forum/index.php?showtopic=51735>

http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2769

http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2769

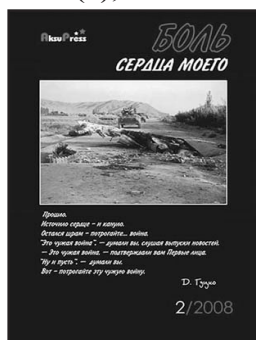
Как сделать заказ журнала

Отправьте письмо на электронный адрес: aksupress@front.ru

В котором укажите: номер журнала, количество, ваш почтовый адрес.

Региональные представители и финансовая поддержка приветствуются, контактный адрес: aksupress@front.ru

Военно-исторический
литературный журнал
«Боль сердца моего»
№1(3), 2009 год

Учредитель и главный редактор:
Сергей Щербаков

Над выпуском работали:
Сергей Щербаков
Юрий Беридзе
Александр Карцев
Виталий Скворцов
Ольга Коршунова

Дизайн и верстка:
Сергей Щербаков

E-mail:
aksupress@front.ru

Веб-адрес:
<http://www.artofwar.ru/z/zhurnal/>
<http://aksu51.narod.ru>

Отпечатано в типографии:
ООО «Артмастер»

Тираж: 500 экземпляров

Перепечатка или воспроизведение
материалов из журнала «Боль
сердца моего» без согласования с
редакцией и без ссылки на журнал
и сайты «Lifecontrary.ru», «Artofwar.
ru», «Artofwar.net.ru» запрещается.

В номере использованы материалы
и фотографии
Владимира Войта, Виталия Носкова,
Александра Тумахи, Владимира
Быкова, Сергея Шишкова,
Александра Карцева, Александра
Коломийца, Валерия Киселева, а
также с сайтов:
www.artofwar.ru,
www.artofwar.net.ru,
www.lifecontrary.ru,
www.ruswar.com,
www.rusawards.ru
www.weltkrieg.ru
www.wv2.ru
www.armor.ru
<http://www.iremember.ru>

2 Военная проза

Александр Коломиец «Спецназ»
Александр Хмурый «Зверь мой»
Сергей Герман «Солдатская мать»

12 Поэтическая тетрадь

Владислав Исмагилов «Плач матери», «Военным
медикам (300-й)», «Мечты», «Под Атагами»,
«Войсковой священник»
Игорь Посевнин «173»
Михаил Кошкош «Баллада о афганской жене»
Вадим Гусев «Выросла ромашка-цвет на краю
траншеи» «Он ушел»
Школьников «За тех...»

18 Мемуары

Владимир Войт «Воспоминания врача батальона»
Сергей Погодаев «Тайга»
Петр Стуков «До сих пор ношу в руке четырех «фа-
шистов»

36 Интервью

Гак Александр Михайлович

39 Мемориал

51 Помните о нас

Сергей Буковский «Бой у кишлака Дури»
Виталий Носков «Защищая Тухчар»

60 Русские вне России

Армен Гаспарян «Казачи на Лемносе»
Поэзия Николая Туроверова

63 Военный опыт

Олег Валецкий «Минное оружие в современном
мире»

64 Экскурс в историю

Военная помощь Советскому Союзу
Орден Святого Равноапостольного
Князя Владимира
Игорь Ладыгин «Немцы в Русской армии накануне
и в годы Первой мировой войны»

69 Серия «Неизвестная война»

«Николай Прокудин «Рейдовый батальон»
«Район десантирования»

68 Забытые имена

«...этот бой принес нам боль невосполнимой
утраты...»

БОЛЬ СЕРДЦА МОЕГО

Орден Святого Равноапостольного Князя Владимира

«За службу и храбрость»

Учрежден 26 ноября 1769 года. Статут утвержден 26 ноября 1769 года. Имел 4 степени.

Знаки ордена носились:

1-й степени у левого бедра на широкой орденской ленте через правое плечо; поверх мундира лента надевалась только в особых случаях, в обычные дни ее надевали под мундир, концы ленты с крестом выпускались наружу через специальные отверстия сбоку;

2-й и 3-й степени на широкой орденской ленте; крест третьей степени меньше, чем крест второй, соответственно лента 3-й ст. уже, чем лента 2-й ст.

4-й степени в петлице орденской ленте.

Звезда, полагавшаяся знакам 1-й и 2-й степеней, носилась на левой стороне груди.

Тираж: выдано знаков ордена

1-й ст. 25;

2-й ст. 123;

3-й ст. 652;

4-й ст. около 1000 (до 1917 г.);

за выслугу лет (до 1917 г.); в т.ч. 4, за

проведение в плену (до 1917 г.); 4, за

награждение (до 1917 г.); 4, за

Знаки ордена носились на левой стороне груди. Знаки ордена носились только на левой стороне груди.

PAIN

OF MY HEART

Я ревел, смотря на свою поседевшую маму. А ей только сорок пять. А сколько таких мам, которые никогда не сядут за свадебный стол, со своими сыновьями... Я плакал о "своем" Афгане, ревел так, как никогда в жизни реветь не буду...

Александр Тумаха "Реабилитация"

Я в этот день налью стакан,
И молча выпью за Афган,
За поседевших пацанов,
Познавших тяжесть орденов,
За постаревших матерей,
Отдавших Родине детей,
За тех, кто не пришёл с войны,
За тех, кто носит им цветы,
За тех, кто письма им писал,
За тех, кто их со страхом ждал,
За Русь, любимую свою,
Пославшей их на ту войну,
Икнётся тем, кто нас предал,
Кто там, в политику, играл.
Кто закрутил те жернова,
Со страшным именем - война!

Я в этот день налью стакан,
И молча выпью за Афган...

Сергей Школьников "За тех..."

www.artofwar.ru
www.lifecontrary.ru
www.artofwar.net.ru